

**МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ — МСХА ИМЕНИ К. А. ТИМИРЯЗЕВА**

РГАУ-МСХА
имени К.А. Тимирязева

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ

Кортунов Вадим Вадимович

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

учебник

Москва, 2022
Издательство «Перо»

УДК 008(075.8)

ББК 71

К69

Кортунов Вадим Вадимович
К69 **Культурология. Учебник.** – М.: Издательство «Пе-
ро», 2022. – 172 с.

ISBN 978-5-00204-223-4

В учебнике предпринята попытка дать всесторонний анализ мировой культуры. Наряду с описанием культурно-исторических явлений, осмысливается всемирная история культуры в качестве закономерного процесса, обладающего собственной логикой развития. Ситуация XX столетия представлена в качестве промежуточного итога культурной эволюции человечества. Особое значение уделено оценке роли и места России во всемирном культурно-историческом процессе. Автор учебника надеется, что краткий экскурс в историю культуры поможет читателям более четко осознать законы, по которым происходит смена различных культурно-исторических эпох, систем ценностей и типов мировоззрения.

Рецензенты:

Шелекета Владислав Олегович, доктор философских наук,
профессор Национального исследовательского университета «МЭИ» в
г. Волжском

Саенко Наталья Ряфиковна, доктор философских наук, профессор
Московского политехнического университета

УДК 008(075.8)

ББК 71

ISBN 978-5-00204-223-4

© Кортунов В.В., 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ.....	6
1.1. Культурология и ее проблематика. Культура как предмет анализа.....	6
1.2. Структура и морфология культуры. Типология культуры. Функции культуры.....	17
1.3. Культура и человек.....	26
ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ.....	39
2.1. Генезис культуры.....	39
2.2. Культура древних цивилизаций.....	43
2.3. Античная культура.....	60
2.4. Культура западноевропейского Средневековья.....	73
2.5. Культура Византии.....	80
2.6. Культура Возрождения. Реформация.....	85
2.7. Культура Нового времени.....	92
2.8. Актуальные проблемы культуры XX века.....	99
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ РОССИИ.....	106
3.1. Идея российского культурного самосознания.....	107
3.2. Культура древних славян и языческой Руси. Киевская Русь.....	118
3.3. Культура Московской Руси.....	127
3.4. Культура императорской России.....	135
3.5. Социокультурная ситуация в России XX века.....	147
ЗАПАД И ВОСТОК.....	156
КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА.....	164

ВВЕДЕНИЕ

В жестких рамках учебной программы сложно дать всесторонний анализ мировой культуры. Тем не менее, мы не ограничились простым описанием культурно-исторических явлений и попытались осмыслить всемирную историю культуры в качестве закономерного процесса, обладающего собственной логикой развития: ситуация XX столетия представлена в качестве промежуточного итога культурной эволюции человечества. Особое значение в этом смысле приобретает оценка роли и места России во всемирном культурно-историческом процессе. Мы надеемся, что краткий экскурс в историю культуры поможет читателям более четко осознать законы, по которым происходит смена различных культурно-исторических эпох, систем ценностей и типов мировоззрения.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1.1. Культурология и ее проблематика. Культура как предмет анализа

Состав предметов гуманитарного цикла достаточно обширен — это философия, социология, история, психология, филология и мн. др. Существуют также научные дисциплины, занимающиеся собственно изучением культуры, такие как теория и история культуры. Есть ряд предметов, возникших на стыке наук, — культурантропология, философия культуры, социология культуры. Однако культурология стоит в этом ряду особняком.

Существуют, по крайней мере, три основных подхода к культурологии. Первый рассматривает культурологию как комплекс наук, изучающих культуру. Второй отводит культурологии место вспомогательного раздела внутри дисциплин, связанных с изучением проблем культуры. С третьей точки зрения, наиболее нам близкой, культурология — это самостоятельная наука, со своим предметом, методологией и определенным местом в системе гуманитарного знания.

Можно выделить ряд причин, приведших к появлению новой науки о культуре среди множества уже существующих. В системе знаний о культуре долгое время первенствовала культурфилософия, но в XX в. массивный прирост эмпирического материала выявил невозможность его полноценной обработки в рамках существующей философии культуры. С другой стороны, развитие обширных культурных связей и выход национальных культур за свои границы, мощное наступление достаточно унифицированной массовой культуры доказали необходимость выработки единых подходов к изучению культуры, в том числе и для того, чтобы помочь национальным культурам сохранить свою неповторимую индивидуальность. Еще одной важной причиной можно назвать дальнейшую рационализацию человеческого мышления, рост технократизма, появление опасного взгляда на предметы гуманитарного цикла как на нечто второстепенное и даже мешающее дальнейшему развитию цивилизации. В этой связи культурология в будущем вполне сможет выступить значительным гуманитарным противовесом таким идеям, способствуя повышению уровня духовности человека и человечества.

Попытаемся определить существенные отличия культурологии, к примеру, от философии культуры. Известный российский культуролог В.М. Межуев полагает, что здесь водораздел проходит в плоскости различий между наукой и философией, между «описанием» и «оценкой»: философия культуры определяет культурную ценность для человека тех или иных феноменов, а культурология дает их объективное описание. Интересным представляется также мнение, что культуролог занимается, прежде всего, изучением «чужих» культур, а философ культуры — «своей». Еще один подход заключается в том, что философия культуры — дисциплина, направленная на понимание культуры как целого и всеобщего, а культурология рассматривает конкретные формы. И в этом случае философия культуры предстает методологией культурологии.

К проблемам, решаемым в рамках культурологии, можно отнести следующие: определение места культуры в системе бытия; выявление отношений культуры к природе, обществу и человеку; исследование многомерного строения культуры, обусловленного ее функциями в жизни и развитии человечества; проявление сущности культуры в ее существовании, т.е. в многообразии конкретных культур, которые существуют в социальном пространстве и социальном времени, филогенезе (развитие мира в целом) и онтогенезе (индивидуальное развитие организма); описание культурных феноменов; утверждение неповторимости и уникальности культурных миров; взаимоотношения культуры и цивилизации и т.д.

В современном культурологическом знании выделяются несколько ведущих направлений, каждое из которых занимается исследованием проблем культуры, опираясь на собственную методологическую базу. В настоящее время многие философы, филологи, социологи и представители других гуманитарных наук сближаются в своих работах с позициями культурологии, потому что проблема человека стала ведущей в XX столетии, а культура превратилась в эпицентр бытия современного человека. Различия между направлениями в культурологии лежат не только в области того, как понимать культуру, какую дать ей дефиницию, но связаны и с проблемами ее зарождения, функционирования, развития, с оценкой роли и места культуры в духовной и практической жизни человека. И, наверное, одним из самых спорных является вопрос о дальнейших судьбах культуры. Перечислим некоторые современные ветви культурологии и их центральных представителей.

1. Психоаналитическая. Основы этой школы заложил австрийский психиатр, психолог и философ Зигмунд Фрейд, великий исследователь глубин человеческого бессознательного. В работах «Будущее одной иллюзии», «Недовольство в культуре» он показал, что культура имеет в жизни человека не только положительное, но и отрицательное значение. С одной стороны, она сдерживает человеческие инстинкты, делает нашу жизнедеятельность безопасной от разрушительных сил человеческого бессознательного. С другой стороны, культура подавляет в человеке многие творческие задатки, создавая «среднего человека». Представители позднего психоанализа критиковали Фрейда, но все-таки развивали магистральные пути, указанные им. Таковым можно назвать Эриха Фромма.

2. Формационная. Основоположниками этого направления являются Карл Маркс и Фридрих Энгельс. В их представлении движение истории есть смена общественно-экономических формаций, тогда как культура идет следом, подстраиваясь и обслуживая те или иные общественные и экономические отношения. Таким образом реализуется главный постулат марксизма о примате бытия над сознанием.

3. Линию «философии жизни», начатую еще Артуром Шопенгауэром и Фридрихом Ницше, продолжил немецкий культурфилософ Освальд Шпенглер. В грандиозном по значимости труде «Закат Европы» он представил и аргументировал свое видение проблем развития культуры и причины кризиса европейской цивилизации. По его мнению, всякая культура имеет свое рождение, свой кульминационный пик и свою смерть, т.е. проходит этапы становления, как живой организм. Причем этап, когда культура застывает, прекращает свое развитие и рост, теряет духовные потенции, материализуется, Шпенглер определил термином «цивилизация». И кризис западной культуры как раз в том и состоит, что она вошла в стадию цивилизации, т.е. приближается к финалу своего существования. В сходном методологическом ключе рассматривает движение культуры англичанин Арнольд Тойнби в фундаментальном двенадцатитомном труде «Исследование истории», хотя он близок и к социологической школе.

4. Социологическая. Наиболее видный ее представитель — Питирим Сорокин, русский эмигрант, проживавший в Америке. В своих трудах он представил историю человечества как смену целостных социокультурных сверхобщностей, внутренне связанных определенным единством ценностей и значений. Кризис современной

культуры связан, по его мнению, с утратой духовных ценностей в угоду материализму, рационализму, техницизму. Представителями социологической школы также являются Альфред Вебер, Толкотт Парсонс.

5. Символическая. Это самое молодое направление в культурологии, появление которого связано с усилением знаковой стороны культуры. Человек творит вокруг себя мир, но это творчество становится все более и более символическим. Культура теряет непосредственную связь с предметами, образуя знаково-символическую систему. Центральными фигурами здесь, конечно же, можно назвать Эрнста Кассирера, написавшего «Философию символических форм», Лесли А. Уайта, развившего теорию Эрнста Кассирера, и Клода Леви-Стросса, создателя структурной антропологии.

В обыденном представлении понятие «культура» существует прежде всего как показатель образованности, воспитанности, следование нормам этикета, с одной стороны, как определенный образ жизни, преимущественно городской — с другой, и как система культурных институтов и учреждений (театров, библиотек, музеев и т.п.) — с третьей. Однако во вненаучных взглядах на культуру происходит смешение и подмена понятий. В них объединяются понятие «культурность», область социального бытования культуры и т.п.

Одно из самых первых научных определений культуры было основано на разграничении сферы природы и сферы культуры. Под первой понимали мир, существовавший и существующий вне желаний, воли, деятельности человека, тогда как вторая сфера возникает и существует благодаря и в связи с человеком, будучи созданной им искусственно. Это был мир, в котором присутствовали: искусственные орудия труда и использование огня; речь как способность осознавать и передавать с ее помощью смысл предметного и не предметного мира; система запретов, с помощью которых человек преодолевал в себе животное начало; сообщества, объединенные осознанием смысла подобного объединения. В современной науке отношения между природой и культурой носят более сложный, не столь прямолинейный характер, и зависимость развития культуры от антропогенного фактора ставится под сомнение.

Уже в античную эпоху сформировался ряд понятий, так или иначе связанных с современным пониманием культуры. Прежде всего, это слово «пайдейя», которое можно перевести как воспитание и образование, но правильнее говорить о целой системе культурных

ценностей, получаемых ребенком через пайдейю. Пайдейя означает, по Платону, руководство к изменению всего человека в его существе. Человек, воспитанный в данной педагогической системе, становился неким идеалом человека, культурным человеком, как мы бы сегодня сказали. Для эллина национальный признак был не слишком важен, пайдейя была внациональной. Прохождение пайдейи было критерием разделения людей на культурных и некультурных, «наших» и «не-наших», или варваров. Приобщение человека к «миру Муз», аполлоническому началу (означавшее для древних греков собственно культурное пространство) происходило посредством мусеи.

Существовало еще одно слово, о котором необходимо упомянуть, — калокагатия, обозначавшее человека красивого, т.е. гармонично развитого в физическом отношении и обладающего внутренней духовной красотой, а также твердого умственно. Греки одними из первых осознали, что, кроме природного мира, существует некая сфера, которую создают люди, свободные от физической работы. Сфера духа, ценности которой зависят не от природы, а от сознательного акта человека.

Собственно слово «культура» возникает в древнеримскую эпоху. Этимологически слово «культура» восходит к латинскому *colere*, означавшему «возделывание, обработка», в более поздней форме которого *cultus* появляется новое значение «почитание». В русских словах и словосочетаниях «культивация», «сельскохозяйственная культура» первое значение сохранилось до сих пор. А смысл «почитание» просматривается в современном слове «культ». Новое, расширенное понимание слова «культура» встречается у римского оратора и философа Цицерона, который видел в термине «культура» смысл *cultura animi*, т.е. «возделывание, воспитание души». Правда, автор «Тускуланских бесед» имел в виду скорее философию, которая рассматривалась им не только как обработка или образование ума, но его почитание, уважение и поклонение ему.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности генезиса понятия «культура», укажем, что классическое понимание смысла этого термина сформировалось в эпоху Просвещения и стало синонимом интеллектуального, нравственного, эстетического, т.е. разумного, совершенствования человека в ходе его исторической эволюции. В этом значении понятие «культура» смыкалось с понятием «цивилизация».

Современное понимание культуры в целом отлично от обозначенного выше классического подхода и определяется как неклассиче-

ское. Родоначальниками такого взгляда на культуру, с известными оговорками, можно назвать романтиков и представителей «философии жизни» (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше). Романтики впервые отошли от понимания всеобщего и абстрактно-разумного характера культуры, перенеся акцент на индивидуальные формы проявления и существования культуры. Рационалистическим идеям Просвещения романтики противопоставили субъективную мощь человеческого творчества, которая не может быть ограничена никакими внешними условиями и обстоятельствами. Свобода личного самовыражения и есть душа культуры, придающая ей в каждую эпоху неповторимость, уникальность и индивидуальный образ. Корень культурно-философской позиции Шопенгауэра обнаруживается в трактовке образа человека как носителя воли и интеллекта. По мнению философа, пренебрежение к воле и переоценка роли интеллекта и создали культуру, которая в конечном итоге лишила человека его естественного природного основания.

В современной науке не существует целостного и универсального понимания феномена культуры. По подсчетам американских культурологов Альфреда Кребера и Клайда Клакхона, к 1950 г. в мире насчитывалось 157 определений понятия «культура». На сегодняшний момент их около 400. Все согласны с тем, что «культура» есть понятие достаточно обширное, предполагающее различные трактовки. Следовательно, в зависимости от подхода, реализуемого тем или иным исследователем, изменяется и дефиниция. Рассмотрим некоторые из них.

Этнографический. Одним из первых его представил английский этнограф и исследователь первобытной культуры Эдуард Тайлор, определивший культуру как совокупность знаний, искусства, морали, права, обычаев, верований, привычек, присущих человеку как члену общества.

Деятельностный. Э. Маркарян видит в культуре внебиологически выработанный способ деятельности.

Аксиологический, или ценностный. Культура как система материальных и духовных ценностей, накопленных человечеством за свою историю.

Социологический. Здесь культура предстает как исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях.

Психоаналитический. Культура есть узаконенная система норм, запретов, табу, окружающих человека в обществе, определяющих его жизнь и отделяющих его от собственной животной природы.

Идеалистический. Культура как высшее проявление человеческого духа. «Реализация верховных ценностей путем культивирования высших человеческих достоинств» (М. Хайдеггер).

Имагинативный (*imaginatio* — воображение). Я. Голосовкер, автор теории «имагинативного абсолюта», полагает, что культура есть высший человеческий инстинкт, удовлетворяющий неполноценно реализованные потребности человека с помощью иной, имагинативной, воображаемой реальности, иначе говоря, посредством создания иллюзий.

Этот ряд можно продолжать достаточно долго, поэтому укажем лишь на то, что с разных точек зрения культура предстает как понятие, определяемое следующими предикатами: результат, процесс, деятельность, способ, отношение, норма, система, проявление, степень и т.д.

Однако важно определить и обосновать тот подход, который реализуется в данной книге и на основании которого строятся центральные заключения и выводы. Мы придерживаемся духовной парадигмы в понимании феномена культуры, а поскольку определение культуры всегда концептуально, то оно уже само по себе подразумевает конкретную мировоззренческую позицию и предполагает определенный ответ на многие глобальные вопросы, связанные с социальной жизнью людей, осмыслением сущности человека и его места в системе бытия.

В рамках культурологической науки особый интерес представляют два блока определений, отчасти представленных выше, которые сводятся к пониманию феномена культуры в качестве диалектического единства материальных и идеальных элементов мироздания и к пониманию феномена культуры в качестве собственно духовной реальности. Попытаемся проанализировать эти блоки.

Первый блок, который условно можно назвать «феноменологическим», фиксирует дуальную (двойственную) природу культурных явлений, обращая внимание на то, что любой элемент культуры с необходимостью становится результатом отношения субъективности человека к миру объективных реальностей. Этот подход к культуре, который объединяет множество научных позиций («культура есть совокупность материальных и духовных ценностей», «культура есть ре-

зультат социальной деятельности человека», «культура есть «вторая природа», созданная руками человека» и т.д.), достаточно логичен, поскольку, с одной стороны, определяет культуру как оппозицию «натуре» (природе), а с другой стороны, вскрывает природу культурного явления как взаимодействия материальных и идеальных элементов действительности.

Однако данное определение имеет ряд слабых мест. Во-первых, определив культуру таким образом, мы устанавливаем тождество между понятиями «культура» и «цивилизация». В научном плане такое смешение понятий не перспективно, особенно в конце XX в., когда в цивилизационных и культурных процессах проявилась четко выраженная тенденция к асинхронии развития. Кроме того, поставив знак равенства между культурой и цивилизацией, мы лишаем себя возможности апеллировать к значительной части выдающихся философско-культурологических исследований XIX—XX столетия, рассматривающих цивилизацию в качестве особой формы (стадии) культурного развития. Во-вторых, в рамках данного блока определений может возникнуть проблема разделения культуры на «материальную» и «духовную». Такая постановка вопроса нередко заканчивается тупиком, поскольку реальные элементы культуры всегда выступают в качестве явления, феномена или, иными словами, в качестве диалектического единства материи и духа. Что такое, к примеру, художественное полотно — проявление материальной или духовной культуры? Где, скажем, в Шестой симфонии Чайковского заканчивается материя звука и начинается собственно духовность? В-третьих, если культура — это все, что создано человеком, то понятия «бескультурья» и «варварства» вообще теряют какой-либо смысл. Речь может идти лишь о разных культурах и об их различной субъективной оценке. Ведь концентрационные лагеря и мировые войны — тоже проявления человеческой активности, его деятельности. И здесь возникает вопрос: а достойно ли все это называться «культурой»? В-четвертых, дуальная точка зрения на культуру не отражает ее сущностной специфики, а констатирует лишь ее природу, что не одно и то же. Для того чтобы книга могла приобрести социокультурную значимость, она, безусловно, должна быть отпечатана. Но, по всей видимости, идентификация книги как элемента культуры все-таки зависит не от красочности переплета и не от качества типографской краски, а от содержащихся в ней идей и ее духовного воздействия на читателя.

По всем названным причинам мы склоняемся ко второму блоку определений, который, констатируя двойственную природу культуры, выявляет в качестве сущностной черты ее духовность («культура есть высшее проявление духа», «культура есть результат духовно-творческой активности субъекта», «культура есть форма самопознания Абсолютного Духа» и т.д.). С этой точки зрения более понятной становится оппозиция культуры и цивилизации (как высшего материально-технического, утилитарного проявления человеческой жизнедеятельности), вновь приобретают смысл понятия «варварства» и «бескультурья» (деятельность, направленная на деградацию, разрушение духовных основ человеческой жизни), восстанавливается в своих правах категория «творчества» (духовное приращение бытия, создание небывалого, в отличие от производственной деятельности, основанной на копировании, тиражировании, материальном приращении бытия).

К числу важнейших проблем современного культурологического знания необходимо отнести вопрос о сущности и взаимоотношениях таких феноменов, как культура и цивилизация. В науке существуют два пути в его решении: отождествление этих понятий и их разделение. История взаимоотношений этих понятий в философско-культурологической мысли довольно драматична. Имея античное происхождение, слово «цивилизация» получило широкое употребление только в эпоху Просвещения. Путевку в жизнь этому термину дал Пьер Гольбах. В то время данное понятие ассоциировалось с концепцией прогресса, эволюционным развитием народов на началах Разума. Впоследствии термин «цивилизация» обретает полисемантическую (многозначную). В трудах Вольтера цивилизация отождествляется с цивилизованным поведением, т.е. хорошими манерами и навыками самоконтроля. XIX век расширил значение этого слова, которое стало применяться для характеристики стадий развития человечества. Эта мысль отразилась в названии книги Льюиса Моргана «Древнее общество, или Исследование путей человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации». В это же время сформировался взгляд, согласно которому понятие «цивилизация» соотносилось только с европейской культурой, что послужило развитию идеи европоцентризма в науке, философии, политике и экономике. Следовательно, все остальные культурные регионы считались нецивилизированными или, в лучшем случае, малоцивилизированными.

Научная теория цивилизации, в основе которой лежит различие понятий «культура» и «цивилизация», сформировалась в трудах Ж.-Ж. Руссо, Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, а также в работах американских ученых Ф. Нортропа, А. Кребера и П.А. Сорокина, исходящих из представления о цивилизации как особом этапе развития культуры или культурно-исторического типа, имеющем определенные признаки:

- культурная общность людей, обладающих некоторым социальным генотипом и социальным стереотипом;
- освоенное, достаточно автономное и замкнутое мировое пространство;
- определенное место в системе других цивилизаций.

В знаменитом рассуждении «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?» Ж.-Ж. Руссо впервые высказал резкие возражения против цивилизации, противопоставив ей естественное, т.е. природное, состояние человека. Начиная с труда Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», в котором была сформулирована идея культурно-исторических типов, впервые оформилась мысль о множественности цивилизаций и о том, что не только Европа является носителем цивилизационного начала.

Идеи Н.Я. Данилевского не были услышаны в свое время, и лишь в начале XX в. немецкий культурфилософ О. Шпенглер уже на новом витке развития европейской культуры вернул интерес к ним, создав «философский роман» «Закат Европы». Шпенглер указал, что цивилизация есть завершающая стадия любого культурного развития, его омертвление и угасание: «Цивилизация есть неизбежная судьба культуры <... > Цивилизации <... > это завершение, они следуют как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как неподвижность за развитием, как умственная старость и окаменевший мировой город за деревней и задушевым детством», — писал О. Шпенглер.

Теория цивилизации А. Тойнби продолжает линию Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера, кульминируя мысль о локальных цивилизациях. Основные вопросы, поднимаемые А. Тойнби, таковы: почему некоторые общества не складываются в цивилизации, тогда как другие достигают этого уровня; как и почему цивилизации «надламываются, разлагаются и распадаются».

В современной культурологической мысли выделяется и иной аспект взаимоотношений культуры и цивилизации, пролегающий в

области разделения духовного и материального. И в этом смысле цивилизация в целом предстает как материальная сторона культуры.

В сочинении «Смысл истории» Н.А. Бердяев пишет: «Во всякой культуре после расцвета и утончения начинается иссыкание творческих сил, удаление и угашение духа, убыль духа. Меняется все направление культуры. Она направляется к практической организации жизни». По мнению философа, всякая культура есть культура духа, однако на известной стадии своего развития культура начинает разлагать свои основы, она духовно истощает себя, рассеивает свою энергию. Когда исчезают духовные иллюзии, им на смену приходит цивилизация, техничная, реалистичная, прагматичная, демократичная, обезличенная, массовая. Цивилизация имеет не природную, не духовную, а машинную основу. В ней техника торжествует над духом. Идеи, выраженные Н.А. Бердяевым, можно свести в схему (см. таблицу 1).

Таблица 1

Различия культуры и цивилизации (по Н.А. Бердяеву)

КУЛЬТУРА	ЦИВИЛИЗАЦИЯ
Возникает и существует до зарождения цивилизации	Возникает на определенном этапе развития культуры
Является категорией универсальной и общечеловеческой	Представляет собой временное понятие
Содержит в себе уникальное начало	Основана на тиражировании
Символ – шедевр	Символ – китч (кич)
Не применимо понятие «прогресс»	Базируется на понятии «прогресс»
Соотносится со сферой духовного	Соотносится со сферой материального

Некоторые современные культурологи рассматривают цивилизацию как своеобразную промежуточную стадию развития человеческого опыта, которая завершится постцивилизационной стадией, где мировые информационные системы будут способствовать созданию и росту глобальной культуры.

1.2. Структура и морфология культуры. Типология культуры. Функции культуры

Прежде всего, зададимся вопросом, что означает термин «структура»? Структура — «это совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т.е. сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях» (Большой энциклопедический словарь, 1991). Культура как сложное образование также имеет свою структуру. Последняя в свою очередь может быть ядерной или безъядерной. Культура как общечеловеческий феномен, определение которому мы попытались дать выше, всегда реализуется прежде всего в национально-этнических формах.

Таким образом, ядром культуры становится национальный менталитет, самосознание, специфический способ «переживания жизни» (О. Шпенглер), характерный для того или иного этноса. Если данное ядро исчезает, растворяется или изменяется под воздействием тех или иных исторических и прочих причин, то соответственно исчезает, растворяется или изменяется сама культура. Культура, не имеющая такого центрального ядра, принимаемого этническим большинством, не способна к достаточно длительному существованию. Коррелятом (указателем) национального самосознания является национальный язык.

В зависимости от выбранного принципа дифференциации культурное ядро будет преломляться на различных уровнях, как-то социальном, профессиональном, аксиологическом, функциональном и т.д. И структурно будут выделяться крестьянская культура и культура аристократии, военная и артистическая культура, религиозная и политическая, культура производства и культура потребления...

Важными понятиями, формирующими представление о структуре культуры, являются понятия официальной культуры и контркультуры. Официальная культура есть такая форма культуры, которая транслируется сверху и признается большинством общества в качестве определенного стандарта (чаще всего молчаливо признается). В любом обществе существует официальная культура. Но наряду с ней может возникать и контркультура, являющаяся оппозицией офици-

альной культуре. Таковой можно назвать культуру диссидентов во времена СССР, культуру хиппи 1960-х гг.

Кроме того, особенно при выраженном социологическом подходе к исследованию культуры, структурно могут выделяться так называемые субкультуры, «под»-культурные образования, возникающие в рамках той или иной культуры. Они сохраняют ведущие характеристики основной культурной формы, но при этом имеют локальные отличия, придающие им некоторую особенность. Подобными субкультурами можно назвать некоторые неформальные молодежные объединения. В настоящий момент таковой становится и элитарная культура. Культура «новых русских», еще некоторое время назад являвшаяся яркой субкультурной общностью, начинает постепенное сращиваться с официальной культурой.

От понятий контркультуры и субкультуры необходимо четко отделять антикультуру. Последняя является антагонистическим противоположением культуре как таковой. Антикультура есть такая форма бытия человека и общества, которая намеренно направлена на разрушение, уничтожение, деструкцию духовности и культуры. Иногда антикультура может проявляться под маской официальной культуры: вспомним фашизм.

Иначе ставится вопрос, когда мы имеем дело с морфологией культуры, которая в общем виде представляет собой различные формы, составляющие бытие культуры, и рассматривает способы их взаимодействия. К ним относятся миф, религия, искусство, наука (рис. 1). Первоначально, на стадии первобытной культуры, эти составляющие культуры существовали неразрывно, образуя так называемый первобытный синкриз. В процессе развития культуры данные формы обрели самостоятельность.

Миф представляет собой самый первый донаучный пралогичный способ осознания и освоения мира и человека в нем. Мифологическое сознание основано на понимании единства человека и природы. Важнейшей чертой мифологического сознания является его образность и метафоричность.

Главной отличительной особенностью религиозного сознания является вера в сверхъестественное, чудо, непостижимое рациональным путем. Религия оперирует в основном коллективными представлениями, что определяет ее главное свойство — сплочение и связь единоверцев. В первобытной культуре религия проявлялась в формах анимизма, тотемизма, фетишизма и магии. Исторически религия раз-

вивалась от языческих политеистических представлений к идее монотеизма, единобожия и созданию мировых религий (буддизм, христианство, ислам). Религия устанавливает градации ценностей, придавая им святость и безусловность или, наоборот, греховность и низость, а потому важным становится требование постоянного морального совершенствования человека.

Параллельно с мифом и религией в культуре существует искусство. В искусстве человек прежде всего тяготеет не к выражению чувственной оболочки бытия, а к надматериальным духовным сущностям, являющимся нам в форме искусства. Искусство не есть отражение жиз

ни, но ее преобразование. Это создание новой реальности, не сводимой до конца к эмпирической действительности. Искусство является единственным морфом культуры, где вдохновение и фантазия художника не имеют ограничений.

Наука — самостоятельная форма культуры, основанная на объективности, достоверности и истинности получаемых знаний на основе рационалистических методов. Первоначально наука существовала как эмпирическое знание, возникшее из необходимости понимания и освоения окружающего мира. Наука лишена оценочного, субъективного начала, потому что опирается прежде всего на объективное знание. В отличие от остальных форм культуры, наука развивается, исходя из принципа прогресса, что на современном этапе приводит к постепенному переходу науки из сферы культуры в сферу цивилизации.

На рисунках 1 и 2 представлены различные взгляды на морфологическое строение культуры.

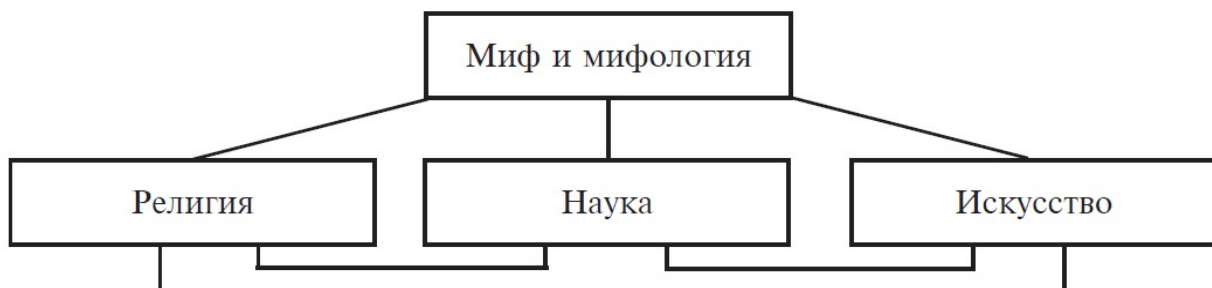

Рис. 1. Соотношение мифологии, религии, науки и искусства

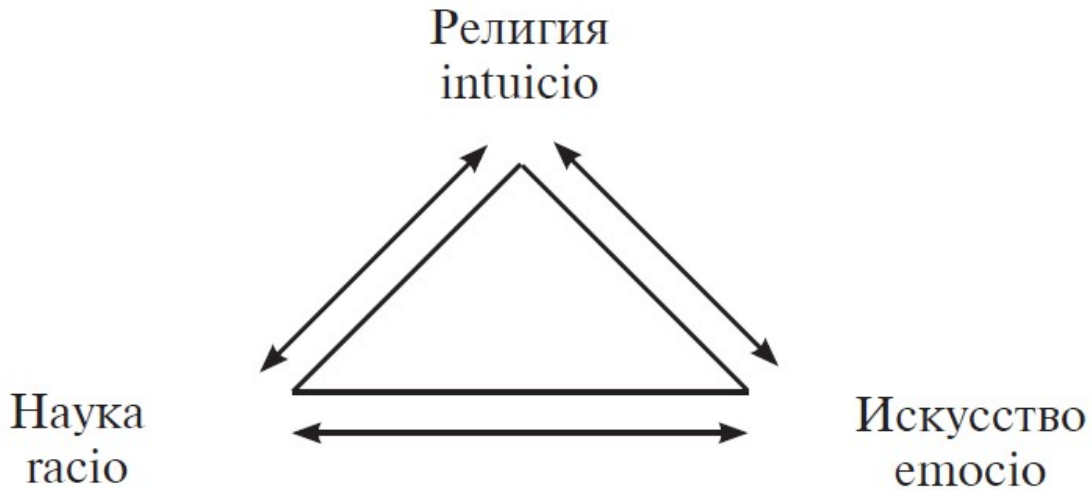

Рис. 2. Миф и мифология

Каким образом можно представить соотношение понятий «структура культуры», «морфология культуры» и «ядро культуры»? Изобразим это на следующей схеме (рис. 3): морфы культуры составляют и организуют ее ядро, создают культуру, которая в свою очередь делится на структурные составляющие.

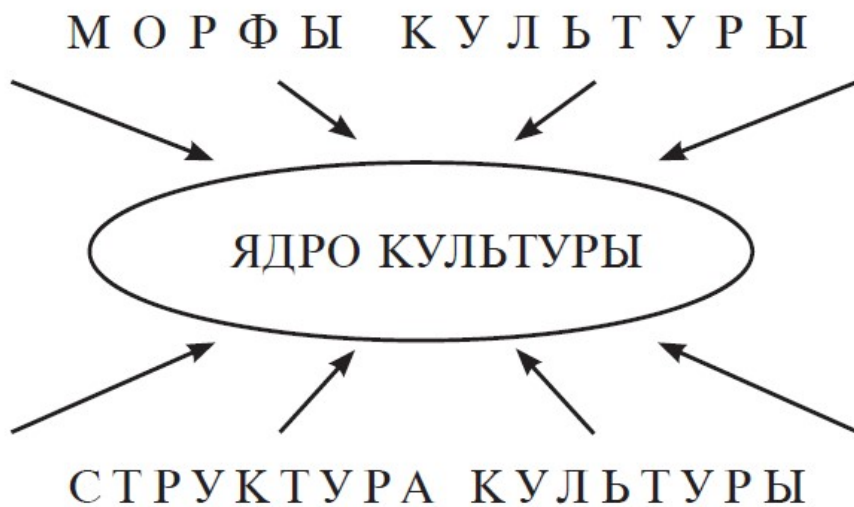

Рис. 3. Соотношение понятий «структура культуры», «морфология культуры» и «ядро культуры»

Типология культуры. Типология — это «научный метод, основа которого — расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной модели или типа; используется в целях сравнитель-

ного изучения связей, функций, отношений, уровней организации объектов» (Большой энциклопедический словарь, 1991).

Важным отличием типологии от классификации является то, что в первом случае исследователь проводит разделение, исходя из некоего им созданного идеального принципа, а не на основе естественных предпосылок (иногда — квази-естественных), как в случае классификации. Наблюдая за культурными феноменами, ученый делает определенные выводы, позволяющие ему создать критерий, который поможет увидеть многие стороны изучаемого объекта, бывшие дотоле скрытыми при использовании классической классификации.

Основными логическими параметрами культурологической типологии являются диахрония — синхрония и линейность — дискретность. Диахрония реализует исторический подход к типологии культуры, рассматривая ее в системе пространства-времени, горизонтали и вертикали. Синхрония рассматривает культуру только в системе пространственных координат, выделяя в качестве основной горизонталь. Синхрония изучает культуру в определенный период времени, делая как бы одновременный срез, что используется прежде всего при сравнительном изучении культур в рамках вполне конкретного временного отрезка.

Линейный подход видит в истории культуры непрерывную неразомкнутую цепь развития, тогда как дискретный подход реализует идею о прерывистости мирового культурно-исторического процесса.

Вероятно, одна из первых типологий представлена в книге пророка Даниила из Ветхого Завета, где автор выделяет пять царств: «золотое» (Ассиро-Вавилонское), «медное» (Персидское), «железное» (Македонское), «глиняно-железное» (Римское) и последнее — Царствие Небесное, «которое вовеки не разрушится, ... оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно».

В V веке до н.э. греческий историк Геродот, описывая греко-персидские войны, разделил все народы на две части — эллинов и варваров. К последним он отнес всех известных тогда соседей Древней Греции: лидийцев, мидян, египтян, ассирийцев, персов, фракийцев и т.д. Как мы видим, у Даниила была диахронная типология, а у Геродота — синхронная, т.е. пространственно-горизонтальная, что характерно для древнегреческой культуры с ее концепцией циклического времени.

Эпоха Возрождения, обратившись к Античности как культурному идеалу и желая дистанцироваться от Средневековья, заложила ос-

новы исторической диахронной типологии, которой мы, так или иначе, пользуемся до сих пор. Гуманисты Возрождения представили развитие истории и культуры как синусоиду, начинающуюся с взлета Античности и через упадок Средних веков снова возвышающуюся до эпохи Возрождения. Подобная типология использовалась и в эпоху Нового времени, став вполне традиционной. Большинство современных учебников по истории культуры построены, имея в основе данную историческую типологию — Древний мир, Античность, Средние века, Возрождение, Новое время.

В XIX веке немецкий философ Георг Гегель написал, вероятно, первый собственно культурологический труд «Феноменология духа», в котором он представил типологию культур в форме конкретно-исторических проявлений поступательного развития Абсолютного Духа. Философ выделяет типы культуры, исходя из того, насколько тот или иной тип овладел «свободой духа»: восточный тип (свободен один — монарх), греческий тип (свободны некоторые — граждане полиса), германский тип (свободны все — демократия).

Идеи Гегеля, только в перевернутом виде, воплотились в формационной теории К. Маркса, выдвинувшего мысль о смене общественно-экономических формаций. По Марксу, общественно-экономическая формация — это исторический тип общества, основывающийся на определенном способе производства и выступающий как ступень прогрессивного развития мировой истории человечества от первобытнообщинного строя к коммунизму. Таким образом, в предшествующей ему истории Маркс выделяет четыре типа общественно-экономических формаций: первобытнообщинный строй, рабовладельческий строй, феодализм и капитализм. Культура же выступает как величина вторичная по отношению к типу общественно-экономической формации.

Понимание истории культуры как истории замкнутых культурных типов впервые появилось в «Учебнике по мировой истории в органическом изложении» Г. Рюккерта (1857). Наш соотечественник Н.Я. Данилевский, развивая идею об особом культурно-историческом пути России и ее самобытности, в книге «Россия и Европа» (1869) выделил ряд культурно-исторических типов, на которые разбивается история культуры. Единой истории культуры не существует. Нет истории культуры, но есть история культур. Правда, в России того времени на теорию Данилевского не обратили должного внимания, и она вернулась к нам уже в обработке О. Шпенглера, опубликовавшего в

1916 г. первый том культурфилософского труда «Закат Европы». Шпенглер писал: «У каждой <культуры> своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желанья и чувствования и, наконец, собственная смерть», т.е. развитие отдельного культурно-исторического типа тождественно развитию живого организма. И вся история культуры слагается из смены восьми отдельных замкнутых этапов — культурно-исторических типов: египетский, индийский, вавилонский, китайский, античный, византийско-арабский, европейско-христианский и майя, в будущем предполагается появление русско-сибирского типа.

Итак, что же такое «культурно-исторический тип»? Это относительно замкнутое образование, вмещающее в себя некую культурно-историческую общность людей, объединенных единым культурным самосознанием, мировоззрением и мироощущением и проживающих на определенном локальном географическом пространстве, имеющее в собственном историческом развитии стадии зарождения, подъема, кульминации, упадка и гибели. Период существования культурно-исторического типа измеряется веками, иногда — тысячелетиями.

Идею локальных культурно-исторических типов поддержал в середине XX в. англичанин Арнольд Тойнби, правда, он называл эти типы «цивилизациями». В 1961 году Тойнби закончил обширный двенадцатитомный труд «Исследование истории». В современном мире ученый насчитывает пять «цивилизаций»: западная, русская, китайская, исламская и индийская. Но его работа особенно интересна тем, что он предложил закон развития «цивилизации», названный им законом «вызова и ответа». Этот закон гласит: «цивилизация» развивается динамично и позитивно, если активное общественное меньшинство находит адекватный ответ на каждый вызов истории; и наоборот, «цивилизация» находится в состоянии стагнации, упадка и негативного развития, если активное общественное меньшинство не способно дать адекватного ответа на каждый вызов истории. Следующим этапом подобного развития станет смерть «цивилизации», ее распадение, дезинтеграция.

У Тойнби прозвучала очень важная для современной исторической ситуации в России мысль. Он полагает, что если активное общественное меньшинство для решения своих проблем применяет оружие, то это яркий знак того, что данная «цивилизация» находится в состоянии упадка и устремлена к гибели. По этому поводу вспомним Чечню.

Какие же подходы нам следует выбрать при рассмотрении исторического аспекта культурологии? Будет ли это линия или отдельные точки в четырехмерном пространстве-времени? Будем ли мы рассматривать историю культуры как непрерывно развивающуюся цепь, в которой каждая эпоха вырастает из предыдущей и плавно перерастает в последующую? Или каждая культура предстанет в нашем сознании как замкнутая величина, уносящая в момент своей смерти в могилу истории созданные и накопленные ценности? Является ли история культуры историей культуры или историей культур? Что выбрать: линейный или дискретный (прерывистый) подход к истории культуры?

Нам ближе иной, третий, вариант, объединяющий два первых. Применяя терминологию теории относительности Альберта Эйнштейна, при дискретном подходе мы можем сказать, что рассматриваемые нами культуры лишь «относительно» рождаются и «относительно» умирают. Линейный подход проявится, если ввести некую абсолютную систему координат, тогда ясно можно увидеть, что культуры отдельных эпох, будь то Античность или Средневековье, в целом представляют собой настоящую цепь, в которой каждое звено соединено с предыдущим и последующим. Таким образом, с одной стороны, каждая культурно-историческая эпоха развивается относительно автономно, с другой же стороны, она преобразовывает и сохраняет в ином качестве остатки ушедшей культуры и сама служит фундаментом для своей преемственницы.

Функции культуры. Функция — «внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений» (Большой энциклопедический словарь, 1991).

Cultura animi («возделывание души», Цицерон). Человекотворчество. Социализация. Дети-маугли не могут стать людьми именно потому, что изначально лишены социального общения и культурного окружения.

Информационная. Передача социального опыта. Историческая преемственность культуры.

Познавательная. Посредством культуры человек познает мир и себя в нем, раздвигает свои границы.

Нормативная. Осознание того, что человек находится внутри культуры, приводит и к пониманию существования определенных культурных запретов, норм, табу. Культура как система нравственных, моральных ограничений и положений.

Коммуникативная. Общение людей во времени и пространстве, в конкретности и всеобщности.

Аксиологическая. Именно культура определяет ценность для человека тех или иных феноменов.

Адаптационная. Приспособление к среде проживания. На заре развития культуры эта функция была важнейшей. Со временем она постепенно перемещается все ниже по степени важности. Однако в современных условиях данная функция трансформируется, и можно говорить о приспособлении к социальной среде, выживании в этой среде. Если исходить из такого взгляда, то адаптационная функция культуры играет важнейшее значение для человека как члена общества.

Разграничение и интеграция человеческих общностей. Культура разделяет различные народы или объединяет один народ. Культура разъединяет людей различных субкультурных общностей или объединяет их в одной такой общности.

1.3. Культура и человек

Различные культурные традиции по-разному определяют место человека в системе бытия, исходя из конкретно исторического понимания сущности человека и его социокультурной ценности. Идентификация человека, формирование его самосознания становились центральными и главными факторами, определяющими весь ход развития культурных, экономических и социально-политических процессов. Глобальный пересмотр социокультурной идентификации человека всегда приводил к смене мировоззрения, системы ценностей, а в итоге — и к фундаментальным преобразованиям в развитии человечества, что и дает нам основания говорить о смене исторических эпох и различных культурно-исторических традиций.

Итоги XX в. позволяют сделать вывод о том, что современный человек подвергся испытанию силой и этого испытания он не выдержал. Возможности, которые он получил в результате научно-технической революции, оказались чрезмерно широкими. «Чрезмерно» — потому что справиться с ними он оказался не в состоянии.

Парадокс разума стал очевиден именно сегодня, когда человек стал безмерно могущественным и, одновременно, как никогда беззащитным. Разум как бы вышел из-под контроля: если изначально он был призван служить человеку, то теперь сам призвал человека к себе на службу. Целиком отдав себя на усмотрение своей «разумной» природе, человек перестал задаваться вопросами «кто я есть?» и «кем хочу быть?». Самосознание человека стало аморфным, следовательно, аморфным стал сам мир, существующий благодаря этому самосознанию и ради него. И хотя проблема самоидентификации стояла перед человеком всегда, особенно остро она проявилась теперь, когда человек обрел возможность кардинального изменения мира. Но соответствует ли нынешняя модель цивилизации интересам человека? Иногда создается впечатление, что разум уже начал работать не для человека, а против него: ведь именно фундаментальные открытия разума последнего столетия сделали угрозу существованию человека вполне реальной. Для того чтобы понять, насколько развитие современного мира и современной культуры соответствует целям и смыслу человеческой жизни, необходимо прежде всего выяснить, каково самосознание современного человека, каким человек хочет быть и как отличает себя от всего, что не есть он сам. Иными словами, необходимо

уяснить, как человек сознает свою собственную сущность и какой смысл он вкладывает в понятие собственной человечности.

Разум, сумев в последние века снабдить человека невиданным научно-техническим инструментарием, дал ему в совокупности со всей полнотой духовных сил неограниченную возможность формировать себя и окружающий мир. Человек оказался в состоянии изменять свое «Я» и среду своего обитания сообразно собственным интересам и целям. Логично предположить, что глобальная цель человечества — построить такую культуру и цивилизацию, которые обеспечили бы ему оптимальные условия для самовыражения и самоутверждения. Следовательно, человек, конструируя культуру, исходит из идентификации своего «Я». В этом кроется еще одна причина, по которой вопрос о самоидентификации человека в культуре приобретает статус первичного и основного вопроса.

Начнем с того, что проблема самосознания и самоопределения предстала перед человеком как первая духовная проблема. Человек начал свою историю с того момента, когда он понял, что он есть. Иммануил Кант справедливо считал, что представление «я есть» является наиболее глубоким и наиболее существенным пластом самосознания, благодаря которому и на основе которого возможна вся прочая сознательная деятельность. Более того, представление «я есть» означает психологическое деление мира на «Я» и «не-Я», поскольку ощущение моей самости с необходимостью предполагает и обратное — существование внешнего по отношению ко мне мира. Представление «я есть» порождает наиболее болезненный для человека вопрос: «что я есть такое?». С этого момента собственное существование становится для человека проблемой. Отсюда же и начинается свою историю вопрос о самоидентификации.

Наиболее общее положение, из которого исходит подавляющее большинство ученых, заключено в признании двойственной природы человека. Отсюда различные определения человека в качестве «био-социального» существа, в качестве «разумного животного», обладающего «духовно-тварной» основой. Даже словосочетание *Homo Sapiens* подспудно предполагает эту дуальность (двойственность): *Homo* констатирует принадлежность человеческого существа к животному миру, полагая его разновидностью млекопитающих, *Sapiens* же указывает на признак, характерный исключительно для данного вида биологического организма.

Факт того, что жизнь человека детерминирована как биологическими, так и духовными потребностями, вводит ученых в большое искушение определять и сущность человека как двойственную. Вероятно, это самое простое, но далеко не самое удачное решение. Ведь констатация двойственности природы человека еще не предполагает двойственность его сущности. И если человек оказывается зависим от своей животности, это совершенно не означает, что данная зависимость составляет его ценность как собственно человеческого существа. Онтология (сущность бытия) человека влияет на его аксиологию (систему ценностей), но не определяет, а тем более не подменяет ее.

Тем не менее, в современной науке и культуре четко прослеживается тенденция к утверждению человеческой животности, при этом сама «разумность» приобретает статус механизма, эффективно обслуживающего его телесно-гедонистические потребности, желание наслаждаться. На уровне обыденного сознания это выражается в постоянной, почти инстинктивной и доминирующей озабоченности человека по поводу своего предметно-эмпирического бытия, жизни в реальной действительности. Можно понять, когда в странах с низким уровнем жизни (к которым можно отнести и современную Россию) это проявляется в тревоге за собственное выживание. Но ту же самую психологическую настроенность мы наблюдаем и в экономически благополучных государствах: основной вопрос, который заботит современного человека, заключается в стремлении к витальной (жизненной) гармонии, предельной комфортности, в погоне за возможностью максимального потребления, за неумным повышением своего материального уровня жизни.

Вся разумность, рациональность человеческого интеллекта направлена на преобразование жизни, на приведение ее в соответствие с биологическими потребностями людей. Если разум и выделил как-то человека из животного мира, то это выделение состоялось в форме безграничной возможности реализовывать свою животность. Каким сделал человека разум к концу XX в.? Очевидно одно: в вопросах реализации своих животных инстинктов разум поставил человека вне конкуренции. Ни одно животное не смогло уничтожить такое количество себе подобных. Ни одно животное не в состоянии столь успешно истреблять среду своего обитания. Ни одно животное не озабочено в такой степени изошренностью своих физиологических отправления. Гордость человека за свой разум и за построенную им Великую Техническую Цивилизацию превращается в пустой звук, когда тот же ра-

зум оказывается не в состоянии ответить на вопрос «во имя чего все это?».

Современная культурология, социология, политология и метафизика много рассуждают о человеке, но не любят говорить о духе или душе, полагая, что это излишняя «лирика», не применимая к научному анализу. В итоге почти вся научная западная антропология предстала в качестве составляющей зоологии. Классическим примером такого подхода может служить учение Зигмунда Фрейда о бессознательном. И хотя Фрейд не претендовал на создание всеобъемлющей антропологической концепции, его подход оказался весьма созвучным современному мировоззрению. Достаточно сказать, что психоанализ как философское направление до сих пор остается очень популярным на Западе, а жизнь обывателя не мыслится вне психоаналитической практики.

Если говорить о концепции Фрейда в общих чертах, то суть его идеи можно интерпретировать следующим образом. Психические силы человека проявляются на трех уровнях: Id (Оно), Ego (Я) и Super-Ego (Сверх-Я). Наиболее обширный пласт психики человека заключен в бессознательном, в иррациональных идеях, которые составляют содержание его «Оно» и формируются в результате проявления инстинктов. Бессознательный уровень человеческой психики столь обширен, что Фрейд нередко уподобляет его айсбергу, точнее, той его части, которая скрыта под водой и которая в сотни раз превышает размеры его видимой части. Фактически бессознательное в человеке — это наследство животного мира, необузданные инстинкты, среди которых Фрейд особо выделяет инстинкты секса, насилия и страха. Эти инстинкты, по Фрейду, беспредметно-метафизические: их источник находится в них самих; изначально они не имеют объекта, они не вызваны внешними раздражителями, но, напротив, ищут своего выплеска вовне. Понятно, что полная реализация инстинктивных желаний человека невозможна в социуме, поскольку это поставило бы под угрозу принципы общежития и рационального сосуществования индивидов. Вот здесь-то на сцену и выходит «Сверх-Я», которое представляет собой не что иное, как совокупность различных социальных институтов, призванных ограничить произвол иррациональных страстей и пробудить совесть («цензор разума»). «Сверх-Я» включает в свою структуру мораль, юридические нормы, карательные органы, т.е. все, что способно нейтрализовать деструктивные проявления «Оно». Таким образом, формируется как бы два полюса, непримири-

мых по своей сути и находящихся в вечной борьбе: полюс животности и полюс социальности. В этой борьбе и формируется собственно человеческое «Я».

Далее Фрейд делает немаловажное замечание: хотя «Сверх-Я» и способно подавлять или ограничивать проявления инстинктов, однако это не решает проблему. Инстинкты можно подавить, но их нельзя уничтожить. Энергия инстинктов, которая копится в человеке, требует выхода. Если вовремя не обеспечить ее должной реализации, то может создаться переизбыток бессознательных идей, который рано или поздно приведет к психической болезни, провоцируя различного рода психозы и неврозы. Наиболее оптимальным выходом из создавшейся ситуации может служить, согласно Фрейду, процесс сублимации, т.е. перенос этой энергии человека в область социально и культурно значимого. Вводя понятие сублимации, Фрейд достигает двух целей: с одной стороны, найдена панацея от психических болезней, с другой — открыта тайна создания духовных ценностей. Если называть вещи своими именами, то вся мировая культура, по Фрейду, есть сублимационная реализация энергии животных инстинктов.

И, наконец, мы подходим к самому главному выводу, который лег в основу всей психоаналитической практики: необходима рационалистическая рефлексия бессознательных идей, их обработка разумом. Логика проста: поскольку бессознательные пласты человеческой психики являются источником девиантного (отклоненного) поведения и нервных расстройств, следовательно, их необходимо переносить на уровень осознанного. Отсюда практические действия врача-психиатра должны сводиться к *talking cure* («лечение беседой»), к тому, чтобы объяснить пациенту его болезнь. Вообще, если проецировать медицинские выводы Фрейда на общемировоззренческие принципы (а именно это произошло в современной западноевропейской культуре), то мы должны признать, что все, что находится в психике человека за пределами осознанного, носит негативный, разрушительный характер.

По сути дела этот тезис, исполнив гимн в честь позитивного знания и точной науки, поставил в тупик всех ищущих разрешения собственно гуманитарных проблем, в том числе и проблем, связанных с человеком и культурой. Вопросы о духе, душе, человеке лишаются всякого смысла, вырождаются в поэтический миф. Искусство, религия, любовь, творчество, культура — все это может быть определено как результат сублимации животных инстинктов. А модель иде-

ального человека вырисовывается в образе чудовищного монстра, агрессивного и похотливого павиана с компьютером вместо головы.

Слабость указанного подхода заключается не только в удивительной циничности, которую мы можем осуждать на эмоциональном уровне. При такой постановке вопроса человек попросту не идентифицируется. В самом деле, «Оно» ничем не отличает человека от животного, «Сверх-Я» вообще изначально находится за его пределами и предстает в качестве внешней по отношению к нему силы. Остается лишь способность к рационализации. Но если мы примем рациональность за сущностную характеристику человека, то, в конце концов, неизбежно придем к абсурдному выводу, что наиболее человеческое существо на Земле — ЭВМ.

Как бы полемизируя с Фрейдом, русский мыслитель Борис Вышеславцев охарактеризовал психоаналитическую концепцию как «спекуляцию на понижение», направленную на отрицание духовности, одухотворенной плоти, редуцирующую (сводящую) все и вся к низшей материи. Не важно, что именно понимается под материей как основой мироздания — экономика, атомы, хозяйство, деньги, сексуальность, важно, что в материализме происходит редукция духовного бытия к исключительно материальным факторам. «Фундаментальную ошибку этого метода, — писал он, — проходящую через всю науку, через всю философию, через всю психику человека на протяжении веков, можно выразить в следующих утверждениях: «культура есть только хозяйство», «дух есть только сексуальность», «человек есть только животный организм», «организм есть только механизм», и в этом заключена вся неправда! Именно: не только, но и! Движение по ступеням вниз не объясняет ничего...».

«Спекуляция на понижение» превращает дух в материю, культуру в экономику, а человека в животное. Но если быть последовательным до конца, то мы должны признать, что в отличие от восхождения «по ступеням вверх», конечной точкой которого является Абсолют, нисхождение «по ступеням вниз» не ограничивается превращением человека в скотину, а логически приводит его к небытию. Дело в том, что человек по определению не в состоянии уподобиться животному и сконцентрироваться на своей природно-биологической основе. Животное лишено способности к духовной деятельности и, следовательно, перед ним не может стоять проблема его существования, а тем более антиномичности (противоречивости) бытия. Животное лишь следует своей природе, своему предназначению; его дейст-

вия инстинктивны, оно не может «возвыситься» над собой или «унизить» себя. Человек же, напротив, обречен на выбор и свободу. Он обречен использовать свой разум и определиться по отношению к своей способности к духовной жизни. Человек не может просто превратиться в скотину, стать просто природной тварью. Частичка Бога, которая присутствует в нем в виде разума и духовности, либо поднимает человека над его плотью и одухотворяет ее, либо сама плоть подчиняет себе разум и дух. Низость «человеческого животного», по мнению Вышеславцева, не в том, что он обретает скотское существование, но в том, что, становясь животным, он предает дух, сознательно разрушает свое «Я», отрекается от Господа.

Животность человека не столь безобидна и невинна, как изначальная животность природной твари. Для животного его состояние естественно. Для человека это есть нисхождение, деградация, подчинение разума тварности. Разум, подчиненный плоти, страшен, поскольку он, опускаясь и деградируя, отрицает не только самого себя, но и животность, природу. Животный мир не знает войн и оружия массового поражения. Животный мир не знает цинизма и пороков. Животный мир не уничтожает себя и условия своего обитания. И только человек, подчинивший свой разум своей животности, смог «додуматься» до распятия Бога. Человек не может быть нейтрален к разуму и духу: познав добро и зло, он обречен на выбор.

Трагизм духовного заключен в его хрупкости и незащитности. Вещное, в своем предметно-эмпирическом бытии, всегда более стабильно и надежно. Вещи переживают людей. Человек уязвимее машины. Живое проще убить, чем разрушить бездушное. Вышеславцев считал, что «спуск всегда легче возвышения — это закон косности человеческой природы, линия наименьшего сопротивления». Творчество, духовность требуют усилия, воли. Низость не обязывает ни к чему. «С каким восторгом человек узнает, что он произошел от обезьяны, что он только животное, только материя, что святая любовь есть только сексуальность и т.д. По-видимому, всякое «только» доставляет глубокое облегчение, тогда как всякое «не только» тревожит, побуждает к усилию. С каким увлечением и с какой виртуозностью люди раскрывают всяческую «подноготную», обнаруживая всюду корысть и похоть». Для падшего нет ни «верха», ни «низа». Падший никогда не признает «верха», поскольку в этом случае ему придется признать и свою «низость».

Синкретизм (слитность, нерасчлененность) субъектно-объектных отношений также был достаточно быстро преодолен Западом, и развитие культуры здесь протекало по пути дифференциации знания и практической деятельности. Главной предпосылкой к такой ориентации послужило разграничение между субъектом и объектом, осознание принципиального различия между «Я» и «не-Я». В итоге между человеком и окружающим его миром возникла дистанция, человек лишился органической связи с миром. Изначально принадлежащий человеку мир был выброшен за границы индивидуальности: субъектно-объектная предпосылка ознаменовала собой глобальный процесс отчуждения человека от мира. Вместе с тем, благодаря возникшей дистанции между субъектом и объектом стал возможен процесс познания мира. Дух оказался раздробленным на бесконечное множество элементов, каждый из которых мог служить самостоятельным полем для исследования. Бесконечное дробление бытия служило условием развития науки и знания. Целостность духа была принесена Западом в жертву ради возможности развития позитивного знания, и в этом смысле само мировоззрение Запада стало глубоко «научно-практическим».

Именно отказ от первоначального синкретизма и последующая дезинтеграция духа привели западный мир не только к противопоставлению человека духу, культуре, бытию, природе, но и сам окружающий человека мир предстал в качестве бесконечного нагромождения противоречий и конфликтов. Субъективность личности потеряла статус микрокосма, поскольку приобрела четко выраженную дифференциальную интенцию (направленность). Казалось бы, человек должен был компенсировать процесс дезинтеграции (распадения) духа через иные способы мировосприятия — через религию, искусство, философию, т.е. через те формы духовной практики, которые способны воссоединить мир и представить его в целостном виде. Однако подобные надежды не оправдались. Чем больше человек превращался из космического существа в социальное, тем очевиднее становилась несостоятельность религии, искусства и метафизики установить тождество между космосом и «Я».

Христианство всегда было для Запада проблемой. На протяжении веков вера и знание, мистика и наука противопоставлялись друг другу и «примирялись» друг с другом. Вера и знание никогда не уживались вместе, и одно из них всегда существовало за счет другого. Религия и наука в западноевропейской культуре почти сразу «отпоч-

ковались» друг от друга и составили как бы две параллельные реальности, два способа существования и мировосприятия. Начиная с нового времени, наука окончательно взяла верх над религией, став фундаментом мировоззрения, образом жизни и основой производственной деятельности. Религия же, напротив, окончательно потеряла метафизический смысл и выродилась в официально почитаемую «традицию». О ее главном предназначении — воссоединении целостности духа, отождествлении космоса и человека — было забыто. XX век довел процесс дезинтеграции духа до своего логического конца: смысл религии и веры исказился до неузнаваемости. Католичество опустилось до светского «шоу», потеряло тайну. Оно стало «земным» ритуалом, четким и ясным. Вместе с ним столь же «ясным» стал мир, космос и человек, «ясным», как формула воды или дифференциальное уравнение.

Искусство и творчество постигла та же участь. На протяжении всей истории Западной Европы лишь единицам удалось превратить творчество и искусство в стиль жизни. Для одних высокое искусство стало предметом эстетствования, для других — сферой сиюминутного блаженства. И только избранные могли черпать из искусства полноту бытия и целостность духа. Мог ли предположить французский авангардист Марсель Дюшан, что, оторвав от стены писсуар и выставив его в качестве произведения искусства, он приведет в исполнение приговор Гегеля о «смерти» искусства? Художественное творчество не просто умерло, ему на смену пришла массовая культура, в которой не только не оказалось места духу, но и с трудом проглядываются какие бы то ни было социально значимые мотивы. Искусство, включенное во всеобщий процесс дезинтеграции духа, с неизбежностью лишилось своей универсальности, и его смысл сузился до рамок социального явления. Сама же социальность, потеряв связь с космосом, духовным единством, не смогла найти цели и смысла внутри самой себя. В итоге социальное творчество и искусство, как и наука, стали выполнять социальный заказ; они превратились в объект производства и потребления, спроса и предложения. Дезинтегрированное творчество перестало быть подлинным творчеством, дух распался на части, а вместе с ним распался на части и человек.

Западная философия и культурология XX в. попытались предложить новые подходы к целостному осмыслению бытия, человека, духа и культуры. Обеспокоенные социализацией и дезинтеграцией духовных процессов, они начали конструировать новые модели ми-

ровоззрения, которые в перспективе могли бы компенсировать утерю единства духа. Одной из таких моделей стал западноевропейский экзистенциализм (философия существования), знаменующий собой своеобразный мировоззренческий компромисс между реальной ориентацией Запада на углубление дифференцированности духа и сближением макрокосма и микрокосма.

Экзистенциализм оттолкнулся от бытия человека. При этом он признал, что человек как таковой перестал быть целостным, рассыпался на некоторую сумму качеств и свойств. Но человек больше, чем просто сумма, больше, чем просто ряд качеств, даже если этот ряд бесконечен. Экзистенциализм впервые в истории западной философии предпринял кардинальную попытку отказаться от субъектно-объектной парадигмы и воссоединить человека и бытие, мир и «Я». Человеческое существование было представлено экзистенциализмом как единство внешнего мира и личного бытия человека. Если быть более точным, то единство внешнего и внутреннего в существовании (экзистенции) человека представляет собой преломление внешнего через внутреннее. Внешний мир становится доступным человеку благодаря включению его в индивидуальное бытие личности. Казалось бы, экзистенциализм преодолел ущербность дифференциальной интенции (направленности) западноевропейской культуры: мир оказался не только внутри человеческого бытия, он переживался человеком как собственное «Я»; внешний мир и бытие человека неразрывно слились в структуре экзистенции и наконец-то образовали единое целое.

Однако, объединив человека и мир в единой экзистенциальной структуре, экзистенциальная философия была вынуждена признать, что подобное объединение ограничивается рамками наличного бытия. Единство мира и личности обесценилось самой экзистенцией человека, которая неожиданно оказалась бесконечной малой и герметично замкнутой. Дух и бытие разбились на множество индивидуальных «здесь-бытий» (Dasein), функционирующих в границах житейской данности. Личность и его маленький мирок замкнулись на самих себе, потеряв последнюю надежду на обретение космоса и космического единства.

Процесс общей дезинтеграции духа сказывается не только на потере целостного мировосприятия личности, но и на практической жизни человека, его быте, способе его существования. Социальный человек вынужден в своей практической деятельности включаться в

дезинтеграционный процесс, поскольку его функционирование в этом процессе стало непременным условием его общественного статуса. Дифференциация знания породила дифференциацию практики: разделение труда превратило целостного человека в специалиста, замкнутого на профессиональной интенции. Все более и более мелкое дробление духа, направленное на его «изучение», привело к рождению общества профессионалов узкой специализации. Искусственное сужение духовных потенций личности до узкопрофессиональных интенций сказалось не только на утере мировоззренческих ориентиров, но и на вынужденной замкнутости индивида. Замыкание человека на профессиональной интенции спровоцировало ряд побочных негативных эффектов: утрату интересубъективности и коммуникативности, рост отчуждения, а вместе с ним — увеличение количества психических заболеваний и суицидов (самоубийств). Разделение труда превратилось в принцип существования. Вся социальная машина стала работать на трансформацию полноценной жизни в ремесло. В итоге жизнь стала восприниматься человеком вне ее целостности; а понятие человека сузилось до понятия специалиста.

Другой важной проблемой, возникающей во взаимоотношениях человека и культуры, является то, что современный человек не ощущает себя творцом культуры, не видит своей роли в процессах культуротворчества. Культура не возникает сама по себе, ее создает человек. Конечно, процессы, производимые группой людей, заметнее, но и группа — ничто без деятельности конкретного человека.

Современный человек реализует себя прежде всего во внешних сферах, развивает свою «оболочку» и под культуротворчеством подразумевает нечто глобальное, чего он не прозревает в своей собственной реальной жизни. Студент, поступающий в университет, и не подозревает о том, что уже одним этим действием он делает важный шаг, включающий его во всеобщие процессы создания культуры. Он делает шаг в направлении саморазвития, совершенствования своего духа, что является первой ступенью на пути превращения единичного, конкретного человека в творца культуры. Конечно, этот шаг мал и незаметен, и впереди лежит долгий путь, но вести человека по этому пути будет

стремление к саморазвитию и самосовершенству. И из маленького человечка он превратится в истинного творца культуры, которых так не хватает нашей современности.

Человек — это единственное существо, predetermined к непрестанному новаторству. Он уникальный творец культуры, придающий ей смысл через регулярную смену символов, и для человека как такового культура первичнее природы, а история первичнее биологии. Томас Манн в романе «Доктор Фаустус» сказал по этому поводу: «Это можно назвать эстетически эффективным парадоксом культуры: поворачивая вспять естественную эволюцию, сложное, духовное уже не развивается из элементарного, а берет на себя роль изначального, из которого и силится родиться первозданная простота».

Культуротворчество восстанавливает и развивает человеческий дух, который отрицается современной цивилизацией. Поэтому культуротворчество происходит в постоянной борьбе с цивилизационными процессами, стремящимися приручить человека, сделать его слепой игрушкой в руках тех сил, чья сущность не связана с целями, задачами и смыслами человеческой жизни.

Как нам видится, именно на этой грани лежит разграничение культуры и культурности. Приобщаясь к культуре, человек становится человеком. Некультурных людей не бывает. Но в языке за выражением «культурный человек» закрепилось иное содержание. И понятие «культурный» связано не с культурой, а с культурностью. Под культурностью мы понимаем соблюдение человеком некоего свода правил, норм, социальных установлений, определяющих поведение человека в обществе. Это добровольное признание тех границ, которые установлены обществом для своих членов и самим человеком для себя как члена социума. Сюда равноправно входит понятие этикета. Можно сказать, что культурность — это защитная стена, которую создала цивилизация для того, чтобы построить безопасное для личности общество. Все, что в человеке и обществе ведет к душевному успокоению, внутренней безопасности, всеобъемлющему комфорту, есть культурность. И это не только защита «для», но и защита «от» — человеческой природы, инстинктов, всех иррациональных форм проявления человеческой сущности.

Таким образом, когда мы используем выражение «культурный человек», мы вносим прежде всего оценочный аспект и выявляем меру культурности человека, его соответствия существующим в обществе идеалам и стандартам.

В разные эпохи существовали различные модели «культурного человека»: человек мусический (Античность), человек-богослов (Средневековье), человек универсальный (Возрождение), человек-

специалист (Новое время), человек-носитель планетарного мышления (формируется в современную эпоху).

Современный человек находится в дезинтегрированной системе координат, существует между культурой и цивилизацией, поэтому черты «культурного человека» конца XX в. отражают эту двойственность: толерантность (терпимость), профессионализм, способность к духовному саморазвитию и самосовершенствованию. Американский культуролог Дж. Пассмор считает главным признаком культурного человека способность понимать и оценивать интеллектуальное и художественное достояние разных культур.

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

2.1. Генезис культуры

Для культурологии важным представляется вопрос о генезисе культуры, т.е. попытка теоретического осмысления самой проблемы зарождения культуры. Термин «генезис» пришел к нам из греческого языка и переводится как «происхождение, возникновение», а в широком смысле означает момент зарождения и последующего развития некоего процесса до определенного состояния. Следовательно, изучение генезиса культуры есть рассмотрение движения первоначальных культурных процессов, приведших к появлению того, что можно назвать человеческой культурой.

В этом вопросе не существует теории, которая бы однозначно принималась большинством ученых. Тем более что проблема генезиса культуры есть проблема скорее умозрительная, чем опытная. Несомненно, выводы той или иной теории должны совпадать с последующим развитием культуры, но этап ее зарождения настолько далеко отстоит от нас на временной оси, что исследователям остается только выдвигать гипотезы и строить теории. Поэтому главным в работе ученого становится достижение максимальной стройности, эстетической изящности предлагаемой концепции и расширение круга вопросов, на которые она отвечает. Понятно также, что возникающие неясности подтачивают научную обоснованность теории и вызывают сомнения в ее истинности. Выделим четыре точки зрения на происхождение культуры.

Деятельностный подход к культуре реализован в орудийно-трудовой концепции, предложенной марксизмом. Исходной точкой здесь явилась знаменитая статья Фридриха Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», написанная в 1876 г. и тщательно изучавшаяся в СССР. Краеугольным камнем этой теории стало утверждение, что «труд создал человека».

Как известно еще со времен сэра Чарльза Дарвина, человек произошел от обезьяны. Представим себе, что однажды некая группа обезьян стала трудиться на благо своего обезьяньего сообщества. Совместный труд, как мы помним, облагораживает, — так родилось

сознание. Для повышения производительности труда обезьянам необходимо было переговариваться, сообщать друг другу те или иные полезные сведения, что привело, в конечном итоге, к появлению речи. Посредством такого координированного труда наши подопечные стали создавать вокруг себя некоторую искусственную среду. Так начался культурогенез. По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, человек — это прежде всего общественное животное, и его поведение никоим образом не закодировано генетически. Маленький медвежонок, потерянный матерью в глухом лесу, имеет значительные шансы на выживание, потому что большинство поведенческих стереотипов, накопленных чередой предков, заложено в его генах. Маленький ребенок, конечно, может выжить в подобных условиях, но станет животным, а не человеком. Человеческое в человеке передается только посредством социального общения. В этом сущность человека. Поэтому животным рождаются, а человеком становятся.

Данная концепция имеет ряд слабых сторон. Первые же попытки анализа выявляют вопросы, не имеющие ответов в рамках этой теории. Согласно Энгельсу, обезьяны (не люди!) приняли следующие решения:

- 1) искусственные орудия лучше естественных;
- 2) обладать сознанием лучше, чем не обладать;
- 3) вместе трудиться лучше, чем отдельно;
- 4) переговариваться в процессе труда лучше, чем молчать.

Но почему они так решили? К тому же, если трудовая деятельность не заложена в генетической программе животного, а труд отделил обезьяну от человека, то как труд мог появиться раньше человека? Видимо, диалектическая установка о переходе количества в качество в данной ситуации не совсем срабатывает. И другие теории будут оперировать иными, сугубо качественными скачками.

Вторая точка зрения — психоаналитическая — представлена доктором Зигмундом Фрейдом. В своей работе «Тотем и табу» он попытался понять проблему культурогенеза через анализ причин возникновения первых бессознательных психических комплексов. Центральное отличие человека от животного состоит в том, что человек обладает совестью. Она родилась в результате первородного греха, совершенного некими первобытными людьми, которые убили своего отца. Это преступление Фрейд связывает со знаменитым эдиповым комплексом, в основе которого лежит подсознательная ревность мальчика к отцу как сексуальному сопернику в отношении матери.

Но почему в результате первородного греха появилась совесть? Потому что «чувство вины существовало до проступка», — отвечает ученый. — «Людей этих с полным правом можно было бы назвать преступниками вследствие сознания вины». Дети убили отца, раскаялись в содеянном, зародилась совесть, и животное превратилось в человека. А культура на этом гребне появилась как средство и форма защиты человека от собственной природы, от бессознательных разрушительных влечений, оставшихся нам в наследство от животного. Однако другой представитель психоанализа Эрих Фромм, много споривший с идеями Фрейда, в книге «Анатомия человеческой деструктивности» ярко показывает, что настоящая потенция к разрушению заложена не в животном, а в человеке. Она родилась вместе с человеком.

В совершенно ином ключе представляет проблему генезиса культуры голландский философ и историк Йохан Хейзинга, предложивший игровую концепцию культуры в общем и культурогенеза в частности. В работе «*Homo ludens*» («Человек играющий», 1938) ученый утверждает, что вся человеческая деятельность есть не что иное, как игра. И вся человеческая культура развивается как игра и по ее законам. Играя, человечество создает рядом с природным миром мир искусственный, придуманный, в котором правила игры выступают в форме общепринятых законов.

Й. Хейзинга исходит из посылки, что игра первична, а культура вторична. Игру знают уже животные. Постепенное усложнение игры, создание собственных правил, отличных от данных природой, привело к появлению человека и зарождению культуры. Однако голландец не сумел ответить на основополагающий вопрос: почему именно на линии «обезьяна — человек» влияние игры привело к появлению такого феномена, как культура?

На современном этапе развития культурологического знания, возможно, наиболее совершенной следует назвать символическую концепцию, предложенную Эрнстом Кассирером. Он выдвинул учение о языке, мифе, науке и искусстве как специфических «символических формах». Мы можем говорить о нем как об одном из создателей символической концепции происхождения культуры. В этом отношении важнейшим из его трудов для нас является книга «Философия символических форм». В чем же сущность его идей и почему он назвал человека «незавершенным животным»? Первичной посылкой его рассуждений является мысль о том, что человек несовершенен в

своим биологическим естеством. Он хуже, чем животные, приспособлен к жизни в природе, поэтому создание некоторой искусственной среды вокруг себя необходимо человеку, это проявление определенных защитных механизмов.

Не существует данных о том, почему природа так несправедливо обошлась с первыми людьми. Весьма возможно, что это лишь слепой выбор природы. Но в результате происшедших мутаций человек выпал из системы естественных взаимосвязей. Возникло то, что можно назвать первичным отчуждением. Отголоски этого процесса видны в мифе об изгнании Адама и Евы из рая. Выделившись из природного сообщества, отстранившись от всяческих запретов и ограничений, став ни на кого непохожим, человек в то же время лишился кардинальной программы развития. Он был обречен.

Однако ослабленность инстинктов имела одно положительное значение: она не ограничивала человека поведенческими рамками своего вида. Подсознательный поиск каких-то позитивных путей развития в человеке способности к подражанию, что в принципе изменило формы и способы человеческой жизнедеятельности. Культура заменила в человеке инстинкты.

Итак, закончим с теоретической частью и займемся историей культуры. При ее изучении возникает еще один ряд проблем. Трудно рассматривать древние культуры, потому что возникает абберрация дальности, т.е. искажение нашего восприятия данных этапов развития культуры вследствие большого временного расстояния. Не менее трудно говорить и о современной культуре, опять же из-за абберрации, только близости, потому что кажущиеся нам сегодня значительными культурные и исторические явления уже через несколько лет могут выявить свою полную несостоятельность в общем культурно-историческом потоке.

2.2. Культура древних цивилизаций

Перейдем непосредственно к истории зарубежной культуры. И начнем наше повествование с времен, которые обычно называются историческими, поскольку эти эпохи донесли до нас письменные памятники, позволяющие с той или иной степенью достоверности восстановить образы культуры различных периодов человеческой истории. Итак, несколько слов о культуре древних цивилизаций.

Политэкономическая теория в отношении древних культур различает два существовавших в то время способа производства — древнеазиатский и античный, и соответственно две системы рабовладения — патриархальную (направленную на производство непосредственных средств существования) и более высокую («цивилизованную»), направленную на производство прибавочной стоимости. С точки зрения развития производственных сил эти два рабовладельческих способа производства соответствуют веку бронзы и веку железа (см. таблицу 2).

Сравнительная характеристика века бронзы и века железа

Век бронзы	Век железа
<ul style="list-style-type: none"> • натуральное хозяйство, связанное с продуктообменом; • отсутствие частной собственности на землю; • устойчивость общины; • экономическое господство деревни над городом; • патриархальный характер рабовладения; • кастовость (почти полная взаимонепроницаемость социальных слоев); • «восточный деспотизм» (положение человека в обществе определяется его принадлежностью к государственной власти); • существование государственной религии и сословия жрецов – идеологов данного общества 	<ul style="list-style-type: none"> • начало товарно-денежных отношений; выделение ремесла из сельскохозяйственной деятельности; • появление торгового капитала; • разложение общины; • установление экономического господства города над деревней; • упразднение долгового рабства; • проникновение рабского труда в сферу производства; • формирование в ряде государств рабовладельческой демократии; • отсутствие организованного сословия жрецов как особого подразделения государственной власти

Общества века бронзы возникли в III тыс. до н.э. и создали три очага древней цивилизации: восточный (Древний Китай), средний (Древняя Индия) и западный (Шумеро-Аккадское царство, Древний Египет, затем — Вавилония, Крито-Микенское государство). Античный способ производства (с начала века железа) в его классической форме сложился в Восточном Средиземноморье, Древней Греции и Древнем Риме. При наличии множества специфических особенностей в каждом регионе эти очаги цивилизаций имели ряд общих черт.

Если мы взглянем на карту мира и мысленно нанесем на нее государства, существовавшие в глубокой древности, то перед нашим взором раскинется гигантский пояс великих культур, протянувшийся от северной Африки через Ближний Восток и Индию до суровых волн Тихого океана.

Существуют разные гипотезы о причинах их возникновения и длительного развития. Наиболее обоснованной нам представляется теория Льва Ивановича Мечникова, высказанная им в работе «Цивилизации и великие исторические реки».

Он полагает, что основной причиной зарождения цивилизаций явились реки. Прежде всего река является синтетическим выражением всех природных условий той или иной местности. Во-вторых, и это главное, указанные цивилизации возникли в русле очень мощных рек: Нил, Тигр и Евфрат или Хуанхе, которые обладают одной интересной особенностью, объясняющей их великую историческую миссию. Эта особенность состоит в том, что такая река может создать все условия для выращивания совершенно потрясающих урожаев, а может в одночасье погубить не только посевы, но и тысячи людей, проживающих вдоль ее русла. Поэтому для того, чтобы максимально повысить пользу от использования речных богатств и минимизировать урон, приносимый рекой, необходим коллективный, напряженный труд множества поколений. Под страхом смерти река заставляла народы, питавшиеся возле нее, объединять свои усилия и забывать обиды. Каждый выполнял свою четко установленную роль, порой даже не совсем осознавая общие масштабы и направленность работ. Возможно, именно отсюда происходит то боязливое поклонение и непреодолимое уважение, которое испытывали по отношению к рекам. В Древнем Египте Нил был обожествлен под именем Хапи, а истоки великой реки считались воротами в потусторонний мир.

При изучении той или иной культуры очень важно представить себе ту картину мира, которая существовала в сознании человека

данной эпохи. Картина мира состоит из двух основных координат: времени и пространства, в каждом случае специфически преломленных в культурном сознании того или иного этноса. Достаточно полным отражением картины мира являются мифы, причем это верно как для древности, так и для наших дней.

В Древнем Египте (самоназвание страны — Та Кемет, что означает «Черная земля») существовала очень разветвленная и насыщенная мифологическая система. В ней видны многие первобытные верования — и не даром, ведь начало формирования древнеегипетской цивилизации относят к середине V—IV тыс. до н.э. На рубеже IV—III тыс. до н.э. после объединения Верхнего и Нижнего Египта образовалось целостное государство во главе с фараоном Нармером, и начался знаменитый отсчет династий. Символом воссоединения земель стала корона фараонов, на которой вместе находились лотос и папирус — соответственно знаки верхней и нижней частей страны.

История Древнего Египта делится на шесть центральных этапов, хотя существуют и промежуточные позиции:

Додинастический период (XXXV—XXX вв. до н.э.), Раннединастический период (Раннее Царство, XXX—XXVII вв. до н.э.), Древнее Царство (XXVII—XXI вв. до н.э.),

Среднее Царство (XXI—XVI века вв. до н.э.),

Новое Царство (XVI—XI вв. до н.э.),

Позднее Царство (VIII—IV вв. до н.э.).

Весь Египет был поделен на номы (области), в каждом номе были свои, местные боги. Центральными богами всей страны провозглашались боги того нома, где в данный момент находилась столица. Столицей Древнего царства был Мемфис, а значит верховным богом — Птах. Когда столицу перенесли южнее, в Фивы, то главным богом стал Амон-Ра. На протяжении многих веков древнеегипетской истории основополагающими божествами считались следующие: бог солнца Амон-Ра, богиня Маат, ведавшая законами и миропорядком, бог Шу (ветер), богиня Тефнут (влага), богиня Нут (небо) и ее муж Геб (земля), бог Тот (мудрость и хитрость), властитель загробного царства Осирис, его жена Исида и их сын Хор, покровитель земного мира.

Древнеегипетские мифы не только повествуют о сотворении мира (так называемые космогонические мифы), о происхождении богов и людей (соответственно теогонические и антропогонические мифы), но и полны глубокого философского смысла. В этой связи ин-

тересна мемфисская космогоническая система. Как мы уже говорили, в ее центре находится бог Птах, бывший первоначально землей. Усилием воли он создал свою плоть и стал богом. Решив, что необходимо устроить некий мир вокруг себя, Птах породил на свет богов-помощников в таком нелегком деле. А материалом послужила земля. Интересен сам процесс сотворения богов. В сердце Птаха возникла мысль об Атуме (первое порождение Птаха), а на языке — имя Атум. Как только он произнес это слово, в тот же миг из Первозданного Хаоса родился Атум. И здесь сразу вспоминаются первые строки «Евангелия от Иоанна»: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоанн, 1-1). Оказывается, какие мощные культурные корни имеет Библия. Действительно, существует гипотеза, что Моисей был египтянином и, выведя народ израильский в землю обетованную, сохранил многие обычаи и верования, бытовавшие в Древнем Египте.

Интересную версию о происхождении людей мы встречаем в гелиопольской космогонии. Бог Атум случайно потерял своих детей в изначальной тьме, а когда нашел, то от счастья заплакал, слезы упали на землю — и из них произошли люди. Несмотря на столь трепетную историю, жизнь обычного человека была полностью подвластна богам и фараонам, почитавшимся как боги. За человеком была четко закреплена определенная общественная ниша, выйти за пределы которой было трудно. Поэтому как вверху существовали династии фараонов, так внизу — многовековые династии, например, ремесленников.

Важнейшим в мифологической системе Древнего Египта был миф об Осирисе, который воплощал идею о вечно умирающей и вечно воскресающей природе.

Ярким символом абсолютной покорности богам и их заместителям фараонам может служить сцена суда в загробном царстве Осириса. Пришедший на посмертный суд в чертоги Осириса должен был произнести «Исповедь отрицания» и отречься от 42 смертных грехов, в числе которых мы видим как смертные грехи, признаваемые таковыми христианской традицией, так и очень специфические, связанные, например, со сферой торговли. Но самым примечательным был тот момент, что для доказательства своей безгрешности было достаточно с точностью до запятой произнести отречение от грехов. При этом весы (на одну чашу клали сердце умершего, а на другую — перо богини Маат) не шелохнулись бы. Перо богини Маат в данном случае олицетворяет мировой порядок, неуклонное следование законам, ус-

тановленным богами. Когда же весы приходили в движение, нарушалось равновесие, человека ожидало небытие вместо продолжения жизни в загробном царстве, что было для египтян, всю жизнь готовившихся к загробному существованию, самой страшной карой. Кстати, именно по этой причине египетская культура не знала героев в том смысле, какой мы находим у древних греков. Боги создали мудрый порядок, которому необходимо подчиниться. Всякие перемены только к худшему, поэтому герой опасен.

Интересны представления древних египтян о строении человеческой души: она имеет пять составляющих. Главные из них Ка (астральный двойник человека) и Ба (жизненная сила); затем идут Рен (имя), Шуит (тьень) и Ах (сияние). Хотя, конечно, той глубины душевной саморефлексии, которую мы видим, предположим, в культуре западноевропейского Средневековья, Египет еще не знал.

Итак, время и пространство древнеегипетской культуры оказалось четко разделенным на две части — «здесь», т.е. в настоящем, и «там», т.е. в потустороннем, загробном мире. «Здесь» — течение времени и конечность пространства, «там» — вечность и бесконечность. Дорогой в загробное царство Осириса служил Нил, а путеводителем была «Книга мертвых», выдержки из которой можно встретить на любом саркофаге.

Все это служило тому культу мертвых, который устойчиво занимал ведущее положение в древнеегипетской культуре. Важной составляющей культа был сам похоронный процесс и, конечно же, обряд мумификации, который был должен сохранить тело для последующей загробной жизни.

Относительная неподвижность культурного сознания послужила одной из важных причин странной неизменности древнеегипетской культуры на протяжении около трех тысячелетий. И консервация обычаев, верований, норм искусства и т.д. усиливалась с течением истории, несмотря на серьезные внешние воздействия. К примеру, основными чертами древнеегипетского искусства как в Древнем, так и в Новом царстве оставались каноничность, монументальность, иератичность (священная отвлеченность изображений), декоративность. Для египтян искусство играло важную роль именно с точки зрения загробного культа. Посредством искусства происходило увековечивание человека, его образа, жизни и деяний. Искусство было «дорогой» в вечность.

И, наверное, единственным человеком, серьезно потрясшим не только основы государственного устройства, но и культурные стереотипы, явился фараон XVIII династии по имени Эхнатон, живший в XIV в. до н.э. в эпоху Нового царства. Он отказался от многобожия, велел поклоняться одному богу Атону, богу солнечного диска; закрыл многие храмы, вместо которых строил другие, посвященные вновь провозглашенному божеству; он сменил свое тронное имя Аменхотеп IV («Амон доволен») на имя Эхнатон, что в переводе означает «Угодный Атону»; возвел новую столицу Ахетатон (Небосклон Атона), построенную по совершенно иным критериям, чем ранее. Вдохновленные его идеями художники, архитекторы, скульпторы начали создавать новое искусство: открытое, яркое, тянущееся к солнцу, полное жизни, света и солнечного тепла. Женой Эхнатона была красавица Нефертити.

Но недолго продолжалось это «святотатство». Жрецы угрюмо молчали, народ роптал. Да и боги, вероятно, разгневались — военная удача отвернулась от Египта, его территория сильно сократилась. После смерти Эхнатона, а процарствовал он около 17 лет, все вернулось на круги своя. И взошедший на престол Тутанхатон стал Тутанхамом. А новая столица была погребена в песках.

Конечно, причины столь печального финала — не в мести богов. Отменив всех богов, Эхнатон все-таки сохранил за собой титул бога, таким образом, единобожие было не абсолютным. Во-вторых, нельзя в один день обратить людей в новую веру. В-третьих, насаждение нового божества происходило насильственными методами, что совершенно недопустимо, когда дело касается самых глубинных пластов человеческой души.

Несколько чужеземных завоеваний испытал за свою долгую жизнь Древний Египет, но всегда сохранял свою культуру в неприкосновенности, однако под ударами армий Александра Македонского он завершил свою многовековую историю, оставив нам в наследство пирамиды, папирусы и множество легенд. Тем не менее, мы можем назвать культуру Древнего Египта одной из колыбелей западноевропейской цивилизации: отголоски древнеегипетской культуры обнаруживаются в античную эпоху и заметны даже во времена христианского Средневековья.

Для современной культуры Египет стал более открытым после работ Жана-Франсуа Шампольона, который в XIX в. разгадал загадку

древнеегипетской письменности, благодаря чему мы смогли прочесть многие древние тексты, в том числе «тексты пирамид».

Древняя Индия. Становление древнеиндийской культуры связывают с приходом в долину Инда и Ганга арийских племен («ариев» или «арийцев») во второй половине второго тысячелетия до н.э. По предположению ученых, арийские племена формируются уже в середине третьего тысячелетия до н.э. к северу от Черного и Каспийского морей, в междуречье Днепра, Дона и Волги. Несомненна их близость к праславянским и праскифским племенам, о чем говорят многие общие черты этих культур, в том числе и языковая близость. В середине III тысячелетия до н.э. арии по неизвестной до сих пор причине двинулись на территорию нынешнего Ирана, Средней Азии и в Индостан. Миграция, по всей видимости, проходила волнами и заняла, по крайней мере, 500 лет.

Характерная черта древнеиндийского общества — деление его на четыре варны (от санскритского «цвет», «покров», «оболочка») — брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Каждая варна представляла собой замкнутую группу людей, занимающих определенное место в обществе. Принадлежность к варне определялась рождением и наследовалась после смерти. Браки заключались только внутри отдельно взятой варны.

Брахманы («благочестивые») занимались умственным трудом и являлись жрецами. Только они могли совершать обряды и толковать священные книги. Кшатрии (от глагола «кши» — владеть, править, а также уничтожать, убивать) представляли собой воинов. Вайшьи («преданность», «зависимость») составляли основную массу населения и занимались земледелием, ремеслом, торговлей. Что касается шудр (происхождение слова неизвестно), то они находились на самой низшей социальной ступени, их уделом был тяжелый физический труд. В одном из законов Древней Индии сказано: шудра — «слуга другого, он может быть по произволу изгнан, по произволу убит». В своей основной массе варна шудр была сформирована из порабощенных ариями местных аборигенов. Мужчины первых трех варн общались к знаниям и потому после посвящения назывались «дважды рожденными». Шудрам и женщинам всех варн это было запрещено, ибо, согласно законам, они ничем не отличались от животных.

Несмотря на крайнюю застойность древнеиндийского общества, в его недрах шла постоянная борьба между варнами. Разумеется, эта борьба захватывала и культурно-религиозную сферу. На протяжении

веков можно проследить столкновения брахманизма — официальной культурно-религиозной доктрины брахманов — с движениями бхагаватизма, джайнизма и буддизма, за которыми стояли кшатрии.

Отличительная особенность древнеиндийской культуры состоит в том, что она не знает имен (или они малодостоверны), поэтому в ней стерто индивидуально-творческое начало. Отсюда и крайняя хронологическая неопределенность ее памятников, датируемых иногда в диапазоне целого тысячелетия. Рассуждения мудрецов сконцентрированы на морально-этических проблемах, которые, как известно, наименее поддаются рациональному исследованию. Это обусловило религиозно-мифологический характер развития древнеиндийской культуры в целом и ее весьма условную связь с собственно научной мыслью.

Важной составной частью древнеиндийской культуры были Веды — сборники священных песен и жертвенных формул, торжественных гимнов и магических заклинаний при жертвоприношениях — «Ригведа», «Самаведа», «Яджурведа» и «Атхарваведа».

Согласно ведической религии, ведущими богами считались: бог неба Дьяус, бог тепла и света, дождя и бури, повелитель вселенной Индра, бог огня Агни, бог божественного опьяняющего напитка Сома, бог солнца Сурья, бог света и дня Митра и бог ночи, хранитель вечного порядка Варуна. Жрецы, исполнявшие все обряды и предписания ведических богов, назывались брахманами. Однако понятие «брахмана» в контексте древнеиндийской культуры было широким. Брахманами назывались также тексты с ритуальными, мифологическими пояснениями и комментариями к Ведам; брахманом назывался также абстрактный абсолют, высшее духовное единство, к пониманию которого постепенно пришла древнеиндийская культура.

В борьбе за гегемонию брахманы пытались по-своему истолковывать Веды. Они усложнили обряды и порядок жертвоприношений и провозгласили нового бога — Брахмана, как бога-творца, управляющего миром вместе с Вишну (впоследствии — Кришна), богом-хранителем и Шивой, богом-разрушителем. Уже в брахманизме выкристаллизовывается характерный подход к проблеме человека и его места в окружающем мире. Человек — часть живой природы, которая, согласно Ведам, полностью одухотворена. Между человеком, животным и растением нет разницы в том смысле, что все они имеют тело и душу. Тело смертно, душа бессмертна. С гибелью тела душа переселяется в другое тело человека, животного или растения.

Но брахманизм был официальной формой ведической религии, тогда как существовали и иные. В лесах жили и учили отшельники-аскеты, создававшие лесные книги — араньяки. Именно из этого русла родились знаменитые Упанишады — тексты, которые донесли до нас трактовку Вед отшельниками-аскетами. В переводе с санскрита упанишады означают «сидеть возле», т.е. возле ног учителя. Самых авторитетных Упанишад насчитывают около десяти.

В Упанишадах закладывается тенденция к монотеизму. Тысячи богов сначала сводятся к 33, а затем к единому богу Брахману-Атману-Пуруше. Брахман, согласно Упанишадам, есть проявление космической души, абсолютного, космического разума. Атман же представляет собой индивидуально-субъективную душу. Таким образом, провозглашенное тождество «Брахман есть Атман» означает имманентную (внутреннюю) сопричастность человека космосу, изначальное родство всего живого, утверждает божественную основу всего сущего. Такая концепция впоследствии получит название «пантеизм» («все есть Бог» или «Бог везде»). Учение о тождестве объективного и субъективного, телесного и духовного, Брахмана и Атмана, мира и души составляет основное положение Упанишад. Мудрец поучает: «То — Атман. Ты одно с ним. Ты есть то».

Именно ведическая религия создала и обосновала основные категории религиозно-мифологического сознания, которые прошли через всю историю культурного развития Индии. Так, из Вед родилась мысль о том, что в мире существует вечный круговорот душ, их переселение, «сансара» (от санскритского «перерождение», «прохождение через что-либо»). Сначала сансара воспринималась как беспорядочный и неуправляемый процесс. Позже сансара была поставлена в зависимость от поведения человека. Появилось понятие закона возмездия или «карма» (от санскритского «дело», «действие»), означающее сумму поступков, совершенных живым существом, определяющую настоящее и будущее существование человека. Если в течение одной жизни переход из одной варны в другую был невозможен, то после смерти человек мог рассчитывать на изменение своего социального статуса. Что касается высшей варны — брахманов, то для них возможно даже освобождение от сансары путем достижения состояния «мокши» (от санскритского «освобождение»). В Упанишадах записано: «Как реки текут и исчезают в море, теряя имя и образ, так знающий, освободившись от имени и формы, восходит к божественному Пуруше». Согласно закону сансары, люди могут перерождаться

в самые разные существа как высшие, так и низшие, в зависимости от кармы. Улучшению кармы способствуют, к примеру, занятия йогой, т.е. практическими упражнениями, направленными на подавление и контроль обыденного сознания, чувств, ощущений.

Подобные идеи породили специфическое отношение к природе. Даже в современной Индии существуют секты дигамбаров и шветамбаров, которые по-особенному, трепетно относятся к природе. Первые, когда идут, подметают перед собой землю, а вторые носят у рта кусок материи, чтобы туда, не дай бог, не залетела какая-нибудь мошка, ведь она когда-то могла быть человеком.

К середине первого тысячелетия до нашей эры в общественной жизни Индии происходят большие изменения. К этому времени здесь насчитывается уже полтора десятка крупных государств, среди которых возвышается Магатха. Позже династия Маурия объединяет всю Индию. На этом фоне обостряется борьба кшатриев, поддерживаемых вайшьями против брахманов. Первая форма этой борьбы связана с бхагаватизмом. «Бхагават-гита» — часть древнеиндийского эпического сказания Махабхараты. Главная идея этой книги — выявить соотношение между мирскими обязанностями человека и его помыслами о спасении души. Дело в том, что вопрос о моральности социального долга был для кшатриев далеко не праздным: с одной стороны, их военный долг перед страной обязывал их совершать насилие и убивать; с другой стороны, смерть и страдание, которые они несли людям, ставили под сомнение саму возможность освобождения от сансары. Бог Кришна рассеивает сомнения кшатриев, предлагая своего рода компромисс: каждый кшатрий должен выполнять свой долг (дхарму), сражаться, но делать это нужно отрешенно, без самолюбия и фанатизма. Таким образом, Бхагават-гита создает целое учение об отрешенном действии, которое легло в основу концепции бхагаватизма.

Второй формой борьбы с брахманизмом явилось движение джайнистов. Подобно брахманизму, джайнизм не отрицает сансары, кармы и мокши, но считает, что слияния с абсолютom нельзя добиться лишь молитвами и жертвоприношениями. Джайнизм отрицает святость Вед, осуждает кровавые жертвоприношения и высмеивает брахманские ритуальные обряды. Позже джайнизм распался на две секты — на умеренных («одетых в белое») и крайних («одетых в пространство»). Для них характерен аскетический образ жизни, вне се-

мы, при храмах, уход от мирской жизни, презрение к собственной телесности.

Третьей формой антибрахманистского движения стал буддизм. Первый Будда (в переводе с санскрита — просветленный), Гаутама Шакьямуни, из рода князей Шакья, родился, согласно преданию, в VI в. до н.э. эры из бока матери, которой однажды приснилось, что к ней в бок вошел белый слон. Детство княжеского сына было безоблачным, и более того — от него всячески скрывали, что в мире существуют какие бы то ни было страдания. Лишь достигнув 17 лет, он узнал о том, что есть больные, немощные и нищие люди, а финалом человеческого существования становится убогая старость и смерть. Гаутама оправился на поиски истины и семь лет провел в скитаниях. Однажды, решив отдохнуть, он прилег под деревом Бодхи — Древом Познания. И во сне Гаутаме явились четыре истины. Познав их и просветлившись, Гаутама стал Буддой. Вот эти истины.

Наличие страданий, которые правят миром. Все, что порождено привязанностью к земному, есть страдание.

Причина страданий — жизнь с ее страстями и желаниями, ибо все от чего-то зависит.

Возможен уход от страданий в нирвану. Нирвана — угасание страстей и страданий, разрыв уз с миром. Но нирвана не прекращение жизни и не отказ от деятельности, а лишь прекращение несчастий и ликвидация причин нового рождения.

4. Существует путь, которым можно достичь нирваны. К ней ведут восемь ступеней:

- 1) праведная вера;
- 2) истинная решимость;
- 3) праведная речь;
- 4) праведные дела;
- 5) праведная жизнь;
- 6) праведные мысли;
- 7) праведные помыслы;
- 8) истинное созерцание.

Центральной идеей буддизма является то, что человек способен разорвать цепь перерождений, вырваться из мирового круговорота, прекратить свои страдания.

Буддизм вводит понятие нирваны (в переводе — «остывание, угасание»). В отличие от брахманской мокши, нирвана не знает социальных границ и варн, более того, нирвана переживается человеком

уже на земле, а не в потустороннем мире. Нирвана являет собой состояние совершенной невозмутимости, безразличия и самообладания, без страдания и освобождения; состояние совершенной мудрости и совершенной праведности, ибо совершенное познание невозможно без высокой нравственности. Каждый может достичь нирваны и стать Буддой. Достигшие нирваны не умирают, но становятся архатами (святыми). Будда может стать и бодисатвой, святым подвижником, помогающим людям.

Бог в буддизме имманентен человеку, имманентен миру, и поэтому буддизм не нуждается в боге-творце, боге-спасителе, боге-управителе. На ранней ступени своего развития буддизм сводился прежде всего к выявлению определенных правил поведения и морально-этическим проблемам. Впоследствии буддизм пытается охватить своим учением все мироздание. В частности, он выдвигает идею о постоянном видоизменении всего сущего, но доводит эту мысль до крайности, полагая, что это изменение столь стремительно, что даже нельзя говорить о бытии как таковом, а можно говорить лишь о вечном становлении.

В III веке до н.э. буддизм принимается Индией в качестве официальной религиозно-философской системы, а затем, распавшись на два крупных направления — Хинаяну («малая колесница», или «узкий путь») и Махаяну («большая колесница», или «широкий путь») — распространяется далеко за пределами Индии, в Шри-Ланке, в Бирме, Кампучии, Лаосе, Таиланде, Китае, Японии, Непале, Корее, Монголии, на Яве и Суматре. Дальнейшее развитие индийской культуры и религии пошло по пути трансформации и отхода от «чистого» буддизма. Результатом развития ведической религии, брахманизма и ассимиляции верований, бытовавших в народной среде, стал индуизм, который многое заимствовал из предшествующих культурных и религиозных традиций.

Древний Китай. Начало формирования древнекитайской культуры относят ко второму тысячелетию до нашей эры. В это время в стране складывается множество самостоятельных государств-монархий крайне деспотического типа. Главное занятие населения — ирригационное земледелие. Основным источником существования — земля, а юридическим собственником земли выступает государство в лице наследственного правителя — вана. В Китае не было жречества как особого социального института, наследственный монарх и единственный землевладелец был в то же время и верховным жрецом.

В отличие от Индии, где культурные традиции складывались под воздействием весьма развитой мифологии и религии арийцев, китайское общество развивалось на своей собственной основе. Мифологические воззрения тяготели над китайцами гораздо меньше, тем не менее, в ряде положений китайская мифология почти буквально совпадает с индийской и с мифологией других древних народов.

На первых этапах, как и везде, китайской мифологии свойственен антропоморфизм. Не избежала она и отголосков матриархата в виде мифа о прародительнице Нюйва, изображавшейся в форме получеловека-полузмеи. Характерно также представление о первоначальном мире как о состоянии Хаоса. По одной из версий, Хаос преодолевают две космические силы — небесная (Ян) и земная (Инь). В другом мифе возникновение мироздания обусловлено деятельностью сверхъестественного человека по имени Пань-гу. Он зародился из космического яйца; появившись во мраке и хаосе, он разломал скорлупу на две половины — небо и землю. Тело же умершего Пань-гу стало материалом для всего мироздания, а из ползающих по нему паразитов произошли люди.

В отличие от древнеиндийской культуры, подверженной колоссальному влиянию мифологии, веками бившейся, чтобы воссоединить дух с материей, атман с брахманом, древнекитайская культура гораздо более «приземленная», практичная, идущая от житейского здравого смысла. Общие проблемы занимают ее в меньшей степени, чем проблемы общественных, межличностных отношений. Пышная религиозная обрядность заменяется здесь тщательно разработанным ритуалом социального и возрастного назначения.

Древние китайцы называли свою страну Поднебесная (Тянь-ся), а себя Сыновьями Неба (Тянь-цзы), что напрямую связано с существовавшим в Китае культом Неба, которое уже не несло в себе антропоморфного начала, а было символом высшего порядка. Однако этот культ мог отправлять только один человек — император, поэтому в нижних слоях древнекитайского общества развивался другой культ — Земли. В соответствии с этой иерархией китайцы верили, что у человека две души: материальная (по) и духовная (хунь). Первая после смерти уходит в землю, а вторая отправляется на небо.

Как уже было упомянуто выше, важным элементом древнекитайской культуры было понимание двойственной структуры мира, основанного на соотношении Инь и Ян. Символом Инь является луна, это начало женское, слабое, мрачное, темное. Ян — это солнце, нача-

ло мужское, сильное, яркое, светлое. В ритуале гаданий на бараньей лопатке или черепашьем панцире, распространенном в Китае, Ян обозначалось цельной линией, а Инь — прерывистой. По их соотношению и определялся результат гадания.

В VI—V веке до н.э. китайская культура подарила человечеству замечательное учение — конфуцианство — оказавшее огромное влияние на все духовное развитие Китая и многих других стран. Древнее конфуцианство представлено многими именами. Главные из них — Кун-Фу-цзы (в русской транскрипции — «Конфуций», 551—479 гг. до н.э.), Мэн-цзы и Сюнь-цзы. Учитель Кун происходил из обедневшего аристократического рода в царстве Лу. Прошел бурную жизнь: был пастухом, преподавал мораль, язык, политику и литературу, в конце жизни достиг высокого положения на государственном поприще. После себя оставил знаменитую книгу «Лунь-юй» («Беседы и слушания»).

Конфуция мало заботят проблемы потустороннего мира. «Не зная еще, что такое жизнь, как можно знать, что такое смерть?» — любил говорить он. В центре его внимания — человек в его земном бытии, его взаимоотношения с обществом, его место в социальном порядке. Страна для Конфуция — большая семья, где каждый должен оставаться на своем месте, нести свою ответственность, избрав «правильный путь» («Дао»). Особое значение Конфуций придает сыновней преданности, почитанию старших. Это уважение к старшим закрепляется соответствующим этикетом в повседневном поведении — Ли (буквально «церемониал»), отраженном в Книге церемоний — Ли-цзин.

В целях усовершенствования порядка в Поднебесной Конфуций выдвигает ряд условий. Во-первых, необходимо чтить старые традиции, ибо без любви и уважения к своему прошлому у страны нет будущего. Необходимо вспомнить древние времена, когда правитель был мудр и умен, чиновники бескорыстны и преданны, а народ благоденствовал. Во-вторых, необходимо «исправление имен», т.е. расстановка всех людей по местам в строго иерархическом порядке, что выразилось в формуле Конфуция: «Пусть отец будет отцом, сын — сыном, чиновник — чиновником, а государь — государем». Все должны знать свое место и свои обязанности. Это положение Конфуция сыграло огромное значение в судьбе китайского общества, создав культ профессионализма и мастерства. И, наконец, люди должны овладевать знаниями, чтобы в первую очередь понимать самих себя.

Спрашивать с человека можно только тогда, когда его поступки осознанны, а с человека «темного» и спроса-то нет.

Своеобразно понимал Конфуций социальный порядок. Высшей целью стремлений правящего класса он определял интересы народа, на службе у которого находятся государь и чиновники. Народ стоит даже выше божеств, и лишь на третьем месте в этой «иерархии» — император. Однако поскольку народ не образован и не знает своих истинных потребностей, им необходимо управлять.

Исходя из своих идей, Конфуций определил идеал человека, названный им Цзюнь-цзы, иначе говоря, это был образ «культурного человека» в древнекитайском обществе. Этот идеал, согласно Конфуцию, состоял из следующих доминант: гуманность (жень), чувство долга (и), верность и искренность (чжен), благопристойность и соблюдение церемоний (ли). Первые две позиции были определяющими. Под гуманностью понимались скромность, справедливость, сдержанность, достоинство, бескорыстие, любовь к людям. Долгом Конфуций называл моральное обязательство, которое гуманный человек в силу своих добродетелей накладывает на себя сам. Таким образом, идеал Цзюнь-цзы — это честный, искренний, прямодушный, бесстрашный, всевидящий, понимающий, внимательный в речах, осторожный в делах человек, служащий высоким идеалам и целям, постоянно ищущий истину. Конфуций говорил: «Познав истину утром, вечером можно спокойно умереть». Именно идеал Цзюнь-цзы положил Конфуций в основание разделения общественных слоев: чем ближе человек к идеалу, тем выше он должен стоять на социальной лестнице.

После смерти Конфуция его учение распалось на 8 школ, две из которых — школа Мэн-цзы и школа Сюнь-цзы — являются наиболее значимыми. Основоположник первой школы — философ Мэн-цзы — исходил из природной доброты человека, считая, что все проявления его агрессивности и жестокости определены лишь социальными обстоятельствами. Цель учения и знание — «отыскание утраченной природы человека». Государственное устройство должно осуществляться на основе взаимной любви и уважения: «Ван должен любить народ, как своих детей, народ должен любить вана, как своего отца». Политическая власть, соответственно, должна иметь своей целью развитие естественной природы человека, обеспечивая ей максимальную свободу для самовыражения. В этом смысле Мэн-цзы выступает как первый теоретик демократии.

Его современник Сюнь-цзы, напротив, считал, что человек от природы зол. «Стремление к наживе и алчность, — говорил он, — это врожденные качества человека». Исправить человеческие пороки может только общество через соответствующее воспитание, государство и закон. По сути дела, цель государственной власти — переделывать, перевоспитывать человека, не дать развиться его естественной порочной природе. Для этого необходим широкий спектр средств принуждения — вопрос только в том, чтобы умело ими пользоваться. Как видно, Сюнь-цзы фактически обосновывал неизбежность деспотичной, тоталитарной формы общественного обустройства.

Надо сказать, что идеи Сюнь-цзы были поддержаны не только теоретически. Они легли в основу мощного социально-политического движения во времена правления династии Цинь (III век до н.э.), которое получило название законников или «легистов». Один из основных теоретиков этого движения Хань Фей-цзы утверждал, что порочную природу человека вообще нельзя изменить, но можно ограничить и подавить путем наказаний и законов. Программа легистов была практически полностью реализована: было введено единое для всего Китая законодательство, единая денежная единица, единая письменность, единый военно-бюрократический аппарат, завершено строительство Великой китайской стены. Словом, государство было унифицировано, и на месте воюющих царств образовалась Великая Китайская империя. Поставив задачу унифицировать китайскую культуру, легисты сожгли большинство книг, а труды философов были утоплены в нужниках. За утайку книг подвергали немедленной кастрации и отправляли на строительство Великой китайской стены. За доносы поощряли, за недоносительство — казнили. И хотя династия Цинь просуществовала всего 15 лет, кровавый разгул первой «культурной революции» в Китае принес немало жертв.

Наряду с конфуцианством одним из главных направлений китайского культурно-религиозного мировоззрения стал даосизм. После проникновения в Китай буддизма он вошел в официальную религиозную триаду Китая. Необходимость в новом учении была обусловлена философской ограниченностью конфуцианства, которое, являясь социально-этической концепцией, оставляло без ответов вопросы общемировоззренческого характера. На эти вопросы попытался ответить Лао-цзы, основатель даосской школы, написавший знаменитый трактат «Да-о-де-цзин» («Книга о Дао и Де»).

Центральное понятие даосизма — Дао («правильный путь») — первооснова и всеобщий закон мироздания. Назовем основные черты Дао, как их определяет Ян Хин Шун в книге «Древнекитайская философия Лао-цзы и его учение».

Это естественный путь самих вещей. Нет божества или «небесной» воли.

Оно существует вечно, как мир. Бесконечно во времени и пространстве.

Это сущность всех вещей, которая проявляется через свои атрибуты (дэ). Без вещей дао не существует.

Как сущность, Дао — единство материальной основы мира (ци) и его естественного пути изменения.

Это неумолимая необходимость материального мира, и его законам подчинено все. Оно сметает все, что ему препятствует.

Основной закон Дао: все вещи и явления находятся в постоянном движении и изменении, и в процессе изменения они все переходят в свою противоположность.

Все вещи и явления находятся во взаимосвязи, которая осуществляется через единое Дао.

Дао незримо и неосязаемо. Недоступно чувством и познается в логическом мышлении.

Познание Дао доступно лишь тем, кто в состоянии увидеть за борьбой вещей — гармонию, за движением — покой, за бытием — небытие. Для этого необходимо освободиться от страстей. «Тот, кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, не знает». Отсюда даосы выводят принцип недеяния, т.е. запрет на действия, противоречащие естественному течению Дао. «Умеющий шагать — не оставляет следов. Умеющий говорить — не допускает ошибок».

2.3. Античная культура

Античная культура сыграла значительную роль в истории европейской цивилизации. Однако внутри себя Античность распадается на два культурно-исторических блока: Древняя Греция и Древний Рим, что, тем не менее, позволяет говорить об Античности как определенной целостности.

Главное внимание мы все-таки уделим древнегреческой культуре, которая прошла в своем развитии ряд этапов:

гомеровский (IX—VIII вв. до н.э.);

архаический — «архайос» в переводе с греческого «древний» (VII—VI вв. до н.э.);

классический, внутри которого выделяют:

раннюю классику (конец VI — середина V в. до н.э.), высокую классику (до последней трети V в. до н.э.), позднюю классику (до 320-х гг. до н.э.); эллинизм (конец IV в. — середина II в. до н.э.).

Возвышение Македонии и захват ею огромных пространств привел к тому, что греческая культура, считавшаяся эталонной, распространилась далеко за пределы Эллады. Поэтому последовавший за классическим период назвали эллинистическим, иначе говоря, греческим, что было отнюдь не упадком, который, казалось бы, должен был наступить после яркого взлета, а скорее переходом греческой культуры в иное состояние.

Хотя бы в нескольких словах необходимо упомянуть предшественницу античной Греции — крито-микенскую, или эгейскую, цивилизацию. Ее центром был остров Крит, где, как известно, сохранились останки грандиозного Кносского дворца, знакомого нам по мифу о Минотавре. Именно на этом острове родился Зевс. Вероятно, после разрушительного землетрясения XVI в. до н.э. и последовавшего за ним наводнения центр этой цивилизации переместился на южную часть Балканского полуострова, в города Микены и Тиринф. Жителями этой части Греции были ахейцы, о походе которых на Трои сообщает в «Илиаде» Гомер. Возвратившиеся в малом числе после Троянской войны герои не смогли дать достойный отпор диким племенам дорийцев, хлынувшим с юга и уничтожившим древнюю культуру. Однако большинство античных мифов связаны с той эпохой.

Гомеровский период занимает особое место в истории древнегреческой культуры. Основными источниками изучения этого периода (а по существу всей жизни эллинов со второй половины II до первых веков начала I тысячелетия) является греческий героический эпос, т.е. «Илиада» и «Одиссея» Гомера и поэмы «Труды и дни» и «Теогония» Гесиода. Оба поэта ведут свое повествование от имени муз, давая понять тем самым, что опираются на вполне надежные авторитеты.

К временам Гомера и Гесиода греческая мифология в основном сформировалась. По «Теогонии» Гесиода сначала был Хаос — «сияющая пустота». Затем появляются первые боги — Гея (богиня земли) и Уран (бог неба). Чуть позже Гея порождает Тартар, свет и тьму, а также Эрос — любовь. Совокупившись с Ураном, Гея производит на свет ужасное потомство — Титанов и Циклопов. Уран ужасается видом своих детей и заставляет пребывать их в лоне матери Геи. Однако младшему из титанов Крону (время) все же удается свергнуть своего отца и установить власть титанов.

Крон и титанида Рея родят новое потомство богов. Но Крон, дабы не разделить участь своего отца Урана, тут же глотает их. Чудом спасшийся Зевс начинает битву против Крона, в которой одерживает победу. Он заставляет исторгнуть из чрева Крона своих братьев и сестер, производит богатое потомство от семи жен и в конце концов устанавливает свое собственное царство. Таким образом, формируется окончательный вид греческого пантеона. Уже на уровне мифологического сознания Греция избрала совершенно иной путь, чем культуры, о которых мы говорили ранее. В мифологии и религиях древнего Востока божественное начало чаще всего представляло в виде некой абстракции, весьма далекой от обыденной жизни человека. В Индии, у брахманов — умозрительный «брахман-атман»; у джайнистов, — недостижимый Джайн; у буддистов, — отрешенный Будда, который чаще всего олицетворяет не столько бога, сколько выступает в качестве «пророка», учителя. В Китае, у Конфуция, — «небо вообще»; у даосов — непознаваемое Дао. В Финикии — владыка неба Ваал. В Египте самый очеловеченный бог — Осирис — весьма расплывчат: он символизирует Нил, жизнь и увядание, он же судья в Царстве мертвых.

Иное дело у греков. Роли богов распределены по профессиям (Гера — покровительница рожениц, Посейдон — бог моря, Аид — бог подземного мира, Аполлон — бог солнца и музыки, Артемида —

богиня охоты, Арес — бог войны, Афродита — богиня любви, Гефест — бог огня, Гермес — бог торговли, Дионис — бог виноделия, Афина — богиня мудрости и ремесел и т.д.). Каждый из них имеет свой собственный характер, они живут, как люди, и ничто человеческое им не чуждо. Зевс обитает на высоком Олимпе. Сюда он собирает богов на роскошные пиршества и на советы. Характерно, что даже местонахождение богов — не небо и не космос, а Олимп, нечто близкое и вполне реальное, гора, на которую, в случае чего, всегда можно просто показать пальцем.

Наивысшего расцвета категории и принципы древнегреческой культуры достигли во времена классического периода, поэтому его мы рассмотрим более подробно.

Вспомним, как немецкий философ Георг Гегель определял термин «классический». Он говорил, что это гармоничное единство общественного и индивидуального. Действительно, во многом именно такое сочетание и позволило создать культуру, которую называли образцовой, и величайшие произведения искусства, на которые оглядывались многие столетия спустя.

Культура античной Греции значительно отличается от предшествующих: грек классического периода чувствовал себя очень свободным внутренне и внешне, хотя к концу классики это ощущение болезненно утрачивается. Основными составляющими этой свободы явились благосклонная к человеку природа Балканского полуострова (естественный фактор) и созданная человеком культура (искусственный фактор). Греки были, возможно, первой цивилизацией, которая сознательно стала формировать вокруг себя и в себе культуру. Греки впервые, как они считают, противопоставили себя миру без культуры, варварскому миру. Ярким примером этого культурного самосознания может служить античный город-государство, или полис.

Что такое полис? С формальной точки зрения, полис — это особая форма социально-экономической и политической организации общества и государства в античную эпоху; город-государство, в состав которого входил собственно город, более или менее обширные территории вокруг него, люди, его населявшие, и их имущество. Зададим себе вопрос: чем отличается, например, современная Москва от древних Афин? Вспомните, пожалуйста, имена ваших соседей по дому, живущих на том же этаже, что и вы, но через три подъезда. Довольно трудная задача. Тогда как граждане (гражданами полиса считались свободные греки мужского пола, владевшие наследным пра-

вом на землю и имуществом), обладавшие правом голоса, почти всегда знали друг друга лично. Этим обеспечивалось качество участия каждого свободного гражданина — члена общины — в управлении полисом. Демократические основы существования полиса были заложены афинским правителем Солоном, жившим в VIII в. до н.э. Как только город разрастался до таких пределов, что ощущалось ущемление прав граждан, часть жителей отселялась в другие районы. Так возникали знаменитые греческие поселения, к примеру, Херсонес в Крыму, так начиналась «эллинистическая колонизация».

Древние греки осуществили гигантский социальный эксперимент: впервые в истории они попытались создать открытое горизонтальное общество, формально равное индивидууму, тогда как обычно структура общества представляет собой пирамиду. Они построили особый тип демократии, основанный на самоуправляемости индивида, который несет личную ответственность за свои решения. В такой среде важную роль и сыграла та самая гармония между индивидуальным и общественным. Это не означает, что грек ставил интересы полиса выше собственных, просто его интересы совпадали с ними. Такую установку греки впитывали с молоком матери.

Среди критериев, позволявших грекам отделять себя от окружающих народов, было чувство свободы. Можно сказать, что эллины были в достаточной степени высокомерны по отношению к другим народам, ибо считали себя культурным народом, а всех остальных — варварами. Впрочем, они не были одиноки в осознании исключительности своей культуры. Известно, что в период, предшествующий античной Греции, многие народы обладали четким осознанием различий между своей и чужой культурами. Так, еще древние египтяне делили весь известный им мир на «людей», к которым относили себя и свою культуру, и «не-людей». Персия или Египет были странами, не менее культурными, но эллины полагали, что те не знали свободы, их существование в большой степени бессознательно, они живут как часть природы, а это варварство. Культ свободы был грандиозным, можно говорить о целой философии духовной свободы.

Согласно древнегреческой мифологии, человек активен и жизнелюбив (Ахиллес говорил: «Лучше быть рабом на земле, чем царем мертвых»). Над ним не тяготеет проклятье сансары, он не скован жесткими оковами Ли. Человек имеет тело и душу, состоящую из трех частей: «псюхе» — источник жизни, «тюмас» — воля, и «ноос» —

ум. Все три вида духовности присущи как людям, так и богам; животные же имеют только «псюхе».

Одним из важных принципов существования греческой культуры была агональность (сопоставительность), в которой главную роль играли состязания художественные (соревнования поэтов-трагиков, музыкантов, аэдов и рапсофов) и спортивные (Олимпийские игры). Следует, однако, отметить, что, участвуя в соревнованиях, свободный грек проявлял себя прежде всего как гражданин полиса, его личные заслуги и качества ценились только тогда, когда выражали идеи и ценности города-государства. Даже в том случае, когда в честь победителя сооружали статую, в ней отсутствовали индивидуальные черты. Это был типический образ победителя. Состязания, как правило, приурочивали к праздникам в честь богов-покровителей того или иного полиса. Например, раз в четыре года отмечался праздник в честь богини мудрости Афины — Большие Панафинеи. Широкую известность приобрели празднества, посвященные богу вина и виноделия Дионису, ставшие в эпоху архаики основой, на которой сформировалось древнегреческое театральное искусство.

Древние греки относились к своим богам как к себе подобным, почти родственникам, чему способствовал антропоморфный облик богов. Да, они приносили им жертвоприношения, но общение происходило порой почти на равных: с богами можно было спорить, а при случае и отругать, ведь боги обладали теми же достоинствами и недостатками, что и люди. Несомненно, божества были могущественнее людей, но и их существование зависело от определенных обстоятельств. Выполнив предназначенную им роль, они «уходили в небытие», им переставали поклоняться. Ярким примером этого может служить смена поколений древнегреческих богов: хтонические боги были свергнуты титанами, впоследствии покоренными олимпийскими богами во главе с Зевсом. Но и люди продлевали себе жизнь: легендарный Сизиф обманул смерть и прожил еще много счастливых лет. Однако все-таки существовало важное различие между богами и людьми — первые были идеально красивы, правда, за исключением одного бога, Гефеста, которого сбросили с Олимпа, и он стал уродцем. В связи с этим важнейшей характеристикой древнегреческой культуры является культ тела человека, который, кроме эстетической стороны, имел и прагматическую: каждому греку необходимо было заботиться о ловкости и силе, поскольку всякий гражданин был прежде всего воином, защитником полиса. Интересной областью прояв-

ления телесного культа являлись древнегреческая архитектура и скульптура, где математические расчеты сооружаемых храмов соотносились с размерами и пропорциями человеческого тела (например, основными единицами измерения в Древней Греции были палец, ладонь, локоть и т.п.). Дорическая колонна уподобляется фигуре мужчины-атлета: физически сильного, твердо стоящего на земле, не требующего никаких украшений и прекрасного своим физическим совершенством; стройная ионическая колонна сравнивается с фигурой женщины — утонченной и нарядной; коринфская колонна создана, как полагают, в подражание девической грации.

Перед нами вырисовывается мир, в котором человек чувствовал себя уверенно, свободно. Этому способствовало и то, что греки понимали важность изучения окружающего мира: именно в Греции появились первые зачатки науки. Весь мир представлялся древнему греку в форме космоса, упорядоченной, гармонизированной, уравновешенной, эстетически прекрасной структуры, обладающей четко установленными границами, в пределах которых человек ощущал себя очень безопасно. Космос мыслился как соразмерный человеку. И в этом плане полис был микрокосмом, малой моделью космоса. Специфика познания космоса греками состояла в том, что они хорошо понимали, как важно не нарушить устоявшиеся взаимосвязи, и свою задачу видели в том, чтобы органично вписаться в этот мир. К слову сказать, римляне развивали иную концепцию, полагая, что призваны достроить космос, поэтому древнеримская культура пошла по пути экспансивного расширения своих границ. Уже в самом общем подходе к миру, природе, космосу античный грек утверждал эстетические категории, пронизывающие всю античную культуру и получившие особое развитие в искусстве. Речь идет о красоте, мере и гармонии.

Сохранение целостности космоса необходимо еще и потому, что рядом с ним постоянно существует хаос, вечно пульсирующий за его тонкими стенами. Эллин, изгнанный из города, лишался родины, переставал быть в глазах греков достойным человеком. Великий Сократ, которому суд предложил на выбор смерть или изгнание, выбрал смерть, потому что не мыслил свою жизнь вне родной общины.

Говоря о древнегреческой культуре, нельзя не упомянуть философию, которая занимала важное и почетное место в системе древнегреческой культуры. Древнегреческая философия интересна не только тем, что она сформировала собственный подход к человеку и миру, создав тем самым мировоззренческий фундамент западноевро-

пейской мысли вплоть до XX столетия, но и тем, что в ее недрах зародились многие отрасли науки и культуры, включая точную науку, естествознание, политическую мысль, логику, риторику и даже музыку. Греческая философия касается многих религиозных проблем, она также воздействует на искусство, создавая различные каноны и своды эстетических правил. Философы Древней Греции в чем-то опередили свое время — многие их открытия были подтверждены многие столетия и даже тысячелетия спустя.

Для древнегреческой философской мысли характерно сочетание удивительной, почти детской, наивности, с гениальными, поразительными для того времени открытиями. В отличие от индийской и китайской, греческая философия с самого начала пошла по пути поиска первоначала всего сущего. Для грека первый вопрос, который занял его ум, звучал следующим образом: что лежит в основе мироздания, какова субстанция (первооснова) мира?

Анаксимандру (610—546 гг. до н.э.), ученику Фалеса, принадлежит идея о происхождении человека из «животных другого вида», хотя эта мысль облечена у Анаксимандра в очень наивную форму (он предположил, что человек явился из чрева рыбы). Его ученик и последователь Анаксимен (585—470 гг. до н.э.), автор сочинения «О природе», выдвинул идею о зависимости состояния погоды от активности Солнца, которая найдет свое подтверждение много позже.

Гераклита Эфесского (520—460 гг. до н.э.) можно считать автором первой диалектической концепции, ибо именно его перу принадлежат формулировки основных законов диалектики, которые впоследствии станут центральными в теориях Г. Гегеля и К. Маркса. Основа основ в философии Гераклита — идея всеобщего движения. Именно оно является причиной изменения и обновления мира. Само же движение обусловлено противоречивым характером бытия, борьбой противоположностей. За постоянной борьбой противоположных начал Гераклит усматривает «скрытую гармонию», «логос» (слово, разум), который имеет духовную, идеальную природу.

После временного завоевания ионийского побережья персами, когда центр античной культуры перенесся на юг Аппенинского полуострова и на остров Сицилия, возникает оригинальная италийская метафизика, к которой относят, в частности, Пифагорейский союз и Эмпедокла.

Для Пифагора (570—497 гг. до н.э.) число — сущность человека, человек полностью выразим через число, которое индивидуально

и неповторимо для каждого конкретного индивида. В основе мироздания также лежит число. При этом само бытие есть лишь выражение, носитель числовой основы вселенной. Характеристики мира могут быть познаны через арифметику, геометрию, алгебру — через науки, оперирующие числами. Даже музыка, ритм есть модус (образ) числа, звуковое воплощение числовых характеристик бытия. Поэтому Пифагор и его ученики придавали ритму особое значение.

Космос находится в постоянном движении, а значит, идентифицируется своими ритмически-звуковыми качествами. Движение солнечной системы рождает космический «аккорд», или, по терминологии Пифагора, «гармонию сфер». Услышать эту гармонию — значит не только познать вселенную, но привести свою индивидуальную ритмически-числовую сущность в соответствие с ритмически-числовой сущностью космоса, стать сопричастным вечности и вселенной.

Современник Пифагора Филолай высказал сомнения в геоцентрической системе и предположил, что Земля движется. Представитель более позднего пифагореизма Гикет пошел еще дальше: он отстаивал идею вращения Земли вокруг своей оси в суточном цикле, опередив таким образом идеи Н. Коперника на две тысячи лет.

Мелисс Самосский (V в. до н.э.) первым в истории культуры сформулировал закон сохранения энергии и материи: «Из ничего никогда не может возникнуть нечто». Отсюда вывод о вечности и беспредельности бытия.

К гениальным догадкам того времени следует отнести высказывание Эмпедокла (490—430 гг. до н.э.) о том, для распространения света в пространстве требуется определенное время. Его же перу принадлежит и первая теория происхождения видов, основанная на идеях эволюции животного мира и естественного отбора. Эмпедокл также вводит в науку понятие «движущих сил», понимая под ними силы психического свойства — любовь и ненависть.

Особняком в истории Древней Греции стоит имя Демокрита (460—370 гг. до н.э.). Ему принадлежит попытка создания первой универсальной философской системы на основе атомарной теории. Открытый Демокритом атом является мельчайшей неделимой частицей. Соединяясь, атомы формируют системы — конкретные вещи. Основные положения атомарной теории Демокрита практически в неизменном виде просуществовали вплоть до конца XIX вв. нашей эры. Большим достижением атомистов являются два новых положе-

ния: о бесконечности Вселенной и бесчисленности миров, одновременно существующих в бесконечном мировом пространстве. Демокрит впервые поставил вопрос о развитии культуры — материальной и духовной, и предположил, что главными движущими силами этого развития являются нужда и польза.

Развитие демократии в Греции в V—IV вв. до н.э., участие граждан в работе народного собрания, судах и других выборных органах потребовало овладения искусством политического и судебного красноречия, умения доказывать свою точку зрения, убеждать словами. Естественно, появились и учителя политических знаний и риторики, которые сформировали школу софистики. Утверждая, что у всех истина своя, софисты (Протагор, Горгий, Гипий, Продик, Анаксагор, Критий) отрицали объективные критерии добра и зла, сводя этические ценности к аморальному утверждению «Что кому выгодно, то и хорошо». Скажем, Протагор (480—420 гг. до н.э.) — автор тезиса «Человек есть мера всех вещей, существующих, — что они существуют, несуществующих, — что они не существуют», утверждая, что все понятия и этические ценности относительны и субъективны, выдвигал в качестве критерия истины пользу. Вместе с тем софисты сыграли и положительную роль в истории мировой культуры. Они теоретики риторики и ораторского искусства. Сделав своей целью нарушение логических законов, они были вынуждены открывать их. Кроме того, они привлекли внимание науки к проблемам человека и общества. К тому же софистов можно назвать первыми интеллигентами, потому что именно они первыми воплотили важный признак интеллигенции — зарабатывать деньги собственным умом.

Вопрос о статусе личности, ее этических и социальных основаниях становится центральным в философии Сократа (470—399 гг. до н.э.), имя которого является синонимом философии и мудрости. Человек, не оставивший после себя ни одной строчки и утверждающий «Я знаю только то, что ничего не знаю», сегодня оценивается как ключевое явление не только в рамках античной культуры, но и всей истории западноевропейского мировоззрения. Главная заслуга Сократа заключалась в том, что он доказал самоценность человеческой личности и ее самодостаточность. Для полисного мышления тогдашней Греции это означало мировоззренческую революцию. Беседуя с людьми на рынках и улицах, Сократ учил их самостоятельно мыслить, относиться скептически к себе и к устоявшимся штампам сознания. «Познай самого себя!» — это крылатое изречение было пре-

вращено философом в обширную систему взглядов. Мысль о том, что человек есть цель и одновременно ценность сама по себе, перевернула представления греков о человеке, обществе, государстве.

Ученик Сократа Платон (427—347 гг. до н.э.) не только развил учение своего наставника, но и впервые в истории философии создал универсальную идеалистическую систему. Для того чтобы познать вещь, необходимо раскрыть ее внутренний смысл, т.е. идею. Идея вещи есть совокупность тех ее частей, которые сообщают ей новое качество. Идея вещи есть та целостность ее особенностей, которая является законом ее возникновения и существования. Идея вещи есть ее предельное обобщение. Платон увидел тот факт, что идея, в отличие от ее вещного аналога, совершенна, абсолютна и постоянна. Но из этого вполне корректного утверждения Платон делает неожиданный вывод: весь реальный мир — лишь копия, «тень» царства идеальных сущностей. Что же касается его социально-этической концепции, то Платона по праву можно считать первым теоретиком «научного коммунизма».

Творчество Аристотеля (384—322 гг. до н.э.) совпало с переломным периодом в общественной жизни Греции. После битвы при Херонее, когда македонские войска Филиппа II разгромили объединенные силы греческих полисов, суверенные государства перестали существовать. Уровень научной мысли достиг значительного расчленения знания: появляются частные науки. Культурно-философская мысль ставит новые вопросы. Энциклопедический ум Аристотеля пытается по-своему рассмотреть эти явления в общественной и научной жизни; он разрабатывает масштабное учение о сущности, материи и форме, исследуя проблемы соотношения единичного и общего, материального и духовного, рационального и чувственного. Он раскрывает философский смысл таких понятий, как бесконечность, пространство, время, движение, создавая всеобъемлющую систему категорий.

Древнегреческое искусство. Ведущие направления — архитектура, скульптура, вазопись и театр.

Архитектура была основана на ордерной системе, где ордером называлось определенное пропорциональное и гармоничное сочетание несомых и несущих частей здания. Существовали три типа ордеров: дорический, ионический и коринфский.

Скульптурное искусство представлено именами Мирона, Поликлета (ранняя классика), Фидия (высокая классика), Праксителя, Лисиппа, Скопаса (поздняя классика).

Каждый из вышеназванных скульпторов был новатором в искусстве. Мирон, создав статую «Дискобола», привнес в скульптуру движение. Поликлет создал первый скульптурный канон — правила соотношения пропорций частей тела ко всему телу. С точки зрения этих правил, наиболее значимой работой Поликлета стала статуя «Дорифора» («Копьеносца»), которая имеет и второе название — «Канон». Творчество Поликлета примечательно и тем, что он пытался изобразить человека таким, каким он должен быть, идеального гражданина полиса. Фидий ознаменовал собой новый этап в развитии древнегреческой скульптуры, создав монументальные образы Зевса Олимпийского, Афины Парфенос и др. После греко-персидской войны, когда старый Акрополь был разрушен, Фидий стал главным архитектором новой постройки; под его непосредственным руководством был построен знаменитый Парфенон, и Фидий лично выполнил скульптурный фриз этого храма. На фризе Парфенона — более 200 фигур, и ни одна из них не повторяется.

Скульпторы поздней классики ознаменовали собой разрушение полисного коллективизма. В искусство вошла индивидуальность. Многие внешние человеческие черты стали мягче, естественнее. Пракситель любил изображать людей отдыхающими после сильного физического и духовного напряжения. Пракситель отошел от идеалов Поликлета: его мужские фигуры более женственны, и в этом они реальнее образов Поликлета. Кстати, именно Праксителю принадлежит статуя Афродиты Книдской — первая обнаженная женская скульптура. Другой античный скульптор Скопас, развивая традиции Мирона, привносит в искусство экспрессию, физическое напряжение, эмоции, страсть, боль. Его статуя «Менада» стала одним из первых образцов круглой скульптуры, которую можно обозревать, как произведение искусства, со всех сторон. Перед нами спутница бога Диониса, которая находится в состоянии мистического транса, в исступлении, и ее тело неестественно изогнуто. Творчество Лисиппа заканчивает искусство классики и открывает новое, эллинистическое искусство. Особенно удавался Лисиппу жанр портрета. Появление и развитие портретной скульптуры ярко характеризует превалирование индивидуального начала над коллективным. Еще в эпоху ранней классики скульпторы не стремились отображать портретное сходство, в рамках

полисной культурной системы не было стимулов для такого развития. Теперь же человек хочет показать себя, выявить свою индивидуальность, оставить о себе в произведении искусства конкретную память. Лисипп был придворным скульптором Александра Македонского, благодаря этому до наших дней сохранилось некоторое количество изображений великого полководца. Кроме того, Лисипп создал второй античный скульптурный канон, пропорции которого в большей степени отражали реальные пропорции человека, чем это было у Поликлета.

Театральное искусство было чрезвычайно популярно в Древней Греции, и его важность признавали все, так что во времена Перикла (V в. до н.э.) неимущим гражданам даже выделялись деньги на покупку входных билетов в театр. Проводились настоящие театральные соревнования.

В наибольшей степени особенности античной полисной культуры выразил жанр трагедии, яркими представителями которого явились Эсхил, Софокл и Еврипид. Первый показал в своем творчестве людей-героев, борющихся с неумолимой судьбой. Второй изобразил людей такими, какими они должны быть, а третий — такими, какие они есть на самом деле. Становление и закат древнегреческой трагедии напрямую связаны с развитием и упадком полисной системы. Именно полисный коллективизм и позволял трагедии осуществлять свои культурные и общественные функции, и прежде всего функцию очищения, так называемый «катарсис».

Завершая этот раздел, нужно сказать, что роль Античности в формировании европейской культуры стала осознаваться во многом благодаря исследованиям немецких философов XVIII—XIX вв., в частности И.-Г. Гердера и В. Вельфлина. Образцом устройства мира Античность считали деятели Возрождения; Новое время в лице приверженцев классицизма нашло в Античности свой этический и эстетический идеал.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО РИМА

1. Царский (VIII—VI вв. до н.э.). Легендарное основание Рима (753 г. до н.э.). Формирование синтетической римской мифологии. Первые греческие колонии на юге Италии. Изгнание царей.

2. Республиканский (VI—I вв. до н.э.). Объединение Италии. Завоевание Греции. Пунические войны. Формирование и развитие

римского скульптурного портрета. Римский эпос (Вергилий «Энеида»).

3. Ранняя империя (I в. до н.э. — III в. н.э.). Формирование архитектурно-строительной концепции в трудах Витрувия. Строительство Колизея и Пантеона. Возведение колонны императора Траяна. Конная статуя Марка Аврелия.

4. Поздняя империя (III—V вв. н.э.). Правление Константина Великого. Признание христианства (325 г. н.э.). Разделение империи на Восточную (Византия) и Западную. Разграбление Рима войсками Алариха. Разграбление Рима вандалами. Оккупация Италии остготами.

2.4. Культура западноевропейского Средневековья

Христианство явилось одной из главной составляющих частей европейского типа культуры.

Периодизация средневековой культуры такова: раннее Средневековье (V—X вв.); высокое Средневековье (XI—XIII вв.); позднее Средневековье (XIII—XIV вв.).

Как известно, христианство зародилось в I в. в Палестине. И на первых порах стало религией рабов, потому что обращалось прежде всего к ним, обещая им награду за их страдания в этом мире. И когда римская власть поняла всю опасность для себя этой новой религии, было уже поздно — христианство стало мощной духовной силой.

Представим себе Рим III века. Стараниями Калигулы, Нерона и им подобных императоров уничтожен цвет нации — патриции. Народ, вскормленный на легких военных победах, безумствует. Провозглашен лозунг: «Хлеба! Вина! Зрелищ!». Римская цивилизация с огромной скоростью несется в пропасть. На первые роли выходит армия, состоящая из наемников, которые пойдут за любым, кто платит. Наступает эпоха «солдатских императоров» — за 22 года на троне сменилось 50 цезарей. Господствующая религия уже не в состоянии справиться с нарастающей духовной деградацией общества прежде всего потому, что в ней отсутствуют перспективы, она не дает адекватного выхода из этого кошмара. И, как всегда в такой ситуации, начинается массированное вторжение иноземных религий. На этом гребне и проникает в самое сердце огромной империи христианство, постепенно завоевывая умы и сердца не только рабов, но и правящих классов.

Лишь в начале IV в. н.э. к власти в Римской империи пришел человек с твердой рукой — император Константин. Он понял, что единственной силой, на которую можно опереться и которая способна вывести Римскую империю к новым рубежам, является христианство. Окончательно христианство стало господствующей религией при императоре Феодосии. Правда, Римская империя была уже настолько ослаблена внутренними раздорами, что не могла полноценно сопротивляться наступавшим варварам. Сначала произошло ее разделение на Западную и Восточную части (396 г.), в 476 г. пал Рим, а в 488 г., после захвата новой столицы Равенны, окончательно прекра-

тила свое существование Западная Римская империя, хотя Восточная, под именем Византии, просуществовала еще около 1000 лет.

Если мы говорим о раннем христианстве, то оно однозначно акультурно. Культура вокруг была одна — римская, христианство против нее восставало. Тем более первые христиане с нетерпением ожидали второго Пришествия Христа и не собирались связывать себя с «миром дольным», зная, что в «мире горнем» получают Царствие Небесное. Поэтому говорить о христианстве как о культуре, вероятно, можно с того момента, когда христиане осознали, что Пришествие Иисуса Христа откладывается, а жить как-то необходимо. Начинается строительство христианских храмов, потом появляются монастыри, христианство постепенно обрастает имуществом и входит в культуру. Однако влияние предшествующей культуры велико. Христианство распространяется точно в границах Римской империи. Языком культуры становится латинский. И вопрос о столице тоже решается однозначно: ею может быть только Рим, центр мира. Так начинается средневековая культура. А христианство становится не просто культурой, но духовной оболочкой всех процессов. Христианство положило начало культуре, признавшей в человеке личность, увидевшей в человеке земное воплощение Бога, а в Боге — высшую любовь к людям.

Уже у ранних христиан появляются первые попытки теологического осмысления нового вероучения. К примеру, в трудах Филона Александрийского Бог из антропоморфного существа превращается в высшее духовное абстрактное начало, наделенное благом, красотой и разумностью. Филон разрабатывает идеи о сотворенности мира и существовании Бога вне сотворенного им мира, учение о Сыне Божьем как посреднике между Богом и миром и о человеческой греховности. Филону принадлежит утверждение равенства всех людей перед Богом.

Немалая роль в оформлении христианского учения принадлежит Сенеке, увидевшему в человеческой сущности два начала — дух и плоть.

По мере того, как увеличивалось число христиан, усиливалась необходимость в упорядочении и канонизации христианских догматов. Основные положения христианского вероучения выведены из Библии, трудов Отцов церкви и закреплены решениями Вселенских соборов. Главной книгой христиан всего мира является Новый Завет. Суть христианства изложена в Символе Веры, принятом на Никейском и Константинопольском соборах (IV в.). Первый Вселенский

собор постановил: «Сын Божий есть истинный Бог, рожденный от Бога-Отца прежде всех веков и так же вечен, как Бог; Он рожден, а не сотворен, и единосущен с Богом-Отцом». Второй собор утвердил догмат о равенстве и единосущии Бога-Духа Святого, Бога-Отца и Бога-Сына. Последующие соборы признали соединение в Иисусе Христе двух естеств — божеского и человеческого. Иисус Христос стал рассматриваться как Бог и совершенный человек. Христианский дуализм проявился и в разделении земной власти на духовную (во главе с Папой Римским) и светскую (возглавляемую императором), что сказалось даже в архитектуре: многие романские и готические храмы имеют две равновеликие башни, олицетворяющие власть. В религиозном отношении античный пантеизм, при котором природа как бы насыщена божественным началом, сменился теизмом и теоцентризмом, утверждающими центральное место Бога и его безграничную власть над природой и человеком. В центр мироздания христианство поставило единого Бога-Творца. Согласно креативной теории, главной причиной происхождения мира является некое мистическое начало, свободно производящее все многообразие бытия и господствующее над ним как над своим созданием.

Сущность христианской нравственности наиболее полно изложена в Нагорной проповеди Иисуса Христа (Евангелие от Матфея). Христианством впервые в религиозной практике были сформулированы нравственные заповеди не в негативном (чего не должно делать), а в позитивном ключе (как надо поступать). Очень показательным здесь является сравнение ветхозаветного Декалога и Нагорной проповеди Христа. Важной чертой христианской нравственности является ее активный характер, направленность не только на преобразование отдельного человека, но и социума.

Собственно культура Средневековья возникла примерно в V в. н.э. как синтез трех культур: христианской, античной и варварской. Нередко говорят, что Средневековье — это «темные века», и по отношению к раннему этапу (до X в.) это справедливо. Было забыто многое из античного наследия. К примеру, когда умер остготтский король Теодорих и необходимо было построить гробницу для него, то купол выдалбливали из огромного цельного камня, потому что утратили секреты возведения сводов. Наверное, единственным общественным институтом, в котором сосредотачивалась духовная культура, стала церковь, создавшая аппарат мощного религиозного воздействия

на массы. Духовенство стало носителем христианства и средоточием его духовных сущностей.

Одной из важных частей этой структуры были монастыри. Один из первых монастырей в Западной Европе был основан в VI в. св. Бенедиктом Нурсийским в местности Монте-Кассино на севере Италии. Монастыри долгое время обладали исключительным правом на образование и книжное дело. Мы также знаем, что монастыри были богатейшими организациями, но забываем о том, что первоначально свой капитал они зарабатывали собственным тяжелым трудом и при этом кормили всю округу. Хотя в этом можно увидеть и определенную рекламу: примите Господа Бога в сердце свое и будете жить так же хорошо, как и мы.

Конечно, монашество имеет более древнюю историю. Первые христианские монахи появились в III в. в Египте, но они были одиночками, отшельниками-аскетами. Именно тогда развились такие формы монашеского бытия, как столпничество, затворничество, молчаливость и т.д. Первый общежитийный монастырский устав был создан на востоке Европы, в Византии, Василием Великим, который главным принципом объединения монахов в составе одного монастыря определил следующий: только в совместном житии монахов духовные прозрения одного станут доступны многим. Бенедикт Нурсийский добавил в этот Устав и положение о том, что чрезмерное умерщвление плоти тоже не является благом, потому что монахи должны работать, а для этого необходимы силы.

Другой стороной монашества и его развитием стали монашеские ордена, которые стали активно появляться после первых крестовых походов. Особое место среди них занимали военно-монашеские ордена. Для нас интерес представляют три ордена: францисканцев, доминиканцев и тамплиеров.

Особое место в средневековой культуре занимала философия, в основе которой лежала проблема соотношения веры и знания, христианских догм и метафизических истин. Во II—УШ веках формируются многочисленные доктрины отцов церкви, которые в своей совокупности получили название патристики. Одним из первых, кто попытался построить целостную философскую систему на основе христианских догматов, был Ориген (185—253), видный ученый, теолог, философ. Он разработал теорию о трех смыслах Библии — буквальном, моральном и философско-метафизическом, отдавая безусловное предпочтение последнему. Ориген впервые ввел понятие

«богочеловек» и предложил рассматривать мироздание в качестве результата постоянно продолжающегося творческого акта. Отсюда же он выводил идею неизбежного спасения человечества.

Значение епископа Августина Блаженного (354—430) в истории христианской культуры сложно переоценить. Он дает новое, глубоко психологичное понимание личности и человечества в целом, рассматривая их духовное развитие и эволюцию. Во многом мистическая интерпретация истории построена им на разграничении двух градусов — Небесного и земного. Град земной, по мнению Святого Августина, обречен на исчезновение, поскольку зиждется исключительно на людской любви к себе и презрению к Богу. Град Небесный, напротив, основанный на любви к Богу и презрению к себе, — единственный путь преодоления греховной испорченности человека.

Более позднее направление средневековой религиозной философии, схоластика, представлена именами Ансельма Кентерберийского, Пьера Абеляра, Фомы Аквинского, Альберта Великого, Иоанна Дунса Скота, Уильяма Оккама. Фома Аквинский (1225—1274) пытался рационалистически систематизировать христианское знание, вывести логические доказательства бытия божьего, апеллируя к здравому смыслу. Широко известно его учение о «потенциальном» бытии (незавершенном, пассивном, материальном) и бытии «актуальном» (завершенном, активном, божественном). Значение, которое оказала схоластика на последующее развитие христианской доктрины и культуры в целом, не однозначно. С одной стороны, строгий категориально-логический аппарат помог сохранить преемственность интеллектуальных навыков и научных методов, которые окажутся в дальнейшем востребованными культурой нового времени. С другой стороны, предельная рационализация и логизация христианства не способствовали его подлинному, духовному пониманию.

Рядом с христианской Европой существовала великолепная мусульманская арабская культура. И арабы, приезжая по делам в Европу, чувствовали себя на две, а то и три головы выше в культурном отношении. Но уже в XI в. ситуация начинает меняться. И где-то к XIII в., особенно после крестовых походов, Европа постепенно начинает ощущать себя важной частью культурного мира, это связано с бурным ростом городов. В Болонье в 1054 г. открывается первый университет. Поначалу христианство позволяло развивать научное знание, если оно не затрагивало богословских истин.

В рамках христианской культуры существовала бикультурная ситуация, где наряду с собственно религиозными формами развивались и светские (городская (народно-карнавальная) и куртуазная), находясь друг с другом в активном взаимодействии. С XI века общество и церковь становятся более раскрепощенными. Развивается цеховое производство. Формируется банковский капитал. В ответ на потребности новых, нарождающихся слоев появляется интеллигенция: врачи и юристы.

Все это позволяет говорить о том, что если светские ценности к XIII в. еще не вышли на первое место, то уж во всяком случае они начали успешно конкурировать с христианско-церковными.

Художественная практика христианства воплощалась в живописи, скульптуре, архитектуре, литературе, музыке. С одной стороны, христианское искусство выполняет эстетическую функцию и приближает любого человека, не только верующего, к области прекрасного. С другой — оно есть предмет религиозного поклонения, напрямую связанный с христианской догматикой. Как говорил С. Трубецкой о русской иконе, это и культ, и эстетически прекрасное зрелище. Между этими полюсами существует сложное противоречивое соотношение: при определенных условиях эстетическая функция может усиливать религиозное воздействие того или иного произведения культового искусства, а эстетические чувства могут вливаться в общий поток религиозных переживаний, активизируя и углубляя их; однако, эстетическая функция нередко превалирует над религиозной, оттесняя на задний план культовое значение данного произведения.

Одно из ярчайших проявлений христианской культуры — храмы, в том числе готические. В готике символизм христианства доходит до совершенства. Более ранние, романские, соборы еще несли в себе своеобразный функциональный момент — они защищали город и его население от врагов, поэтому имели толстые стены, узкие, как бойницы, окна. Теперь храм стал собственно культовым сооружением, и это освобождение от «земного» приводит к тому, что пространство собора резко взмывает вверх, приобретая легкость. Важную роль играли витражи, делавшиеся из прозрачного цветного стекла и создававшие неповторимую, порой мистическую игру света внутри готического собора.

Высокое Средневековье стало действительно высокой культурой, считавшее себя вершиной истории, после чего должен начаться упадок. Эту мысль можно найти у Данте в «Божественной комедии».

Многие исследователи называют Данте «последним поэтом Средневековья, первым поэтом Возрождения», тем самым показывая, что великий итальянец не мог быть взращен на сугубо средневековой почве. Но надо признать обратное. Именно средневековая культура своим развитием породила внутри себя те зачатки нового, которые потом назовут Возрождением. И Новое время также многим обязано Средневековью. Например, прообраз протестантизма уже проявился на юге Франции в XII—XIII вв. в так называемой альбигойской ереси.

Говоря о современной ситуации в христианской культуре, необходимо заметить, что традиционный христианский консерватизм сменяется тенденциями к инновациям, к осторожному, но все более активному принятию нового. Пытаясь воздействовать на актуальные культурные, социальные, политические и экономические процессы, осознавая сложность современной ситуации, в которой прямое и авторитарное воздействие церкви уже невозможно, христианство ищет новые формы общения с миром, сближается с другими конфессиями.

2.5. Культура Византии

Современный человек знает о культуре Византии прежде всего в связи с Древней Русью. Как отдельный феномен эта культура практически незнакома большинству людей. Тем не менее, культура Византии является интереснейшим культурно-историческим типом, обладающим весьма специфическими особенностями.

В истории культуры Византии выделяют три этапа: ранний (IV — середина VII вв.); средний (VII—IX вв.); поздний (X—XV вв.).

Как известно, Византия образовалась из восточной части Римской империи. Центром нового государства стал город Византия, который был перестроен и получил название Константинополь. На Руси этот город известен и как Царь-Град.

Греко-римское наследие сыграло огромную роль в формировании византийской культуры. Можно говорить о том, что именно противостояние античной традиции и нового христианского мировоззрения и сформировало культуру Византийской империи. Борьба с философскими, этическими, естественнонаучными, эстетическими воззрениями античного мира проявилась во всей истории византийской культуры. Тем не менее, происходил постоянный синтез христианства и многих греко-римских философских учений.

Последней собственно античной философией, с которой еще соприкоснулась византийская культура, явился неоплатонизм (III—V вв.). Формирование неоплатонизма совпадает с зарождением христианства, с разложением и упадком Римской империи. В целом для него характерен глубокий пессимизм, разочарование в земной жизни, убеждение в испорченности человеческой природы. Плотин (204—270) исходит из того, что все сущее имеет в своей основе Единое, которое абсолютно непознаваемо и о котором нельзя ничего утверждать (так называемое «отрицательное богословие»). Единое, тем не менее, проявляется в трех своих ипостасях: в форме ума, души и космоса (материи). Вслед за Платоном Плотин делит мир на «здешний» и «тамошний». «Здешний» мир есть не более чем театральное действие, пьеса, игра в мир «тамошний». Порфирий (III в.) и Ямвлих (IV в.) развивают и дополняют учение Плотина. Философия Прокла (410—485), последователя Плотина, утверждает, что любое высшее знание доступно только через божественное озарение. Если любовь (эрос) связывает человека с божественной красотой, ум — с абсолютной ис-

тиной, то вера соединяет человека с благостью Бога. Своим учением Прокл оказал колоссальное влияние на средневековую метафизическую культуру.

Важнейшими темами богословских дискуссий на раннем этапе развития этой культуры были споры о природе Христа и его месте в Троице, смысле человеческого существования, месте человека во Вселенной и пределе его возможностей. В этой связи можно выделить несколько направлений богословской мысли той эпохи:

- арианство. Ариане считали, что Христос — творение Бога-Отца, а потому он не единосущ Богу-Отцу, не вечен и занимает подчиненное место в структуре Троицы;
- несторианство. Несториане полагали, что божественное и человеческое начала во Христе едины лишь относительно и никогда не сливаются;
- монофиситизм. Монофиситы выделяли прежде всего божественную природу Христа и говорили о Христе как богочеловеке;
- халкедонитство. Халкедониты проповедовали те идеи, которые впоследствии стали главенствующими: единосущность Бога-Отца и Бога-Сына, неслиянность и нераздельность божественного и человеческого во Христе.

Основные христианские догматы, в том числе Символ Веры, были закреплены на I Вселенском Соборе в Никее (325) и подтверждены на II Вселенском Соборе в Константинополе (381).

В византийской культуре сформировалась новая концепция всемирной истории, которая отходит от античной цикличности и переходит к идее линейного времени: от сотворения мира до бесконечности в направлении к человеческому совершенству. Всемирная история есть история всех народов без различия расовой и этнической принадлежности при условии принятия христианства.

Противостояние христианства и античного наследия проявилось и в дискуссиях о сущности мироздания. В этих спорах выделяются две школы, имевшие совершенно противоположные взгляды.

Представители антиохийской школы, опираясь на Библию, полагали, что Земля — плоский круг, над которым находится куполообразное небо. А вокруг всего простирается океан. Небо «земное» отделено от неба «небесного» водами.

Каппадокийско-александрийская школа утверждала шарообразность земли и сферичность небес, окружающих землю со всех сторон. К тому же в работах теологов этой школы своего расцвета достигла

патристика. Епископ Василий Великий (300—379) дал свою интерпретацию шести дней творения мира и на долгие века определил космологическую и естественнонаучную картину мира. Очевидно его влияние на формирование представлений славянских народов: Василий Великий до сих пор почитается в православии как один из святителей Церкви наряду с Григорием Богословом и Иоанном Златоустом. Григорий Нисский (335—394) многое сделал в деле размежевания философского и религиозного знания. При этом сам не всегда ортодоксально толковал Священное Писание. Интересна его идея о человечестве как органическом целом, коллективной личности, а также утверждение в духе Оригена о неизбежном спасении и просветлении всех грешников, включая дьявола. К капподоксийско-александрийской школе относятся и такие великие мыслители, как Григорий Богослов, Амфилохий Ионийский.

Взаимодействие античного и христианского начал проявилось и в формировании новой эстетики, для которой характерны, с одной стороны, опора на античные воззрения о сущности прекрасного, а с другой — глубокий спиритуализм, ставящий духовное выше телесного.

Воплощением новых идей стал знаменитый храм Святой Софии в Константинополе, строительство которого велось под руководством Исидора из Милета и Анфимия из Тралл и закончилось в 537 г. Он воплотил все лучшее, что было создано в архитектуре того времени как на Западе, так и на Востоке. В нем воплотилась идея грандиозного центрального собора, увенчанного гигантским куполом. На вершине купола был изображен огромный крест, обрамленный звездным небом.

Система образования также наследовала греко-римские традиции, основываясь на принципе семи свободных искусств. Она включала два уровня образования:

- тривиум — грамматика, риторика и диалектика,
- квадриум — арифметика, геометрия, астрономия и музыка.

Важной составляющей второго этапа истории византийской культуры явилось противостояние иконоборцев и иконопочитателей (726—843). Первое направление поддерживала правящая светская элита, а второе — ортодоксальное духовенство и многие слои населения. Иконоборцы, утверждая идею о неопишумости и непознаваемости божества, стремясь сохранить возвышенную духовность хри-

стианства, ратовали за отмену поклонения иконам и прочим изображениям Христа, Богородицы и святых, видя в этом превознесение плотского начала и пережитки Античности. Кстати, подобная практика является важной стороной иудаизма и ислама (VII—VIII вв. — зарождение и становление ислама).

На определенном этапе иконоборцы одержали верх, поэтому в византийском христианском искусстве некоторое время преобладали орнаментальные и декоративные отвлеченно-символические элементы. Однако борьба между сторонниками этих направлений велась чрезвычайно жестко, и в этом противостоянии погибли многие памятники раннего этапа византийской культуры, в том числе первые мозаики собора Святой Софии Константинопольской. Однако окончательную победу одержали сторонники иконопочитания, что в дальнейшем способствовало окончательному сложению иконографического канона — строгих правил изображения всех сцен религиозного содержания.

На этом этапе развития культуры происходит окончательный переход от античного идеала калокагатии к христианскому идеалу духовно совершенной, целомудренной и благочестивой личности.

Поздний период истории византийской культуры, продолжая традиции, знаменует собой новый этап во взаимодействии христианских и античных начал. В XI веке начинаются процессы постепенной рационализации христианского вероучения, что, как мы видим, явилось общеевропейской тенденцией. С особенной силой новые веяния проявились в трудах Михаила Пселла и Иоанна Итала. Они стали представителями нового типа ученого, который не желает опираться в своей деятельности только на богословские истины. Наука сама способна постичь истину, даже в сфере божественного.

Подобные взгляды постепенно привели к такому феномену византийской культуры, как гуманизм (XIII—XV вв.). Конечно, это общеевропейский процесс, но, вероятно, именно в Византии находятся истоки того, что мы сейчас называем гуманизмом эпохи Возрождения. И идея нового возвращения к Античности (возрождение) возникла в первую очередь в русле развития византийской культуры. Это подтверждает и тот факт, что начало серьезного формирования гуманистических идеалов в Италии во многом совпадает со временем начала массовой эмиграции интеллигенции из Византии, государства, вскоре павшего под ударами турок (1453).

Последним религиозно-философским учением, ставшим в Византии официальной формой православия, явился исихазм.

Исихазм («исихия» в переводе с греческого означает «покой, безмолвие, отрешенность») в более общем смысле этого слова — это этико-аскетическое учение о пути человека к единению с Богом через «очищение сердца» слезами и через сосредоточение сознания в себе самом, для чего была разработана особая техника молитвы и система приемов психофизического самоконтроля, имеющая некоторое внешнее сходство с методами йоги. Первоначально это учение появилось в Египте в IV в., тогда как для нужд собственно православной церкви оно было переработано византийским богословом Григорием Паламой. Он учил о том, что аскет-исихаст в состоянии экстаза непосредственно воспринимает несотворенное и невещественное излучение Бога, так называемый Фаворский Свет, в результате чего достигается такое «просветление» духа, которое будет способно «животворить» плоть.

После 1000-летней истории Византия прекратила свое существование, но не осталась в забвении самобытная и интересная византийская культура, которая передала культурно-историческую эстафету русской культуре.

2.6. Культура Возрождения. Реформация

Историки продолжают эпоху Средних веков до XVII в., тогда как с точки зрения культурологии это не совсем соответствует развитию культурных парадигм.

Для историков важно изменение общественно-экономических формаций, сферы производства, а для культурологов — изменение культурного сознания. И как только появляются первые серьезные сдвиги в классическом культурном менталитете Средневековья, начинает формироваться новая культура — Возрождение, или Ренессанс. Правда, было одно событие, резко усилившее процесс рождения новой культуры. В XIV веке в Европу пришла чума, которая по разным подсчетам уничтожила от 2/3 до 3/4 населения Европы. Цветущая средневековая культура вступила в полосу кризиса. Надломилась традиционная система ценностей, а то новое, только появившееся и до конца не определившееся, слишком отличалось от всего предшествующего, чтобы иметь с ним генетическую связь. По нашему мнению, именно здесь лежат одни из будущих причин трагедии Возрождения, которое не возникло из длительного развития предшествующей культуры, а стало малообъяснимым скачком в культурной эволюции. Ренессанс явился эпохой между Средневековьем и Новым временем и в полной мере не принадлежит ни тому, ни другому. Это специфический этап, ставший некой эстетической оболочкой, в глубине которой формировалась действительно новая культура — Новое время.

На закате Средневековья сложилась во многом тупиковая ситуация. Философско-религиозная доктрина, теология и теософия сыграли свою положительную роль в духовной реабилитации человечества. Однако религиозный консерватизм к этому времени стал приобретать все более и более жесткий характер. Любые творческие порывы человека, выходящие за рамки церковного понимания христианства, воспринимались как ересь. Мышление, выходящее за пределы категорий Священного Писания, оценивалось как греховное и ложное. Схоласты, зачастую слишком узко и буквально трактуя тексты Библии, преподносили их в качестве единственного источника истин и на этом основании в любой экспериментальной научной деятельности видели опасность идеологической диверсии.

Все это существенно затормозило не только естественнонаучную мысль, но и развитие культуры в целом, поскольку все сферы человеческой деятельности, включая искусство и философию, стали зависимыми от догматического и часто неадекватного прочтения священных текстов. Изначальные цели христианства — дать человеку подлинную духовную свободу, добиться нравственного очищения на основе святой любви, увидеть в человеке частичку Господа Бога — усилиями схоластов были извращены. Естественно, что в этой ситуации возникают различные попытки преодоления религиозно-догматической мировоззренческой платформы. Как всегда, философия принимает на себя первый удар.

Николай Коперник (1473—1543) одним из первых позволил себе усомниться в общепринятой системе взглядов. И дело здесь не только в том, что своим трактатом «О вращениях небесных сфер» он отверг сложившуюся веками геоцентрическую систему Аристотеля — Птолемея и дал широкие просторы астрономической науке. Более существенно то, что эта гипотеза Коперника, по сути, провозгласила смелый научно-методологический подход к миру: «Видимое не есть действительность»; и этот подход в дальнейшем стал основой всей классической науки.

Философ и поэт Джордано Бруно (1548—1600), развивая гелиоцентрическое учение Коперника, предположил, что Вселенная бесконечна, не имеет определенного центра и, будучи бесконечно одушевленной, предполагает множество миров. Более того, Бог для Джордано Бруно тождественен природе, поскольку, являясь всеобщей субстанцией (основой), он проявляется в единичных вещах. Это пантеистическое представление Коперника («бог есть все») размывало понятие Бога, подрывая тезис о его принципиальной непознаваемости. Напомним, что высказанные мысли ученого сыграли трагическую роль в его судьбе.

Огромная роль в развитии научных методов естествознания принадлежит итальянскому физическому, математическому и астроному Галилео Галилею (1564—1642). Являясь поборником теории «двух истин», Галилей активно доказывал, что философская, научная истина и истина религиозная имеют различную природу. То, что истинно в философии, может быть ложным в религии, и наоборот. Отграничив науку от теологии, ученый отстаивал экспериментальный метод познания и разработал ряд научно-методологических принципов.

Эпоха Возрождения явилась ярким проявлением светского начала в христианстве. Ренессанс распространил свое влияние прежде всего на духовные области человеческой деятельности. Это и понятно, ведь именно они первыми реагируют на свежие веяния. Меняется картина мира. На смену христианскому теоцентризму приходит антропоцентризм. Бог, конечно, не отменяется, но человек восходит до уровня творца, тем самым приближаясь к Богу. Вся культура Возрождения и есть создание некоего гигантского пьедестала божественному величию человека, который осознал себя творцом собственной судьбы и сотворцом окружающего мира. Расцветает ренессансный индивидуализм, сущность которого проявляется в гипертрофированном ощущении самоценности, собственной созидательной функции. Важно то, что индивидуализм явился одним из важных условий развития возрожденческой культуры, потому что через индивидуализм деятели Ренессанса отстраняли себя от окружавшей их средневековой культуры, в рамках которой подобное творчество было бы невозможным. С точки зрения средневековой системы ценностей, то, что совершали деятели Возрождения, их мысли и поступки являлись откровенной ересью. Процесс формирования новой культуры неминуемо должен был отринуть старое для того, чтобы «выжить», стать новой культурой.

В понимании самого термина «Возрождение» возможно несколько уровней. На первом уровне мы говорим о возрождении Античности, ее системы ценностей, эстетических категорий, образов. Второй уровень открывает нам Возрождение как возрождение человека, и прежде всего его плотской, земной стороны. Образ Святого Себастьяна, изображавшийся многими художниками Раннего Ренессанса, с одной стороны, не вызывал нареканий Церкви, а с другой — позволял показать красивое мужское тело, потому что единственной одеждой Святого Себастьяна была набедренная повязка. Возрождалась земная жизнь человека, которая становилась не менее значимой, нежели жизнь небесная. И в этом смысле изгнание человека из рая не только и не столько последствие греха, сколько будущая возможность возрождения человека.

Для деятелей Возрождения античная культура была не идеалом, а скорее основой, отправным уровнем, ниже которого опуститься было нельзя. В этом смысле их взгляд на Античность был намного реалистичней, чем у последующих эпох, например, у классицизма, ви-

девшего в той культуре идеал и поверявшего этим идеалом современность.

Происходит возрождение античной системы образования, формируются гуманитарные дисциплины, т.е. ориентированные на проблемы человека и человечества. В этом ключе и возникает знаменитый ренессансный гуманизм.

Когда говорят о гуманизме эпохи Возрождения, то часто путают его с современным гуманизмом, который обозначает признание ценности человека как личности, его право на свободное развитие и проявление своих способностей. Конечно, все это целиком относится и к гуманизму Возрождения, но изначально гуманизм стал таковым именно потому, что гуманисты восстановили античный тип образованности, сформировали комплекс гуманитарных дисциплин, сделали его своим мировоззрением.

Возрождение началось в Италии и постепенно продвигалось на север Европы. И чем севернее, тем сильнее влияние собственно христианского начала на процессы Возрождения. В Италии на ранних этапах Ренессанса сохранялось это влияние, что заметно, например, по творчеству такого уже ренессансного художника, как Сандро Боттичелли. В конце жизни он перестал писать картины, придя к выводу, что светское искусство и Бог несовместимы. Однако Высокое Возрождение в Италии, отмеченное именами Леонардо да Винчи, Рафаэля и Микеланджело, полностью освобождается от средневековых пут. Когда Рафаэля попросили расписать парадные залы Ватиканского дворца в духе единения античного и христианского начал, он блестяще справился с художественной стороной дела, но концептуально показал себя совершенным язычником.

Иначе обстояло дело в Германии, Нидерландах. В искусстве этих стран мы замечаем сосуществование двух культурных начал: средневекового и ренессансного, некий симбиоз. Большую роль продолжает играть символика, библейские сюжеты сохраняют свою религиозную значимость. И даже повышенная детализация связана прежде всего с тем, что мир, созданный Богом, требует к себе пристального и пристрастного внимания. Новое проявило себя в появлении обнаженной натуры, повышенном интересе к быту. Из представителей искусства Северного Возрождения выделим голландских художников Яна ван Эйка, Иеронима Босха, Питера Брейгеля Мужичского и, конечно, немца Альбрехта Дюрера.

Культурные процессы, происходившие на севере Европы, тесным образом взаимосвязаны с движением Реформации и рождением протестантской культуры.

Изменения, подготовившие приход протестантской культуры, начались достаточно рано. Здесь наиболее четко просматриваются прежде всего экономические процессы. В XIV—XVI веках бурно развиваются новые формы производства, устанавливается система общеевропейских торговых связей, крепнет банковский капитал. Но главное — формируется человек нового типа — предприниматель, индивидуалист, постоянно расширяющий сферу своих интересов. И если Средние века производили прежде всего, чтобы потреблять, то Новое время — чтобы продавать.

С политической точки зрения, начинается эпоха сепаратизма. Первым сформулировал принципы национального государства французский король Филипп IV. Надо сказать, что до этого момента Западная Европа не знала такого четкого деления по национальному признаку.

Церковь вступает в полосу кризиса, постепенно теряет свое влияние в политических процессах. Слишком заметное обмирщение церкви вызывает критику со стороны нарождающейся светской интеллигенции, которая выполняет социальный заказ правящей верхушки. Светским правителям необходима независимость от Римского престола. И самой важной задачей для мыслителей, не обремененных церковными путами, становится создание новой идеологии — идеологии буржуазного мира.

Развивается светское искусство, становящееся искусством «на продажу». Нуворишам нужны красивые особняки, произведения искусства, в которые можно вложить деньги. Роскошь стала модной. А спрос рождает предложение.

Первым крупным историческим событием этого времени является Столетняя война между Англией и Францией (1337—1453). В отличие от предыдущих, эта война была столкновением двух будущих гигантов Нового времени.

Важным процессом, сильно способствовавшим формированию новой культуры, стала Реформация во главе с немецким священником Мартином Лютером. Идеи уже давно витали в воздухе, но церковь еще имела значительное влияние на умы. И, главное, не было поддержки со стороны светской власти. Поэтому одной из центральных причин того, что инициатива Лютера была услышана и широко рас-

пространилась, можно назвать ее своевременность для местных князей, захотевших духовной независимости от Рима и от его политических притязаний.

31 октября 1517 г. священник Мартин Лютер вывесил на дверях своей церкви в городе Виттенберг 95 тезисов, в которых выступил против римско-католической церкви. Этот день положил начало Реформации и привел к появлению нового направления в христианстве — протестантства, которое можно рассматривать как версию христианства эпохи буржуазных отношений. Сам термин возник в 1534 г., когда на Вселенском соборе последователи Лютера подали Римскому Папе протест.

Основные идеи протестантства таковы. Церковь не имеет права отпускать грехи человека; спасает человека только искренняя вера; церковь не может быть посредником в общении человека и Бога, потому что Бог в каждом из нас; все люди ничтожны перед Богом, независимо от общественного положения. Важным тезисом для дальнейшего развития культуры явилось то, что все люди имеют равные стартовые возможности. И место человека в обществе зависит только от его усилий, его удачливости, его умений. И даже больше: если некто удачен в делах, это означает благорасположение к нему высших сил, по мнению Ж. Кальвина, видного последователя М. Лютера. Протестантство открыло прямые пути к развитию капитализма. Накопление богатства перестало быть грехом. По мнению видного современного социолога М. Вебера, именно протестантство стало основой капиталистического развития Европы.

Римская церковь выступила против нового движения, что получило название Контрреформации. Не следует видеть в этой реакции только борьбу католической церкви за утраченные сферы влияния. В этой борьбе участвовали и обыкновенные люди. Это был не только религиозный, но и культурный процесс. Многие в обществе почувствовали, что они теряют в уходящей культуре нечто, чего терять не следует. Появился почти мистический страх перед новыми временами. Поначалу он был неосознаваем. Лишь позже пришло понимание того, что новая культура несет с собой не только положительные моменты, но и отрицательные: это и падение ценности человеческой личности, и культ природы, и культ денег. Контрреформация попыталась вернуть все на круги своя. Это и стало роковой ошибкой. Искусственно законсервированные ценности становятся мертвыми. Страны, где это произошло, сильно отстали прежде всего в экономиче-

ском, индустриальном развитии от передовых государств Западной Европы: Англии, Франции, Голландии.

Протестантство, позволив обычному человеку трактовать Библию, в итоге пришло к сектантству. Более того, протестантство — сектантская религия. Среди протестантских сект можно выделить как крупные (лютеранство (Германия), кальвинизм (Швейцария), англиканство (Англия)), так и достаточно малочисленные (адвентисты, баптисты). Много протестантских сект существует в США: мормоны, свидетели Иеговы, квакеры, церковь Христа и т.д.

2.7. Культура Нового времени

Культура XVII в. Это столетие знаменует собой начало культуры Нового времени, продолжающейся до сих пор. В это время были сформулированы его основные постулаты и аксиомы. Это столетие науки и философии. К середине XVII в. закончились религиозные войны и ведущим политическим образованием стали крупные национальные государства с абсолютистской формой правления. Родилась новая, сильная Европа.

Мир теперь выглядит единым и однородным. Основными координатами человека становятся время и пространство. И его положение здесь зависит только от его силы и ума. Поэтому человек поставил себе цель овладеть природой. Для упрощения этой задачи все сложное сводится к простому. Человек представляется неделимым, т.е. индивидуумом, а природа есть некий автомат: чтобы его понять, достаточно разобрать на составляющие. Анализ стал ведущим методом науки.

В XVII веке наука действительно стремительно развивалась. Были сделаны величайшие открытия в естественнонаучной области. Появляется экспериментальная наука, резко активизировавшая все исследования. Наука становится универсальной, все превращается в предмет ее ведения. Ничто не может быть просто так принято на веру. Главным критерием истины становится разум. Формируется новый метод получения истины — рационалистический. Его основателем, а следовательно, «отцом науки и философии» Нового времени является французский философ, математик, физик Рене Декарт, больше известный студентам по декартовым координатам. Создавая «рационалистический метод», Декарт стремился к тому, чтобы дать человеческому разуму точные критерии истины. В Средневековье лишь Бог владел прерогативой на истину. Теперь, когда человек сам стал определять свою жизнь, возникает опасность релятивизации истины, ее относительности. Поэтому, по мысли Декарта, рационалистический метод и должен был бы стать новым основанием истинности познания. Трагедия этого великого ученого в том, что он понял невозможность создания такого абсолютного метода и увидел уже в то время, с какими бедами столкнется человечество в будущем. Человек, потерявший опору в Боге и не приобретший ничего взамен, стал игрушкой в руках различных сил, стремящихся как к экономическо-

му, политическому, так и к духовному господству. Кроме Декарта, в числе представителей науки XVII в. упомянем, конечно же, Фрэнсиса Бэкона, Джона Локка, Исаака Ньютона, Блэза Паскаля.

Если говорить об искусстве XVII в., то здесь мы увидим формирование двух крупных общеевропейских стилей: классицизма и барокко. Первый явился эстетическим выражением идей абсолютизма и основное развитие получил во Франции. Его художественной целью является преобразование действительности через призму классицистского эстетического идеала, построенного на рациональных основах. Основные принципы классицизма следующие: общественно-значимый характер, монументальность, подражание античному идеалу, морализаторство, нормативность (проявляющаяся в системе трех единств и иерархии жанров). Архетипом классицизма можно назвать «кристалл». Деятели классицизма: поэт Николя Буало, драматурги Пьер Корнель, Жан Расин, комедиограф Жан-Батист Мольер, художник Николя Пуссен. Барокко выступает как антитеза классицистскому искусству. Для него характерно движение крупных масс материи, аффект, порыв, патетика. Архетипом барокко может быть названо «прорастающее зерно». Среди представителей выделим скульптора Лоренцо Бернини и художника Питера Пауля Рубенса. Существовало и так называемое реалистическое направление, развивавшееся прежде всего в Голландии, первой бюргерской стране. Здесь мы видим интимную, камерную живопись на бытовые сюжеты, нашедшие выражение в творчестве «малых голландцев». Иной полюс голландского реалистического искусства представляет собой творчество великого Рембрандта ван Рейна, открывшего новые горизонты для всей европейской живописи.

Культура XVIII в. Как ни странно, но XVIII столетие — уже век усталости от прогресса, когда возникли первые сомнения в правильности выбранного направления. Развиваются литература, искусство, политика. На смену абстрактных идеалов человека эпохи Ренессанса, да и XVII в., приходит понимание, что человек живой обладает страстями, хочет конкретики, жаждет таинственности, иррациональности. Именно с этим связан расцвет масонства.

Однако же главным феноменом XVIII в. назовем Просвещение. Если деятели предыдущего столетия еще учились сами, то теперь мыслящая часть общества осознала, что уже пора просвещать народ. И самыми мощными средствами для целей Просвещения стали литература и театр. Центральные идеи просветителей таковы: критика

феодалного общества и церковного «мракобесия», осознание основополагающей роли знания, воспитания и образования, материализм, исторический оптимизм, понимание человека как «*tabula rasa*» («чистая доска»), на которую можно записать все разумное, и, конечно, идея прогресса человека и человечества. Важным явилось осознание возможности существования различных взглядов на мир, философию, искусство, мораль и т.д. Культура XVIII в., как и предыдущая, продолжает строиться на талантах. Здесь назовем имена Вольтера, Дени Дидро, Жана-Жака Руссо. Кстати сказать, именно Руссо и Вольтер показали два пути, по которым пошла западная цивилизация. Вольтер обрисовал идеи буржуазной демократии, а развитие идей Руссо, как это ни парадоксально, привело ко всем эксцессам национализма.

Особенной чертой XVIII в. явилось распространение светских салонов, где рождалось великое искусство общения людей, где часто в дискуссиях сталкивались высокоодаренные личности с разным мировоззрением. Яркая мысль, появившаяся в подобных салонах, в неделю облетала всю страну.

Эстетически прекрасный XVIII в., век «галантных празднеств» искусства рококо, закончился грандиозной трагедией Французской революции. Наверное, главной причиной начала революции можно назвать глубокое размежевание двух культур — «высокой» и «низкой», аристократической и буржуазной. В прямом и переносном смысле они говорили на разных языках. В целом, нет ничего странного в самом факте буржуазной революции, которая уже свершилась в Нидерландах, Англии. Но все-таки Французская революция отличается от них двумя существенными моментами. Во-первых, она породила в широких европейских кругах невиданные доселе надежды на социальный прогресс, поддерживаемые идеями французских просветителей. Во-вторых, сделала Францию первым тоталитарным государством мира. Вспомним о том, что эта революция потопила сама себя в крови, сделав своим врагом собственный народ. Для культуры Нового времени важно то, что социальный эксперимент, начатый во Франции, оказался незаконченным. В XX веке по пути тоталитаризма пошли многие государства: Италия, Испания, Германия, Россия... Хотя сама Франция больше таких ошибок не делала.

Культурный итог XVIII в. был подведен в победных сражениях против Наполеона и последовавшим заключением Тройственного союза стран-победительниц в 1815 г. Наполеон отправлен на остров Святой Елены. Европа вступила в буржуазный XIX век, один из са-

мых спокойных в ее истории. Это эпоха стабилизации буржуазного общества, формирование буржуазных демократий. Появляется устойчивое бюргерское общество, так называемый средний класс. Это век уже перезревшей буржуазной культуры.

XIX столетие характеризуется мощным развитием производительных сил, окончательным объединением науки и техники. Отсюда берет начало научно-технический прогресс. Наука становится основой методологии мышления, системы образования, взглядов на мир, на человека и общество. Любая философская система строится как наука. Карл Маркс, разрабатывая коммунистические идеи, создавал их как науку — научный коммунизм. Развитие науки в XIX в. подошло к тому рубежу, когда нравственные ценности и цели собственно человеческой жизни стали сдерживающими факторами, — и от них отказались. Теперь перед научным познанием расстилался бесконечный и абсолютно познаваемый мир.

Происходит постепенная замена «личностной» культуры на «массовую». Очень важным становится требование «быть как все». Причем «массовый человек» вполне может быть талантливым человеком, в том смысле, который определяет Н.А. Бердяев, т.е. способным создавать ценности культуры, органично в нее вписываясь. Но массовым его делает общество, которому он подчиняется, единение с которым «греет его душу». Массовый человек чувствует себя одиноким вне своей культуры. Постепенно он перестает отделять себя от некой социальной группы, к которой принадлежит и ценности которой считает своими. В действительности масса — явление достаточно древнее, но она всегда была пассивной, век XIX начал выдвигать массу на первый план, и уже в XX столетии масса становится не просто активным членом социокультурного процесса, но агрессивно-активным, на что указал мыслитель нашего века Хосе Ортега-и-Гассет в эссе «Восстание масс».

Для XIX века характерна множественность философских течений, в большинстве своем выросших из недр самой буржуазной культуры, которая породила собственных критиков. Лучшими представителями буржуазного мира была осознана необходимость радикального изменения общей социокультурной ситуации, другой вопрос — какого изменения. Философским направлением, проложившим новые направления развития человеческой мысли, явилась немецкая классическая философия, объединившая таких выдающихся мыслителей, как И. Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель.

Вера Западной Европы в безграничные возможности человеческого разума была несколько отрезвлена учением Иммануила Канта (1724—1804), который попытался начертать границы применения разума, за пределами которых выявляется его принципиальная несостоятельность. Кант доказал, что попытки познать разумом область трансцендентного (выходящую за рамки чувственного опыта) с необходимостью приобретают форму антиномии (противоречия). В области этики Канту принадлежит формулировка категорического императива (безусловного и универсального нравственного принципа) «поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». Поведение человека можно назвать моральным лишь в том случае, если единственным его мотивом является этот внутренний закон нравственности. Поведение, основанное на заинтересованности и корысти, в лучшем случае может быть оценено в качестве легального, т.е. не противоречащего законодательству.

Георг Гегель (1770—1831) создал систему абсолютного идеализма. Объявив мышление единственным источником творческой активности, Гегель дал трактовку исторического процесса как процесса самореализации и самопознания абсолютной идеи. Важнейшим способом познания абсолютной идеи Гегель объявил диалектический метод. Однако, провозгласив принципами новой логики развивающиеся понятия, противоречивость и всеобщую взаимосвязь, Гегель открыл новый, но совершенно тупиковый путь в философии и науке. Ни Гегелю, ни в дальнейшем Карлу Марксу, ни многочисленным советским ученым не удалось вывести ни одного закона диалектической логики и сделать принцип противоречивости методом строго научного логического мышления.

На гребне идей Французской революции появилась философия и искусство романтизма (братья Шлегели, Новалис, Виктор Гюго, Джордж

Байрон и др.); марксизм нашел свою опору в тяжелом положении пролетариата; «философия жизни» (Артур Шопенгауэр, Фридрих Ницше) и интуитивизм (Анри Бергсон) порождены усталостью от рационализма. Но в целом все эти «альтернативные» философские течения так или иначе выразили одну мысль — современная культура и общество находятся в кризисе. Различия заключались в видении путей выхода из кризисной ситуации и в осознании возможного будущего европейской культуры. К. Маркс говорил о социальном пере-

устройстве и переходе капитализма в социализм и коммунизм, а Ф. Ницше, разбивая в пух и прах существующие нравственные ценности, проповедовал «сверхчеловека».

Необходимо чуть подробнее остановиться на идеях Ницше, которого XX век сделал апологетом фашизма. На самом деле нельзя отрывать этого философа от культуры XIX в. Его наследие можно понять только исходя из тогдашней культурной ситуации. В одной из первых глав книги «Так говорил Заратустра» Ницше написал: «Бог умер!», тем самым показав, что вся система буржуазных нравственных ценностей, дотоле строившаяся на признании Бога в качестве главенствующего и связующего стержня, лишена его. И в этом случае данные ценности становятся лживыми, ненастоящими. Общество, построенное на этой системе ценностей, насквозь лживо. А все это произошло потому, что человек выпал из великой природной цепи, перестал подчиняться закону естественного отбора и борьбы за выживание. Человек слабеет с каждым днем: он помогает выживать больным, поддерживает стариков. Все это тянет человечество назад. Поэтому необходимо отказаться от этой обузы, снова начать эволюцию человека, чтобы в итоге прийти к «сверхчеловеку» — великому, могучему, счастливому, здоровому. «Я учу вас о сверхчеловеке», — говорил Ницше устами своего героя. Философия Ницше была радикальной реакцией на затхлость, аморфность, лицемерие буржуазного общества, и не следует усматривать в его теории всеобщность и универсальность, как порой пытаются сделать.

Серьезные изменения происходят в искусстве. Для многих деятелей искусства реалистическое направление перестает быть эталонным, и в принципе отрицается само реалистическое видение мира. Художники устали от требований объективности и типизации. Рождается новая, субъективная художественная реальность. Важно не то, как все видят мир, а то, как его вижу я, видишь ты, видит он. На этой волне и формируется импрессионизм. Сам термин произошел от названия картины Клода Моне «Впечатление. Восходящее солнце» (“*Impression. Levant soleil*”). Большое количество разнообразных художников объединены этим названием, и будет неверным говорить об их приверженности одному стилю, одной манере рисования. В группу импрессионистов объединяют тех художников, которые участвовали в выставках импрессионистов в 1870-х — 1880-х гг. Это Клод Моне, Эдгар Дэга, Эдуард Мане, Огюст Ренуар, Альфред Сислей, Анри Тулуз-Лотрек и другие. Важным принципом импрессио-

низма был уход от типичности. В искусство вошла сиюминутность, случайный взгляд, что ярко заметно в творчество Ренуара. Создается впечатление, что его полотна написаны простым прохожим, гуляющим (или, как сказали бы французы, — фланирующим) по бульварам и наслаждающимся жизнью. И перед нами — рассеянный взгляд такого прохожего, глазающего по сторонам.

Особняком стоят три имени: Винсент Ван Гог, Поль Гоген и Поль Сезанн, творчество которых назвали постимпрессионизмом и которые во многом являются родоначальниками искусства XX в.

2.8. Актуальные проблемы культуры XX века

Нарастание кризисных явлений в экономике, политике, культуре в начале нашего столетия привело к Первой мировой войне (1 августа 1914 г. — 1918 г.), опрокинувшей прежние представления о гуманизме и классических идеалах, подведшей черту под предшествующим развитием культуры, открыв тем самым путь новым культурным формам и формулам. XX столетие окончательно указало на близкий конец культуры Нового времени, а так как век уже заканчивается, то, вероятно, начало XXI в. будет все-таки продолжением культуры XX в.

Говорить о культуре XX века трудно вдвойне. Во-первых, потому что он еще продолжается и трудно оценить те или иные культурные процессы, а во-вторых, это век завершения всей культуры Нового времени.

В конце XIX и в XX вв. перед человеческой мыслью встал ряд принципиально новых проблем, связанных с глобальными кризисами современности, с переосмыслением места и назначения человека в историческом процессе. Вопросы, поставленные перед человечеством, никак нельзя назвать праздными. Человечество осваивает природу, ставя ее на службу своим потребностям и интересам; но природа, одновременно, все дальше и дальше отчуждается от человека и в любой момент готова отплатить ему злой шуткой, как бы доказывая его полную беспомощность перед стихией. Человек во имя своего благополучия создает цивилизацию, но она-то и представляет для него наибольшую угрозу. Наука развивается небывалыми темпами, информационный поток становится все стремительнее, человек внедряется в микромир; но стал ли он ближе к пониманию сути вещей, бытия, чем тысячу лет назад? Человечество осваивает космос, но теряет единство с ним. Человек стремится к познанию, но теряет способность к пониманию. Человечество совершенствуется, но становится бесчеловечным. Средства массовой информации порождают духовный голод. А невиданное стимулирование роста культуры оборачивается крушением и упадком нравов, идеалов, вкуса. Не является ли все это результатом некоего ложного пути, по которому идет человечество? Не следствие ли это европейского способа мышления, забывшего о бытии и склонного отождествлять бытие с круговоротом фетишей?

Свой взгляд на человека и мир предлагает необычайно популярная в XX в. концепция, получившая название экзистенциальной (Николай Бердяев, Жан-Поль Сартр, Альбер Камю, Мартин Хайдеггер). Эта концепция пытается осмыслить человека не как нечто абстрактное, а как конкретно-личностное явление, учитывая при этом все моменты его психологической жизни. Экзистенциализм исходит из факта человеческого существования в том смысле, что человек воспринимает свое «Я» как существующее в некой заданной ситуации. Таким образом, в структуре человеческого существования уже изначально заложено единство внутреннего и внешнего: внешний мир становится доступным человеку уже внутри самого человека. Вместе с тем, такое объединение человека и мира оказывается во многом призрачным. Точнее, объединив человека и мир в единой структуре существования, экзистенциалисты ограничили человека жесткими рамками самой этой структуры. Действительно, человек изначально живет в своем собственном «Я», которое намного ближе к нему, чем самый близкий предмет внешнего мира. Это изначальное отчуждение человека от сущего — его неотъемлемая характеристика. Он оказывается замкнутым на самом себе, и все внешнее способно стать более или менее близким ему только через преломление сквозь его отчужденный мир. Любая ситуация, таким образом, изначально приобретает внешнюю силу по отношению к экзистенции человека, и по этой причине человек всегда оказывается чужд ей. Одна из важнейших целей экзистенциальной философии — преодоление человеческой отчужденности — оказалась нереализованной.

Весьма популярным течением XX в. стал также психоанализ (Зигмунд Фрейд, Карл Густав Юнг, Эрих Фромм), пытающийся постичь не только «разумную» природу человека, но и его иррациональные страсти. Сделав массу открытий в области психического бессознательного, психоаналитическая школа (в своем классическом виде) объявила беспощадную борьбу всем иррациональным проявлениям души, фактически отождествив их с животными инстинктами. Таким образом, идея предельной рационализации была доведена психоаналитической школой до абсурда. Однако справедливости ради надо отметить, что по мере своей эволюции психоанализ существенно изменил свое лицо. К примеру, Эрих Фромм под предлогом «радикального гуманизма» разошелся со своим учителем Фрейдом по всем основным мировоззренческим позициям. Но современный Запад настолько уверовал в психоанализ, что у каждого уважающего себя

американца обязательно есть собственный психоаналитик. Большинство американских триллеров построено на идее чрезвычайной важности подсознания в человеческой жизни. А криминалистика в США пытается предотвратить преступления, используя в том числе и методы психоанализа.

Для понимания сущности культуры XX в. важным является рассмотрение двух феноменов — модернизма и постмодернизма. Несмотря на то, что иногда под этими понятиями подразумевают течения в современном искусстве, для культурологии под этими терминами скрываются общекультурные явления, во многом определившие развитие западноевропейской и американской культуры XX в. Модернизм охватывает собой период с 1910-х до конца 1960-х гг. (по некоторым оценкам). В искусстве это явление охарактеризовалось множественностью художественных стилей и направлений, таких как фовизм (Анри Матисс), кубизм (Пабло Пикассо), экспрессионизм (Отто Дикс), конструктивизм (В.Е. Татлин), абстракционизм (Василий Кандинский, Пит Мондриан), дадаизм (Марсель Дюшан), сюрреализм (Сальвадор Дали) и мн.др.

Модернизм в своем развитии прошел две основные стадии — синтеза и деструкции. Ранний модернизм не просто развился из предшествующей культурной эпохи. Он попытался подняться над всеми культурными достижениями прошлого, осмысливая и оценивая их в рамках гигантского синтеза, в котором разнородные культурные и стилевые направления органично соединялись плавной гибкой линией. В искусстве такое направление получило название модерн, или арт-нуво. Но высший синтез, будучи в определенной степени гармонией, есть прекращение развития, губительная остановка. Поэтому модернисты сделали радикальный последний шаг — они разрушили эту гармонию. Так получились осколки «разбитого вдребезги», которые и стали всеми указанными выше направлениями в модернизме. Модернизм явился пиком всего предыдущего развития культуры — и ее упадком, началом конца культуры Нового времени.

Введем символ, объясняющий рождение модернизма, его развитие и последующий переход в состояние постмодернизма. Из всей предшествующей культуры модернизм создал ослепительно прекрасную вазу. Насладившись ее красотой, он разбил ее. Чем стали осколки, мы уже сказали. Парадокс в том, что модернисты долгое время пытались из этого неисчислимого множества снова создать вазу. Каждый осколок был по-своему интересен, но неполноценен. Каждая

ветвь модернизма пыталась превознести свой «осколок», сделать его бриллиантом. Модернизм продолжался до тех пор, пока не пришло осознание невозможности восстановить всеобщую гармонию через превознесение единичного, пока не исчезло ощущение того, что ваза когда-то была целой. Из этого трагического ощущения родился постмодернизм, то состояние духовной культуры и искусства, в котором пребывает западное человечество по настоящий день. Главной ценностью постмодернизма является «радикальная множественность», по мнению В. Вельша, немецкого исследователя проблем современной культурной ситуации, но это не синтез, а эклектичное сосуществование разнородных элементов. В мире постмодернизма происходит деиерархизация культуры, стирание границ между центром и периферией, между создателем ценностей и их потребителем. Постмодернизм пытается вернуться к ценностям домодернистской эпохи, но на новом витке, когда эти ценности уже утрачивают свои глубинные связи с ментальностью культуры, превращаясь в антисимволы и антизнаки. Новая система ценностей в рамках постмодернизма невозможна — современный человек находится в состоянии духовной аморфности. Он обзрит все, но его ничто не оформляет изнутри. Поэтому западный мир всячески укрепляет внешние формы ограничения человека. Опасность, о которой говорил еще Декарт, стала реальностью — истина релятивизировалась. В постмодернизме исчезает требование категорической новизны, такое важное в модернизме. Появляется системность, которая сочетает рациональные и нерациональные начала. Факт приравнивается к фикции, а жизнь к искусству.

В постмодернистском искусстве существуют различные направления: хеппенинг, инсталляция, инвайронмент, перформенс, видеоарт. Центральными представителями философии постмодернизма можно назвать Бодрийера, Дерриду, Делеза, Ж.-Ф. Лиотара, М. Фуко.

С социокультурной точки зрения, в современном обществе совершается переход от индустриального к постиндустриальному, или информационному, обществу, концепция которого стала популярной в 60—70-х гг. XX в. (Белл, Кан, Бжезинский, Тофлер). Эта теория выдвигалась как альтернативная марксистской теории общественно-экономических формаций. Согласно этой концепции, на определенном, достаточно высоком этапе экономического и технического развития происходит кардинальная смена системы ценностей. На смену экономическим и технотронным ценностям приходят ценности иного, информационного и научного плана. Раскрепощенный человек,

освобожденный от тяжелого физического труда, обретает подлинную свободу через материально-техническое благосостояние и сосредотачивает свое внимание на интеллектуальном самосовершенствовании. К сожалению, эта концепция оказалась утопичной. Общества относительного изобилия конца XX в., основанные на рынке конъюнктуры, на принципе спроса и предложения, так и не смогли преодолеть ограниченность рационально-экономического мышления. Технические перевороты, на которые возлагали надежды теоретики постиндустриализма, лишь обострили кризисные явления в современной цивилизации, поставив под угрозу нравственное и физическое существование человечества. Возникновение новых способов передачи и обработки информации сближает страны и народы, но еще более разъединяет отдельных людей. Происходит усиленная дегуманизация культуры — человеческая личность вытесняется за культурные рамки, что само по себе парадоксально. Возникает некая культурная форма, которая перестает быть связанной с человеческим началом. И главной причиной такого развития стал сам человек, потому что, бросившись вдогонку за цивилизацией, пытаясь овладеть материальной стороной мира, он оставил культуру, которая в большей степени консервативна. Но, не сумев догнать развитие цивилизации, человек таким образом оказался в состоянии между культурой и цивилизацией, не принадлежа в полной мере ни той, ни другой. Вероятно, именно этот смысл вложен в понятие «постмодернизм» — «постсовременность». Современностью для человека как полноценной личности может быть только культура, а для человека-машины таковой является цивилизация. Человек оказался «после» современности, на полпути от человека-личности к человеку-машине. Может быть, стоит остановиться и задуматься: куда мы движемся и к чему в итоге хотим прийти?

Центральным вопросом, определяющим развитие современной культуры, является проблема будущего. Именно эта забота привела к появлению в 1968 г. объединения, получившего название Римский клуб, в состав которого вошли ведущие ученые разных областей знания, в том числе и футурологи (исследователи будущего). Первые доклады вызвали шок: если мировая система будет развиваться в тех же формах и теми же темпами, то в недалеком будущем Землю ожидает катастрофа, не только экологическая, но и возможное свертывание культуры как таковой. Сейчас прогнозы менее пессимистичны. К примеру, было подсчитано, что при максимально качественном ис-

пользовании природных ресурсов наша планета в состоянии содержать до 36 млрд человек, но пока это остается за гранью возможностей мирового сообщества. Во всяком случае, подобные предостережения сыграли позитивную роль. Большинство развитых стран, считающих себя постиндустриальными, переходят на энергосберегающие технологии, законодательно закрепленным становится требование экологической чистоты пищевой и промышленной продукции, развивается безотходное производство и т.д. Однако это касается в первую очередь промышленно развитых государств. Другие же, стоящие на менее высоком уровне развития, не в состоянии поддерживать новые веяния. И зачастую такие страны или регионы становятся свалкой тех отходов, которые развитые государства не могут утилизировать в силу своего нового статуса — постиндустриального общества.

Для конца XX в. характерна постоянная, но безуспешная реставрация мировоззренческих систем прошлого (неогегельянство, неомарксизм, неофрейдизм, неопозитивизм, неокантианство и т.д.). Возникают многочисленные социологические и политологические доктрины, претендующие на создание универсальной системы ценностей будущего. Однако в силу своей отраслевой ограниченности лишены метода фундаментальных наук, они оказываются ущербными и потому абсолютно бесплодными в мировоззренческом плане.

Мировоззрение человечества конца XX столетия оказалось в тупике. Но это не означает завершения исторического и культурного процесса. Как показывает опыт всемирного развития, подобные ситуации всегда преодолеваются — мучительно, болезненно, но неизбежно. Каковы контуры новой эпохи? Выяснить это — задача общечеловеческая.

В целом, подводя итог культуре Нового времени, надо признать, что мы живем в ее завершающей стадии. И все современные проблемы,

кризис культуры, упадок духовности, преобладание цивилизационных моментов над собственно культурными почти точно укладываются в концепцию О. Шпенглера. Культура Нового времени умирает. Многие ученые пытаются создать оптимистические прогнозы на будущее, но в формах и смыслах современной культуры эти идеи утопичны. Если перефразировать Фридриха Ницше, можно сказать, что современная культура должна закатиться. Для рождения нового необходим уход старого, отжившего, чем на данный момент яв-

ляется культура Нового времени. И поэтому, как нам кажется, не надо бить во все колокола по поводу современного кризиса культуры: это неизбежное явление, выход из которого возможен только через полную смену одной культуры на другую. Выше мы привели определение культуры, которое дает Яков Голосовкер. Культура есть высший инстинкт человека. Мы обречены на культуру до тех пор, пока мы являемся людьми. Как Адам и Ева принесли в мир культуру, так она уйдет вместе с ними.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Парадигмы русской культуры. Парадигма (от греческого *paradeigma* — пример, образец) — это исходная концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения, методов исследования, господствующих в течение определенного исторического периода в научном сообществе.

В некоторых учебных пособиях история культуры России понимается как некое эклектическое единство множества направлений, так сказать «историй»: литературы, науки, государственности, образования и так далее. В результате этого история культуры России предстает перед нами раздробленным конгломератом, трудно сводимым в единую картину, целостный образ. Однако, по нашему мнению, первое серьезное знакомство с предметом, который является важнейшим в деле формирования гражданской позиции человека, должно быть синтетически целостным. И тогда перед нами предстанет не история русского искусства, не история российской государственности, а история культуры России. Поэтому центральной задачей нашего курса является изучение российской культуры как особого культурно-исторического типа, если мыслить в понятиях Н.Я. Данилевского, автора книги «Россия и Запад». И тогда на первый план выйдут не собственно факты российской истории, а основные типологические особенности российской культуры в аспекте ее исторического существования, и каждая культурно-историческая эпоха предстанет целостной парадигмой. Этот подход мы и попытаемся реализовать.

В истории культуры России можно выделить ряд культурно-исторических парадигм: Языческая Русь, Киевская Русь, Русь периода монголо-татарского нашествия, Московское царство, Императорская Россия, Советская Россия и Постсоветская Россия. Каждая из них обладает только ей присущими качествами, ушедшими в прошлое вместе с ней, но одновременно приносит что-то и в общую копилку российской культуры, придавая ей тем самым неповторимое своеобразие. И вполне бесспорным можно назвать утверждение, что каждый культурно-исторический этап оставил свой значительный след во всей последующей российской культуре.

3.1. Идея российского культурного самосознания

Если западноевропейское мировоззрение можно условно охарактеризовать как рационально-сциентистское (строго научное), а восточное — как иррациональное или мистическое, то Россия пыталась выработать органическое видение мира, синтезировать мистику и разум, эмоциональность и аналитичность. Это нашло свое отражение в концепции «всецелой идеи», «целостного Духа» или, по терминологии величайшего русского мыслителя Владимира Соловьева, «положительного всеединства». Выработывая собственный взгляд на человека, природу и общество, Россия постоянно полемизировала с Европой, зачастую становясь в прямую оппозицию к ней. Краеугольный камень этой полемики составила проблема рациональности. В этом смысле Россию можно причислить к тем странам, в которых, по словам выдающегося немецкого социолога Макса Вебера, «не вступили на характерный для Запада путь рационализации ни наука, ни искусство, ни государство, ни экономика...».

Для российского мировоззрения сам термин «всецелая идея» означает охват мира во всем его многообразии и неделимой полноте. Всецелая идея призвана мобилизовать все уровни человеческого сознания, синтезировать все методы освоения бытия. Западноевропейская культура пошла по пути «отвлеченных начал». Она открывала новые механизмы познания, но абсолютизировала их и тем самым дискредитировала. Начавшееся еще в эпоху Просвещения активное сотрудничество эмпиризма с рационализмом сыграло положительную роль в адекватном отношении к миру, но и этого оказалось мало. Перед западным мировоззрением встал ряд принципиально неразрешимых задач. Человеческий разум постоянно накапливал некий непознаваемый остаток, с которым упорно, но тщетно боролась логическая мысль. Этот остаток весьма значителен: он объемлет вопросы этики и эстетики, внутреннего мира человека и идеальной сущности бытия.

Из рационалистического метода выпало большинство сторон духовной жизни, и в лучшем случае, при рациональном рассмотрении, ее законы принимают крайне релятивистский вид. Немецкая классическая философия, создавая «Философию Духа», на деле не продвинулась дальше «Философии Разума». Пытаясь постичь жизнь во всем ее многообразии и неделимой полноте, западноевропейское

мировоззрение отождествило ее с отвлеченным «объектом». Как и чем восполнить недостающее звено в уже выработанной системе мировоззрения? Этот вопрос является сквозным в истории русской философской культуры. В поисках нового, «третьего» пути познания русские мыслители добились немалых результатов. В качестве такого пути были предложены интуиция и саморефлексия, богооткровение и мистика, искусство и любовь. Все эти учения — каждое неповторимое и оригинальное в своем роде — имели одну общую черту. Они допускали возможность познания мира в обход рационалистическим, логическим структурам сознания, и в дополнение к рациональным механизмам познания предлагали также и эмоционально-психологические. В этом смысле названные концепции можно назвать органистическими. При этом русские философы пытались создать мировоззренческую систему, в которой был бы отражен реальный опыт русской духовности, исторически сложившаяся специфика русского мировоззрения.

По сути дела, недостаточность и ущербность рационалистической картины мира вытекает из реальной иррациональности самого человека и окружающего его мира. При попытке рационализировать человека мышление неизбежно становится в тупик. Наличие в духе подсознательных идей Ф.М. Достоевский считает необходимым условием его силы, а перенесение их на уровень осознанного — обеднением человеческого духа: «Есть идеи невысказанные, бессознательные и только лишь сильно чувствуемые; таких идей много как бы слитых с душой человека. Есть они и в целом народе, есть и в человечестве, взятом как целое. Пока эти идеи лежат лишь бессознательно в жизни народной и только лишь сильно и верно чувствуются, — до тех пор только и может жить сильнейшею живою жизнью народ». «И в самом деле, — пишет В.В. Розанов, — категория мышления, правильно развивающихся понятий, едва ли единственная, по которой создана природа. В какие логические формулы может быть уловлено чувство радости, которое мы порою испытываем? И, однако, эти акты нашей душевной жизни суть такая же действительность, как и то, что мы видим и осязаем: они суть часть природы, которую мы хотели бы постигнуть только своим умом».

Преодолевая жесткий рационализм западной Европы, русские мыслители акцентировали внимание на религиозности и эстетичности российского сознания. При этом религиозное и эстетическое переживание понималось ими в качестве взаимосвязанного целого. Это

единство имеет своим результатом то, что эстетическое созерцание наполняется трансцендентным содержанием (находящимся за пределами обыденного опыта), искусство претендует на познание Абсолюта, мистическое слияние человека с Богом. «Искусство, поэзия есть последнее земное блаженство, последняя вера, последнее упование, последняя любовь, последняя земная религия души!» — говорил Н.И. Надеждин. Религиозная вера, в свою очередь, может составлять источник вдохновения.

Вера в мистической интерпретации приобретает эстетический характер в том смысле, что религиозное созерцание, мистический акт имеют своей сущностью творческое отношение к миру. Создание Града Небесного, прорыв в мир иной осуществляется по законам красоты и совершенства. Другими словами, любая деятельность — познавательная, созерцательная, созидаящая — есть в первую очередь деятельность творческая — искусство. Н.О. Лосский, сопоставляя религиозный и эстетический опыт с философской наукой, отмечает: «Ответ на вопрос об абсолютном добре, получаемый в религии, имеет характер истины, выраженной в конкретной форме, т.е. в форме полнокровной жизни. Такой ответ стоит выше философии, потому что она дает знание лишь в отвлеченной форме. Конкретный ответ имеет характер, присущий искусству, именно художественную форму. Благодаря своей конкретности искусство совершеннее выражает истину, чем философия. И конкретное вхождение в царство истины, даваемое христианской религиею, особенно православным культом, содержит в себе более полный ответ на вопрос, что есть истина, чем философия».

Важно еще и еще раз подчеркнуть, что для русской религиозно-идеалистической философии вера является таким созерцанием действительности, которое (как и эстетическое созерцание) обладает конкретным, творческим, живым началом. Мистическая по форме, она одновременно призвана направлять человеческий дух на познание самой жизни, действительного, а не призрачного бытия. Наконец, религиозная вера, как и искусство, есть олицетворение полноты, целостности духа.

В XIX веке «мистическая» тенденция в России обрела особую отчетливость. Это и понятно: именно в это время немецкий рационализм облекается в целостную форму, знаменуя собой господство мысли в области духа. Реакция на это была молниеносной не только в России, но и во всей Европе, включая и саму Германию. Однако ир-

рациональную тенденцию в русской культуре нельзя объяснить только протестом против немецкой «рассудочности». Хомяков — это не только русский Якоби, Одоевский — не только русский Шопенгауэр, Соловьев — не только русский Шеллинг, а Гоголь — не только русский Киркегор. Стремление к сочетанию рационального и иррационального, ума и сердца наблюдается и в литературе XVIII в., и в материалах еще более раннего периода, в сакральных источниках. Здесь нетрудно уловить это специфически мистическое начало, служащее необходимым условием адекватного мировоззрения. Иван Лопухин, основатель русского масонства, в 1780 г. (т.е. за год до написания Кантом «Критики чистого разума») публикует небольшой, но весьма показательный труд — «Рассуждения о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями, сочиненное Россиянином».

Подлинным источником русского органицизма (и мистицизма как одной из его форм), наверное, следует признать не что иное, как православие. Именно оно оказалось тем византийско-русским явлением, в котором произошло иррациональное перетолкование (а может быть, подлинное понимание?) христианства. Именно в православии мы находим интерпретацию сердца как «второго ума», как познавательной и вместе с тем надынтеллектуальной способности человека. На эту особенность православия неоднократно обращали внимание как представители славянофильства, так и философы неславянофильской ориентации.

Этой характеристикой православия специально занимался Б.П. Вышеславцев: «...Постигает, созерцает и усматривает вовсе не один только интеллект, — постижение шире, чем мышление, чем интеллектуальное познание. Сердце есть тоже орган постижения, оно постигает многое, что недоступно интеллекту, постигает «святость», красоту, ценность... Мы приходим к исходному библейскому значению сердца; сердце есть орган познания, если мы берем познание во всей широте узрения и постижения, далеко выходящего за пределы научного познания». «Чрезвычайно характерная особенность восточного христианства, — продолжает Б.П. Вышеславцев, — состоит в том, что для него ум, интеллект, разум никогда не есть последняя основа, фундамент жизни; умственное размышление о Боге не есть подлинное религиозное восприятие».

Итак, уверенность в том, что «великие мысли истекают из сердца» (К.Н. Батюшков), красной нитью проходит через целую плеяду великих имен. Взяв начало в православии, органицизм затем кристал-

лизуется в трудах славянофилов и мистиков и наконец в системе Вл. Соловьева получает наиболее полный и завершенный вид. После Вл. Соловьева иррациональная традиция будет продолжена в работах представителей русского религиозно-философского Ренессанса. С 1917 года эта тенденция продолжает свое существование в творчестве философов послеоктябрьского зарубежья, а в нашей стране — в пределах православной церкви.

К числу наиболее самобытных и одновременно актуальных идей, полностью работающих в конце второго тысячелетия, следует отнести идею о софийности мира, которая была разработана русскими религиозными философами на основе анализа духовного опыта России.

Как отмечал В.В. Зеньковский, фундамент русского мировоззрения составляет проблема соотношения двух сущностно отличных друг от друга миров — мира иного («трансцендентного», «дольнего», «ноуменального») и мира сего («человеческого», «горнего», «феноменального»). Описание двух миров осуществляется таким образом, что каждому из них предпосылается определенная самостоятельность, замкнутость. При этом «мир сей», являясь вполне реальным миром, приобретает смысл лишь благодаря «причастию» к «миру иному». Между миром небесным и миром земным существует определенная «разорванность», и в этом, по мнению русских философов, трагичность человеческого бытия. Сплетение божественной идеи с человечеством, абсолютного духа с материей не есть актуальный факт, но лишь потенциальная цель. Однако мостом между этими мирами, по мнению русских философов, может служить творчество, искусство в общечеловеческом масштабе. Как Бог творит землю, как художник творит свое произведение, так и человечество начинает сегодня творить себя.

Но почему созидательную активность человечества ряд русских философов называет именно искусством; не наукой, не политикой, а «свободной теургией», основным законом которой является Красота? Западноевропейская культура основала свое мировоззрение на законах строгой науки. Русская же культура центральным принципом мировоззрения сделала закон красоты. Почему?

Как и искусство, всякая наука имеет своей целью истину. Но средства, которые она выбирает, во многом противоположны искусству. Физика, химия, математика не интересуются ни добром, ни тем более красотой. Предмет их исследований, по преимуществу, — от-

влеченная истина. Наука, пласт за пластом, снимает с вещей духовные наслоения, считая их чем-то субъективным, искусственно привнесенным, не выражающим подлинной сути вещей. На этом пути наука прекрасно справляется со своей основной функцией: она решает утилитарные задачи человечества, помогает людям удовлетворять свои практические нужды. Однако ее притязания на раскрытие истины мироздания, на выявление сущности мира — беспочвенны, ибо не в формулах и уравнениях, не в химических реакциях и биологических структурах заложен смысл всего сущего. Наука может изучить человека до его молекулярного состава, просчитать все происходящие в нем процессы, но она никогда не ответит на вопрос: что же такое человек. Наука легко покажет вам, какова форма той или иной симфонии, произведет гармонический анализ, но никогда не скажет, что есть музыка, и не найдет в ней красоты. Наука может проанализировать ваш поступок, составить перечень возможных последствий, согласовать его с уголовным кодексом или официальной моралью, но она бессильна однозначно ответить, добр он или зол, нравственен он или нет. При ответе на эти вопросы наука советует руководствоваться прагматическими соображениями. Но это не ответ, а бегство от ответа.

Наука пытается найти смысл бытия во внедуховной сфере, забывая о том, что все на земле пронизано идеей. Она жаждет объективной истины и под этим предлогом отменяет от себя все человеческое как субъективное, все идеальное как несущественное, игнорируя тот факт, что ее истина — фикция вне человека, вне человеческого духа.

Но, пожалуй, самое трагическое противоречие точных наук (а также последовательного материализма и прагматизма) заключается в том, что их цели диаметрально расходятся с получаемыми ими результатами. Стремясь предельно объективировать мир и разгадать его тайны, анализируя чистые объекты, наука на деле, как и искусство, дает лишь новую интерпретацию сущего. Периодическая таблица Менделеева ничуть не меньше одухотворяет, «субъективирует» материю, чем «Давид» Микеланджело. А теорема Пифагора вне духовного бытия имеет не более смысла, чем «Литургия» Чайковского. В отличие от науки, религия и искусство открыто заявляют о своей приверженности духовности и не пытаются получить истину, отчужденную от духа, а значит и от этических и эстетических ценностей.

Идея о сближении понятий объективного и духовного, о возможности увидеть смысл бытия в его эстетическом облике, наконец, идея о человеческом духе как смыслообразующем элементе мироздания пронизывают всю софиологию русских мыслителей.

София представляет собой посредницу между Богом и человеком, между идеальным и реальным миром. София — это то почти неуловимое нечто, благодаря которому тварному миру присущ высший смысл. Несмотря на обилие характеристик и определений Софии в философской литературе, это понятие имеет вполне однозначное и конкретное значение. София — это психика «всецелой твари». С точки зрения теологии, она рождается в результате божественного творческого акта. Создавая мир, Бог ниспослал ему свою премудрость, снабдив его таким образом духовной сущностью. С точки зрения философии, София представляет собой идеальное бытие человечества, идеальное единство духа и материи, общечеловеческое осознание бытия. Выражение «со-фийность мира» означает, что миру присущ высший смысл, он причастен к сверхбытию.

Князь С. Трубецкой фактически выводит понятие Софии из соборности в понимании Хомякова. Для Трубецкого София представляет собой не что иное, как соборное сознание, причем этому сознанию оказывается присуща способность не только мышления, но и чувственного восприятия, «общеорганического чувствования». Софию можно назвать определенным образом духовно организованное бытие, причем эта духовная организация мира осуществляется творческим дерзновением, прорывом сквозь тяжесть земного, падшего бытия. Именно в творческом акте, по словам Н. Бердяева, «человек выходит из «мира сего» и переходит в мир иной. В творческом акте не устраивается «мир сей», а создается мир иной, подлинный космос». Наконец, поскольку София — это духовная организация материи, постольку ее главной характеристикой становится характеристика эстетическая. «София есть Красота...» (отец Павел Флоренский).

Получив обобщенную характеристику Софии, постараемся теперь спроецировать основные тезисы этого учения на современное состояние цивилизации.

Закономерный ход истории привел человечество к качественно новому состоянию. Интенсивное развитие науки, искусства, научно-технического прогресса, культуры в целом позволяют говорить о человечестве как о цельном и взаимосвязанном организме. Единство нашей планеты практически охватывает все виды возможных связей

между ее частями. Мы наблюдаем взаимозависимость экономических процессов, что позволяет говорить об общемировой экономике. Мы видим, как экологические изменения в одной части Земли нарушают экологический баланс в другой. Сфера политической деятельности государств перестала быть привилегией отдельных лидеров. Любое, казалось бы, частное действие влечет за собой преобразования в глобальных масштабах. Словом, на данном этапе исторического развития мы становимся свидетелями становления мира как неделимого целого.

Перечень процессов и связей, приобретающих всеобщий статус, был бы неполным и по сути бессмысленным, если бы мы не выделили духовный аспект общемирового единства. Духовное единство человечества должно быть понято не как всеобщая солидарность или согласие людей по всем вопросам, не как процесс стандартизации, стирающий индивидуальное начало. В нашем случае лишь необходимо зафиксировать тот факт, что духовный потенциал человечества представляет собою единую и цельную сферу. Понятия «общественного сознания», «общественного мнения», «общественной психологии» приобретают все более и более конкретный вид, становятся вполне ощутимой силой, с которой нельзя не считаться. Человечество породило ту духовную атмосферу, которая уже сама начинает корректировать наши представления о мире.

Сознание создало мир духовных ценностей. Для человека все одухотворено. Мысль внедрена во всю структуру материального мира. Для человека всеобщая пронизанность мира духовным началом уже не является чем-то субъективно данным, некой искусственной характеристикой. Для него это безусловная реальность, часть бытия как такового, устойчивый и вполне сформировавшийся мир. Сознание, возникнув раз, породило закономерную связь между человеком и природой, и в итоге неустанной работы мысли вплетение духа в сеть материи оказалось столь глубоко и органично, что объективный мир сегодня предстал перед человеком в качестве одухотворенного мироздания.

Эта связь между человеком и природой выступает в форме мысли, духовной жизни. Причем мы констатируем, что мысль всегда наполнена материальным содержанием и невозможна без него, равно как и природа, любое материальное образование, сталкиваясь с человеком, одухотворяется его мыслью. Именно из этого взаимодействия духа и материи возникают такие понятия, как истина, красота, добро

и т.д., понятия, бессмысленные вне человеческого сознания. Но одновременно эти понятия являются именно тем, на что человечество направляет свое познание, и не только познание, но и активное действие. Таким образом, человек, создавая культуру, создает себя и в то же время — объект своего познания. В этом смысле история человечества представляет собой историю самотворчества и историю познания этого самотворчества.

Возникающий в результате общечеловеческого творчества одухотворенный мир не может быть понят только рациональными средствами уже потому, что такое познание не исчерпывает всей содержательности творческого акта и не вскрывает существа действительности как всепронизывающей духовности.

Учение о Софии, конечно, не исчерпывает всего богатства русского религиозно-философского мировоззрения. Но в то же время софиология в концентрированном виде воссоздает многие специфические моменты национального российского мышления XIX — начала XX вв. Это мышление, в котором так нуждается сегодня человечество, имеет в своей основе не только собственно религиозное, но и эстетическое восприятие мира. Отношение к миру как к великому произведению искусства заставляет каждого человека и человечество в целом принять на себя всю полноту ответственности за его созидание. И хотя факт конструирования действительности, безусловно, присутствует сегодня (как, впрочем, присутствовал он и вчера, и сто, и тысячу лет назад), необходимо признать, что он почти ничего общего не имеет с подлинным творчеством, а является скорее уклонением от него.

Как существо духовное, человек стремится осмыслить окружающий его предметный мир. Даже тогда, когда действия человека внешне не носят активного характера, а исчерпываются лишь созерцанием, его сознание опосредует бытие, одухотворяет его. Мысль, даже будучи не воплощенной в реальном результате, всегда продуктивна. Она имеет определенную самоценность в качестве приращения духовного бытия. И в этом смысле можно сказать, что человек обречен на творчество, на постоянное созидание иного. Он обречен строить феноменальную модель мироздания, основываясь при этом в какой-то степени и на общественном опыте, и на выработанной человечеством картине мира, имеющей общезначимый смысл. Но духовное и тем более материальное приращение бытия, в зависимости от мотивов, средств и целей его реализации, может иметь самый разный

характер. И употребление термина «творчество» в отношении современного проектирования, конструирования, организации нашей жизни представляется не вполне правомерным.

Даже в решении глобальных вопросов человечество руководствуется лишь узко прагматическими, рационалистическими методами. Снисходительное отношение к природе обусловлено дискомфортным состоянием человека; лишь страх за собственное физическое самочувствие заставляет его отказаться от тактики вседозволенности. В вопросах войны и мира человечество, казалось бы, отходит от порочной политики силы, начинает осознавать целостность мира, формируется органический взгляд на бытие. Но что за этим стоит? Какая ценностная установка лежит в основе нового мышления? В первую очередь это инстинкт самосохранения, подкрепленный убедительными расчетами о неэффективности мировой войны. В области социального строительства опять-таки прослеживается все та же рационально-прагматическая тенденция. Это либо путь достижения наивысшего экономического эффекта, либо созидание общества по раз и навсегда заданной схеме некой «правильной теории». Очевидно, что и в том, и в другом случае доминирует отнюдь не творческое отношение к бытию, а тактика рационалистического просчета, «компьютерные» методы организации мира. Причем даже в решении глобальных проблем человек практически не проявляет себя как духовное существо. Показательно, что постулируемая сегодня необходимость «примата общечеловеческих ценностей» была логически выведена не из нравственных, эстетических или каких-либо других потребностей духовного плана, а из угрозы физической гибели человечества.

Софийный взгляд на мир как на становящееся произведение искусства предлагает человеку принципиально иную ценностную основу. Будучи художником, творческие потенции которого неограниченны, человек обязан мобилизовать всю полноту своего духа. В творческом акте на первый план выступают нерациональные способы освоения и познания действительности, наличие которых единственно может служить гарантом целостного видения мира. Софийное миропонимание трудно описать в субъектно-объектных категориях, ведь человечество представлено здесь одновременно и в качестве субъекта, и в качестве объекта творчества. Поэтому в софиологии сама возможность паразитирования, эгоистической заинтересованности в том или ином событии выглядит как теоретически необоснованная. При

этом понятия Софии, богочеловечества, всеединства имеют мало общего с пантеистической философией, с присущей ее нивелировкой индивидуального во имя всеобщего. Целостность идеального состояния человечества предусматривает полную свободу его составных частей, подобно тому, как единство прекрасного ожерелья обуславливается неповторимым блеском каждого его бриллианта.

3.2. Культура древних славян и языческой Руси. Киевская Русь

Одним из центральных в этом разделе является вопрос «Откуда есть пошла Русская земля?». Знания о том, что мы индоевропейцы, явно недостаточно для ответа. Однако в этом отношении существует версия, основанная на некоторых результатах археологических изысканий. Ее суть в том, что индоевропейцы имели своей прародиной районы современной России и Украины, именно оттуда начав свое движение на запад, юг и юго-восток. Российский археолог Шилов занимался раскопками курганов по берегам Днепра, относящихся к IV—II тыс. до н.э. Многие предметы в курганах несли на себе следы индийской семантики, которые в самой Индии появились лишь к началу II тыс. до н.э. Исследователь Кифишин обнаружил под Киевом в древних раскопках надписи, выполненные шумерским письмом. Примечательно, однако, что надписи были выполнены не клинописью, более поздней, а рисунчатым письмом, являющимся более ранней версией шумерской письменности. Конечно, шумеры покинули эти места еще раньше, около VIII тыс. до н.э., но обнаруженные факты свидетельствуют о том, что первоначально они проживали в указанных районах.

Точки зрения на время обособления славян из общей массы индоевропейцев различны, но с определенной точностью можно сказать, что уже в I тыс. до н.э. существовали так называемые протославянские племена. Сам термин «славяне», вероятно, этимологически восходит к понятиям «человек», «люди», «говорящие». Миграционные процессы сталкивали славян с неславянскими народами, такими как даки, фракийцы, тюрки, балты, финно-угры и др., что вызывало определенную ассимиляцию последних и их вхождение в орбиту жизнедеятельности славян.

Античные авторы I—II вв. и некоторые византийские источники VI—VII вв. упоминают славян под разными именами: либо обобщенно — венетами, либо выделяя среди них антов и склавинов. Вероятно, это не были самоназвания, и, возможно, произошло простое перенесение названий близких к Риму и Византии соседей действительно славянских племен. Во всяком случае, в первые века нашей эры уже существовало множество славянских племен (кривичи, словене, дреговичи, северяне, поляне, древляне и др.), которые после Ве-

ликого переселения V—VII вв. заняли обширные территории от современного Русского Севера и Балтийского моря до Средиземноморья и от Волги до Эльбы.

Неоднозначно решается вопрос и о происхождении слова «Русь». Существуют различные версии, из которых нам наиболее заслуживающими внимания представляются две, предложенные проф. В.А. Чудиновым, исследователем древней славянской культуры и письменности. Согласно первой, слово «Русь», «Рось» семантически восходит к словам «страна», «местность», тем самым обозначая собственно регион проживания славянских племен. Есть факты, свидетельствующие о том, что предки современных южных и западных славян (когда-то они жили на территории нынешней Польши, Болгарии, Македонии, Сербии, даже Албании и части Греции) именовали свою землю «Волева Русь», т.е. «Вольная» или «Свободная Русь», так что прежде Русью называлось довольно обширное славянское пространство. Позже каждое из славянских государств последовательно отказывалось от этого названия, становясь «Жечью Посполитой», «Българияей» или «Србиейей», и только нынешняя Россия удержала за собой это название.

Русь не «свободная» и не «белая», а просто Русь, как была Русью, так ею и осталась. И в этой стойкости можно усмотреть сохранение не только названия страны, но и удержание национального стереотипа культуры с общеславянского периода. Таким образом, по культуре современная Россия — самая русская из всех многочисленных славянских «Русей».

Другая версия обнаруживает этимологическую близость между словами «Русь», «Рось» и росток, отросток, что связывается с древнейшим расселением индоевропейских племен и их движением с северо-востока на запад, юг, юго-восток. Таким образом, «Русь» — это некое направление движения, отросток от общего корня.

Языческая мифология и религиозные обряды являются важной составляющей представления о духовной жизни наших предков, славянских племен, проживавших на территории нынешней России. У древних славян были сильны остатки анимизма, т.е. вера в духов и через это одухотворение природы и природных сил. Они поклонялись озерам, рекам, рощам; верили, что леса населены различными существами, отличными от людей. В давние времена сложилась вера в «упырей», духов

Зла, и «берегынь», духов Добра. Позднее праславяне стали поклоняться Роду, его помощниками были Ярило и Купала, и Рожаницам Ладе и Леле, культ которых был напрямую связан с земледелием и всем, от чего зависит плодородие земли. В эпоху формирования государственных образований на землях славян начинает складываться собственно языческий пантеон, куда в разное время входили такие божества, как Сварог (бог неба), он же Стрибог, Велес (покровитель скота и скотоводов, а также богатства, торговли), Перун (бог грома и молний, позднее — покровитель воинов и ратных дел), Даждьбог (бог света), богиня плодородия и покровительница женщин Мокошь и др. «Природность» славянского язычества проявилась особенно в том, что среди жреческих, военных и хозяйственно-природных божеств особенно преобладали последние.

Долгое время существовало представление о дохристианской Руси как о периоде отсталом в цивилизационном отношении, и только принятие христианства осветило эту темную культуру и позволило Руси полноправно войти в семью европейских народов. Это, скорее, соответствует церковному тезису «язычество — тьма, христианство — свет», но совершенно не соответствует историческим реалиям. В действительности задолго до принятия веры в Иисуса Христа Киевская Русь обладала высокой, самобытной культурой.

Вопрос об изначальной роли Киева спорен. Согласно некоторым исследованиям, вероятно, первым центром русской государственности явился Новгород, уже имевший за плечами несколько веков истории к тому моменту, когда появилась Киевская Русь, долгое время считавшаяся колыбелью славяно-русской культуры. Даже первое упоминание о Новгороде официально относится к 859 г., что на три года раньше того времени, которое легендарное предание отводит Киеву. И начало знаменитой Новгородской летописи, особенно ее старшего извода, некоторые ученые относят к более ранним временам, чем Повесть временных лет. Превознесение же Киева в качестве первого центрального города восточных славян связано с летописцем Нестором, поставившим киевскую культуру выше прочих, верой и правдой служа своему князю. К сожалению, нет достаточных сведений, позволивших бы восстановить культуру Древнего Новгорода с такой же точностью, как культуру Киевской Руси, поэтому мы пойдем по традиционному пути и обратимся к городу на Днепре.

Как свидетельствует Повесть временных лет, датой основания Киева и началом отсчета времени Киевской Руси следует считать 862

г., хотя в действительности крупное поселение на месте Киева существовало уже в V в. Тем не менее в качестве государственного образования Киевская Русь действительно ведет свою историю с IX в., и более ста лет Киев просуществовал как языческая держава. Возникшие города (к концу IX в. их было не менее 25), дворы князей разных рангов, а тем более самого киевского великого князя уже достигли уровня культуры, совместимого с западноевропейским. Русская военная знать проложила магистральные пути и на юг в Византию, и на запад в германские земли. Киевская Русь располагалась на так называемом пути «из варяг в греки». Знали здесь дороги и в сказочные страны Востока. О русах знали далеко за пределами киевских земель. Художественные изделия из драгоценных металлов, выполненные древнерусскими мастерами, славились по всей Европе.

Язычество превратилось в государственную религию, что отразилось в создании жреческого сословия: волхвов, чародеев, кощунников, они разработали точный календарь и умели неплохо предсказывать погоду. Именно жрецы принимали важное участие в разработке мифологии. Многие дошедшие до нас волшебные сказки созданы ими. А сказки о Кощее Бессмертном и Анастасии Прекрасной восходят к еще более ранним индоевропейским мифам и близки к древнегреческому мифу об Аиде и Персефоне. Именно в ту эпоху складывается былинный эпос.

Важнейшим является вопрос о письменности у древних славян. Считается, что славянскую письменность создали просветители Кирилл и Мефодий, составившие для восточных славян кириллическую азбуку. Но исследования последних лет утверждают, что наши предки к этому моменту уже владели письменностью, в качестве которой выступало так называемое слоговое письмо, возникшее еще в древнейшие времена, а модификацией, приспособлением его к новым, меняющимся условиям выступила глаголица. И в этом смысле глаголица несравненно более древняя система письменности, чем кириллица. Однако развитие христианства и перевод религиозных текстов на славянские языки через посредство кирилловского письма именно кириллицу сделало основной письменной системой.

Несмотря на свои древнейшие корни, Новгород, другой центр Древней Руси, по своей значимости в ту эпоху не идет ни в какое сравнение с Киевом. Можно сказать, что Новгород как бы передал культурную эстафету своему младшему брату — Киеву. Однако именно с Новгородом связано предание о приглашении на княжение

варягов — Рюрика и его братьев. Отсюда идет варяжская теория происхождения российской государственности, долгое время бывшая популярной, особенно льстившая немцам. Но дело в том, что подобный элемент политического механизма — приглашение для управления чужака, человека нейтрального, не связанного финансовыми и родственными отношениями с местной знатью, довольно широко использовался в средневековой Европе. Этот человек становился своеобразным главой администрации, не более того. В Древней домонгольской Руси был довольно распространен этот прием. Поэтому ничего экзотического, а тем более основополагающего в приглашении варягов на княжение нет. К тому же существуют определенные факты, свидетельствующие о том, что Рюрик и его братья имели славянские корни, хотя и проживали вдали от родины.

Тем не менее, несмотря на достаточно высокий уровень культурного, политического и экономического развития, Русь приняла христианство. Классическая версия утверждает, что язычество не позволяло Древней Руси чувствовать себя полноправным партнером евроазиатского культурного и торгово-экономического процесса. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Существуют вполне достоверные сведения, что уже во второй половине IX в. некоторая часть русской знати приняла христианство при посредстве греческих и болгарских священников. А в самом Киеве даже была построена христианская церковь Святого Ильи. Известен также факт о тайном крещении княгини Ольги примерно в 946 г. (по другим источникам — в 955 г.). Таким образом, можно сказать, что определенная христианская традиция уже существовала. Тем не менее Святослав, сын Ольги, и слышать ничего не хотел о новых веяниях, а уже при его сыне, князе Владимире, том самом, который впоследствии крестил Русь, в 980 г. шестерка языческих богов возводится в ранг главных для всего Киевского княжества: Перун, Хорс, Дажьбог, Стрибог, Симаргл и Мокошь. Казалось, что язычество взяло реванш за временные колебания киевской правящей элиты. Но уже через восемь лет Владимир насильно окрестил подвластные ему славянские племена, превратившись из «князя Солнца» в «равноапостольного». Что же произошло?

Возможно несколько объяснений. С одной стороны, политеизм (многобожие) на Руси всегда внутренне тяготел к монотеизму (единобожию), тогда как историческая ситуация X в. сложилась таким образом, что многие государства, граничившие с Русью, уже приняли

ту или иную форму монотеистической религии — христианство, иудаизм, ислам. Представители этих религиозных конфессий постоянно призывали князей примкнуть к одной из вер, предлагая в этом случае союз близких по духу государств. Да и сами хотели поиметь выгоду, поскольку Киевская Русь была завидным партнером. С другой стороны, внутренние распри в самой языческой религии постепенно обостряли отношения между различными племенными образованиями, кульминацией чего является создание единого языческого пантеона князем Владимиром Святославичем, о чем уже упоминалось выше. Существует также версия, что Владимир сознательно создал некий «искусственный» языческий пантеон как концентрированный образ «старой» Руси, чтобы психологически подготовиться к восприятию «новой» христианской Руси. Несомненно и то обстоятельство, что к русичам-язычникам относились с известной осторожностью в западных и восточных странах, что затрудняло обширные деловые и культурные контакты. Существует версия о том, что выбор собственно монотеистической религии во многом связан с ощущением духовной ограниченности язычества в умах наиболее понимающих и чувствующих проводников этой реформы. Во всяком случае, послы, которые по указанию Владимира посетили Константинополь, передавали на родину, что, находясь в храме Святой Софии на богослужении, не могли понять: на земле они или на небе. В итоге результатом этих и многих других факторов явилось крещение Руси в 988 г. Согласно сообщению летописца Нестора в Повести временных лет, Владимир отверг ислам и иудаизм, что, возможно, связано с неприемлемой для русичей обрядовостью или с трудностями в их соблюдении. Вероятны и сложности собственно языкового общения, тогда как византийское православие серьезно озаботилось этой проблемой, создав на греческой основе славянское письмо — кириллицу, что значительно облегчило духовное общение. Из Болгарии, где новая письменность получила рождение, она быстро распространилась в Киевской Руси, неся с собой неисчислимы духовные ценности и прежде всего основы христианского вероучения.

В духовном отношении крещение Руси стало высшей санкцией нового мировоззрения, основным постулатом которого является личностное понимание абсолюта. Понимание абсолютного начала как личного, самого в себе сущего бытия выражается в личностной структуре Троицы, а также в личностном единстве божественной и человеческой природы Иисуса Христа. Боговоплощение, в свою оче-

редь, предполагает через обожение абсолютную ценность человеческой личности. Тогда как языческие божества в силу своей множественности и невычлененности из природной стихии не представляют ничего личностного. Их кажущаяся персонификация чисто внешняя, природная, но не духовная. В язычестве весь мир подчинен закономерностям разумного Космоса, поэтому человеческое воление не имеет свободы выбора. И в этом важная черта языческого сознания, результатом которого является абсолютное спокойствие духа, эпическая атараксия. Жизнь — это сцена, на которую откуда-то приходят и куда-то уходят люди. Соответственно этому формировались и моральные нормы, среди которых главенствовали отсутствие высшей цели стремлений и свободный от божественных и внутренних ограничений произвол. Христианство же освобождало человека от механической и необходимой включенности в природу-Космос и тут же включало его в иную систему — в положение ответственности перед Богом за свое нравственное самоопределение. Человек наделялся свободой воли, что открывало дорогу для личностного поведения и вместе с тем для личного спасения.

Особняком стоит вопрос о процессе взаимодействия христианства и язычества на этапе становления новой культуры. Здесь четко поляризуются две точки зрения. Одна придерживается версии о первоначальном синкретизме (нерасчлененности) вероисповедания. В качестве доказательства, к примеру, приводят долгое время сохранявшуюся веру в леших, водяных, бесов, которые стали подручными Дьявола; и то, что под покровом новых обрядов продолжало жить во многом прежнее мифологическое мировоззрение, а многие прежние божества заняли места святых. Другая точка зрения совершенно отрицает подобное двоеверие, полагая, что происходил закономерный процесс смены одной религии другой. Но в любом случае Киевская Русь уже через сто лет после принятия христианства стала одной из самых передовых европейских государств. Причем ориентация в выборе религии на Византию никоим образом не повредила самостоятельности Киевского княжества. Этому служил и взгляд на Крещение Руси как на обновление христианства.

Культура Киевской Руси разительно изменялась. За короткий срок был освоен значительный культурный пласт прошлого опыта, наработанного европейской и особенно византийской культурами. Строились храмы, распространялась грамотность, ввелось летописа-

ние, расширялись культурные и торгово-экономические связи. Дочь Ярослава Мудрого стала королевой Франции.

Важной заботой Ярослава Мудрого, сына Владимира Крестителя, становится создание собственной интеллигенции: ученых, писателей, философов, которые помогли бы сформировать новые идеологические основы Киевского государства. К тому же именно при Ярославе возникает институт русского монашества, начинают строиться монастыри. После смерти митрополита-грека князь самостоятельно, без ведома византийского патриарха возводит на митрополичий престол русского священника Илариона, будущего автора прекрасного образчика древнерусской литературы «Слова о Законе и Благодати». В целом деятельность церкви и ее служителей играла огромную роль во всей истории и культуре Древней Руси. Вспомним, к примеру, что одним из организаторов победы на поле Куликовом является преподобный Сергей Радонежский, а о святом Стефании Пермском говорят как о просветителе многих сибирских племен. На Руси образ святого считался духовным личностным образцом, идеалом бытия человека.

Особое место в формировании культуры Древней Руси занимает литература, выступавшая как форма общественного самосознания. Независимо от сюжетной канвы древнерусское литературное произведение представляло мир в его целостности, и человека — автора и читателя — не покидало чувство значительности происходящего, важности всего временного, непреходящей ценности человеческого бытия. Человек ощущал себя ничтожной частицей и одновременно участником мировой истории. Поэтому любая историко-политическая перемена вызывала необходимость переписывания «всей истории» заново.

Кроме «долговременной» литературы (летописи, жития святых), существовала и публицистика, отзывавшаяся на самые злободневные проблемы. Примером тому служит знаменитое «Слово о полку Игореве», очень прозрачно намекавшее князьям о тех бедах, которые принесет рознь, и призывавшее к объединению русских земель для отпора общему врагу — монголо-татарам.

К сожалению, ни религиозное единство, ни призывы к объединению, ни высочайший уровень культуры не смогли сохранить целостность древнерусского государства, что в конечном итоге привело к 250-летнему монголо-татарскому господству (1243—1480).

Проблема монголо-татарского нашествия. До сих пор не существует единого взгляда на значение этого события для истории Рос-

сии. Официальная версия гласит, что монголо-татарское завоевание стало резким тормозом в столь успешном развитии всего древнерусского государства как в культурном, так и в политическом, и в экономическом отношениях. Но наука не была бы наукой, если бы не выдвигала иные точки зрения, тем более что материалов по истории культуры Древней Руси, не исследованных в достаточной степени до сих пор или сознательно замалчивавшихся в угоду официальным трактовкам, достаточно много. Согласно версии Л.Н. Гумилева, видного ученого-этнографа, создателя этническо-пассионарной концепции развития человечества, существует много вопросов и неясностей, касающихся самого процесса завоевания Руси монголо-татарами, ибо захватчики действовали слишком необычно для своей роли. Несмотря на иго, Русь не стала частью Орды, ни один хан не был направлен для управления захваченными территориями, монголо-татары никоим образом не стремились насаждать свою культуру в покоренной Руси и не подавляли ее культуру. По большому счету, они требовали от русских только ежегодной выплаты определенной дани. Когда говорят о разрушенных городах на территории Руси и приводят в пример Рязань, действительно сожженную дотла, почему-то забывают, что данная репрессия была актом возмездия за предательское убийство монголо-татарских послов. И по всем законам тогдашнего времени город должен быть наказан. В общем и целом даже из поверхностного анализа процессов, связанных с монголо-татарским нашествием, проглядывает версия, что определенная завеса умолчаний над этой эпохой преследует иные, не совсем объективные цели. Ведь тогда любые неудачи, ошибки, просчеты можно скрыть за идеей о чрезвычайно разрушительных последствиях монголо-татарского ига для всей культуры Древней Руси.

3.3. Культура Московской Руси

Продолжая мысль о монголо-татарском иге, тем не менее признаем объективность того факта, что развитие древнерусской культуры в ту эпоху действительно было заторможено, причиной чего, однако, было не только нашествие с Востока, но и феодальная раздробленность, о которой говорят лишь в связи с тем, что именно она позволила кочевникам поработить Русь. Ярким доказательством этого могут послужить кадры из фильма Андрея Тарковского «Андрей Рублев», когда по приказу некоего русского князя у всех мастеров, которые расписали для него храм, были выколоты глаза лишь по той причине, чтобы они более никакому другому князю такой красоты не сотворили. Таким образом, все последовавшее за нашествием столетие явилось периодом упадка и застоя. Лишь с середины XIV в. русская культура начинает постепенно поднимать голову. Вместе с этим происходит изменение регионов культурной активности, которые смещаются на северо-восток. Известно, что единственной русской областью, куда не дошли монголо-татары, стал Новгород и его земли. В самые тяжелые времена он, как мог, исполнял роль последнего свободного оплота древнерусской культуры, но самое примечательное, что когда завоеватели стали ослабевать, Новгород не сумел превратиться в действительный центр возрождения земли Русской, постепенно утрачивая свое оппозиционное значение.

Таким центром стала Москва, которая, несмотря на тяжелые взаимоотношения с монголо-татарами и с соседями, смогла собрать под своей эгидой достаточно земель, чтобы уже к XIV в. сделаться крупнейшим княжеством северо-восточной Руси, в XV в. закончить объединение русских земель, а к XVI в. превратиться в классическое средневековое государство с царем на престоле, объединявшее не только славянские народы, но и многие восточно-азиатские народности. Эти процессы вполне сопоставимы по времени с государственным оформлением Англии и Франции. Формирование мощного национального государства происходит по тем же сюжетам, что и на Западе.

Москва всеми правдами и неправдами, чаще неправдами, создает свои глобальные интересы, подавляет восстания. Московский князь Иван Калита добился у монголо-татарского хана разрешения на сбор податей с подвластных тому земель. В общем, как это ни ужас-

но, но Москва осуществляла свою историческую функцию. Будучи составленной из множества народов, Московское царство не знало национальной проблемы, более важными становились конфессиональные вопросы, потому что в первую очередь Москва была христианским государством. Она имела активнейшие контакты с Западом, с которым ее связывали и некоторые династические узы. С этого момента мы можем говорить уже не об истории русской культуры, но об истории культуры России.

Однако эпоха XV—XVI вв. в целом по Европе имеет свои особенности. Как мы помним, это период активного становления культуры Нового времени. И в Москве хорошо осознали, что прямое восприятие идеалов Нового времени чревато растворением в общей массе, утратой собственной аутентичности, в результате чего Московское государство вполне может оказаться политической и экономической провинцией Европы. И тогда уже Россия вошла в число государств, выбравших консервацию. Среди них в эту же эпоху оказались Испания, Италия, южные княжества Германии, правда, там процессы консервации систем ценностей были связаны с Контрреформацией. Контакты России и Запада продолжались, но возникла довольно жесткая мембрана, отсекавшая все чужеродное. Так Россия по собственной воле оказалась на обочине европейской истории, но с обостренным ощущением своей особенности. На этом-то изломе и возникает концепция «Москва — Третий Рим», высказанная в письмах монаха Филофея московскому царю Василию III.

Идеология «Москва — Третий Рим» имела очень серьезную основу. Критики данной теории забывают, что она возникла в определенной ситуации, когда Москва вполне реально могла претендовать на роль «Третьего Рима»: «Первый Рим» (собственно Рим) пал, «Второй Рим» (Константинополь), бывший оплотом православия, захвачен в 1453 г. турками. И Россия осталась единственным большим христианским государством (католичество считалось почти ересью), единственной опорой православия. Поэтому иного самосознания и быть не могло.

Но идея «Москва — Третий Рим» по своей природе двойственна. Ориентация на Константинополь как «Второй Рим» связывала Москву с высшими духовно-религиозными ценностями, делая их основой государственной мощи России. Именно в этом пункте подразумевается изоляция от иных, еретических религий. Однако образ «Первого Рима» подчеркивал скорее имперскую сущность, что не-

сколько затемняло собственно религиозный аспект. И государственность начинает превалировать над религией, что ярко проявилось уже во времена Ивана Грозного. Но в любом случае в теории «Москва — Третий Рим» сливались две тенденции — религиозная и политическая. Существенно и то, что падение Константинополя почти совпадает с полным завершением монголо-татарского господства на Руси (1480), что в России прямо истолковывается как перемещение центра мировой святости: в Константинополе победа мусульман над православными, а в России, наоборот, православных над мусульманами.

Появление концепции «Москва — Третий Рим» совпало по времени, как мы уже сказали, с формированием Московского национального абсолютистского государства, поэтому данная теория была сразу же положена в основу создающейся идеологии. Уже Иван III четко осознавал великую историческую миссию России: соединить государственность с единственно верной религией. Этот идеологический комплекс начинает активно работать, внедряется в коллективное сознание, и более никогда не исчезает из российской истории и российской культуры, существуя, хотя и в очень измененных формах, по сей день.

Особой составляющей культуры эпохи Московского царства явились религиозные антагонизмы. Россия всегда славилась своей религиозностью, и для православного человека защита веры становилась делом всей жизни. Именно на рубеже XV—XVI вв. было положено начало тем спорам о духе и букве православия, которые впоследствии привели к расколу середины XVII в. В ту эпоху существовало три основных направления богословско-философской мысли: официальное традиционное православие, исихазм и разные формы ереси. Если традиционное православие вполне резонно вызывало критику своей закостеневшей церковной жизни, то два других направления находились на подъеме и имели многих приверженцев не только среди духовенства, но и в общей народной массе.

В России последователями исихазма в различных формах стали такие известные деятели церкви, как Сергей Радонежский и Нил Сорский. Без знания теории исихазма невозможно понять искусство Феофана Грека. В скрытых формах исихазм оказывал сильнейшее воздействие на русскую духовную мистику вплоть до XX в., выступая некоторой антитезой традиционным церковным учениям.

Другой стороной религиозной жизни стали ереси и борьба с ними. Появление ересей есть общеевропейский процесс. Его основы в

России и на Западе значительно близки, ибо связаны с требованием рационализации церкви. В 70-х годах XIV в. среди горожан и низшего духовенства развилась ересь стригольников, критиковавших догматическую сторону официального религиозного учения, выступавших за дешевизну церкви и требовавших предоставления мирянам права проповеди. Перед нами русский вариант альбигойской ереси, расцветшей на юге Франции в XII—XIII вв. В начале XV в. стригольники были подавлены, но отголоски их требований вспыхнули с новой силой в конце XV в. в ереси «жидовствующих», причем она была поддержана Иваном III, ибо сторонники этого движения отрицали монашество и церковное землевладение, что было на руку правящей верхушке, желавшей ослабления церковной власти и усиления роли государства. Несмотря на поддержку власти, эта ересь была осуждена церковью. Но появление новых еретических учений было уже не остановить. Нил Сорский и Вассиан Косой развили идею «нестяжательства», проповедуя аскетизм, требуя отказа церкви от земельной собственности. Против них выступили высшие церковники, возглавляемые Иосифом Волоцким (отсюда их название «иосифляне», или «осифляне»). Добившись союза с верховной властью, «иосифляне» взяли верх над «нестяжателями», попутно ужесточив и практику церковной жизни.

Однако события развивались стремительно, и в 1653 г. тогдашний патриарх Никон объявил об исправлении церковных книг и обрядов по новогреческому образцу, что привело к расколу и возникновению старообрядческой церкви, первым идеологом которой стал протопоп Аввакум.

Особенной чертой российской культуры является ее принципиальная полярность, дуализм, когда основные культурные ценности четко поляризуются, не оставляя некой нейтральной зоны, как это происходит на Западе. Если католичество всю пользу находило в идее чистилища, переходного пространства от ада к раю, то православие его совершенно не признавало: человек мог быть либо грешником, либо святым. В связи с этим всякие новые веяния в российской культуре осознавались не как модернизация или продолжение прежнего, а как радикальная, даже эсхатологическая смена всех основ. Однако «новое» мыслило себя только в полном дистанцировании от «старого», что в результате приводило к обновлению иных, еще более архаичных форм, к их регенерации. В итоге происходит движение вокруг одних и тех же понятий, которые лишь наполняются новым содержа-

нием в зависимости от историко-культурного момента. В этих изменениях и проявляются неизменные аспекты российской культуры.

XVI—XVII века в качестве идеала выдвинули лозунг возвращения к «старине», что было связано со значительным недовольством общим укладом русской жизни, распространившимся в разных слоях тогдашнего общества. Это и нашло свое полноценное выражение в расцвете ересей, в народных восстаниях и, конечно, в расколе. Представление о том, что движение вперед есть движение назад, к забытым ценностям и идеалам, было настолько сильным, что даже среди сторонников Никона, исправившего церковные тексты и обряды по новогреческому образцу, жила идея о современном возрождении того, что было ранее, а ныне испорчено. В умах же староверов противопоставление «старого, языческого» и «нового, христианского», возникшее в период Крещения Руси, переросло в антитезу «старого, христианского» и «нового, языческого».

Что же в действительности изменил Никон? Вместо двоеперстия, где идея Троицы передавалась сочетанием большого пальца с безымянным и мизинцем, а человеческое воплощение Христа — указательного и среднего, появилось троеперстие, в котором Троица передается сочетанием большого с указательным и средним, а идея Богочеловечества — сочетанием безымянного с мизинцем. Что касается исправления текстов, то в большинстве случаев они касались чисто формальной, языковой стороны, которая приводилась в некоторое соответствие с развитием языка, хотя ни о каком сближении с разговорным языком не может быть и речи. Язык православных текстов как был, так и остался церковнославянским, т.е. книжным.

Изменилось церковное пение: от «многогласия» перешли к «единогласию». При многогласии все требуемые уставом той или иной церковной службы тексты произносились одновременно, что было ориентировано скорее на Бога, чем на человека, потому что понимание затруднялось. Единогласие как бы повернулось непосредственно к человеку, как бы приглашая его к сопереживанию, в чем видна ориентация не на передачу, а на восприятие.

Перемены, которые внес Никон в богослужебную практику, были знаковыми, формальными, и в принципе содержание не подвергалось изменению, что в рамках продолжающейся православной традиции было и невозможно. Но именно это вызывало гневные нападки сторонников «старой веры», которые переживали знак как нечто безусловное, внеположенное, от нас не зависящее. К тому же старый

церковнославянский язык, по мнению всех носителей православной веры, был единственно возможным средством передачи божественной истины, таким образом изменение формы, т.е. языка, немедленно приводило к искажению боговдохновенной истины.

С другой стороны, в церковных реформах прослеживается определенное западное влияние, поэтому ревнители старины, ратуя за «старую веру», видели в новых веяниях и угрозу потери Россией своей подлинности.

Несмотря на запреты и давление со стороны официальной власти в то время и последующие века, на массовые самосожжения, старообрядчество просуществовало, почти не изменившись, до XX в. и сыграло важную роль в становлении российской экономики и промышленности, потому что подавляющее большинство российских купцов и промышленников, имевших деловой успех и ставших миллионерами, столпами российского бизнеса, вышли из старообрядческих семей.

Мы много говорим о московском периоде российской культуры, потому что он чрезвычайно важен для всего последующего развития, ибо именно тогда зарождалась та культура, которую мы имеем в настоящий момент. Известно, что развитие любого явления можно предсказать по тому, как оно появлялось на свет. И в этой связи нам бы хотелось остановиться еще на одном важном явлении российской культуры, ярко проявившемся уже в эту эпоху, а именно, сакрализации монарха.

Определенная ориентация на византийскую культурную традицию долгое время ощущалась в истории культуры России. Часто это происходило в форме полемики с ней ради охранения принципа самобытности российской культуры, но так или иначе многие идеи выросли на российской почве через посредство юго-западного соседа. И именно из Византии заимствуется идея параллелизма монарха и Бога, которая, правда, сама по себе не предполагает сакрализации, или обожествления, первого.

В России эта традиция переосмысливается и усиливается после падения Константинополя, когда русский великий князь становится единственным независимым православным монархом. И одновременно спасителем и охранителем единственной истинной веры — православия, что придавало ему некий мессианский ореол. Начиная со времени Василия II Темного (XV в.), великого князя во многих документах стали называть царем, тогда как в русской православной

традиции слово «царь» являлось одним из имен Бога («Царь Небесный»). Таким образом наименование человека царем приобретало мистический смысл. Впоследствии Иван Грозный венчался на царство, и наименование «царь» становится обязательным атрибутом российского монарха. Царь оказывается сопричастным Богу, а власть приобретает высшую, божественную санкцию. Постепенно такое отношение к царю вошло в российский культурный менталитет и в определенной степени сказалось на последующем развитии культуры.

Обо всем этом весьма интересно написал Б.А. Успенский в работе «Роль дуальных моделей в динамике русской культуры», чьи мысли мы здесь кратко изложили.

Несколько слов необходимо сказать об искусстве Московского периода российской истории.

Первые пятьдесят лет после монголо-татарского нашествия русское искусство находилось как бы в состоянии шока. Даже в Новгороде, куда не дошли завоеватели, не создавалось ничего нового и оригинального, а происходила лишь переделка старого. Однако во время этого «затишья» накапливались художественные силы, вскоре приведшие к тому периоду в развитии российского искусства, которое называют русским Предвозрождением, соотнося его в некоторых формах, прежде всего в архитектуре, с итальянским Возрождением.

С XV века Москва становится художественным центром Руси, а большинство местных художественных школ, до этого обладавших определенной самостоятельностью, подпадают под ее влияние. С этого времени можно говорить о формировании общерусского искусства.

В Москве и близ нее в XV в. были построены: Успенский и Рождественский храмы в Звенигороде, Благовещенский собор Московского Кремля, храм Троицы в Троице-Сергиевом монастыре, храм Спасо-Андроникова монастыря в Москве и мн. др. Со становлением главенствующей роли Москвы в общерусском культурном, политическом, экономическом процессах возникла необходимость в освоении архитекторами больших монументальных форм государственно-митрополичьего жанра, что и выразилось в большинстве храмовых построек того времени.

Однако уже XVI в. приносит с собой шатровую архитектуру, выражавшую более религиозное, чем собственно государственное содержание. Построенный в 1554—1560 гг. храм Покрова Богородицы на рву (Василий Блаженный) современники называли Новым Ие-

русалимом, чем сравнивали его с образом идеальной, божественной красоты. Происходило усиление символической стороны искусства.

Другой важнейшей стороной искусства московской эпохи является иконопись. Наиболее значительными представителями русской иконописной школы XV в. являются Андрей Рублев и Дионисий.

Русская иконопись этого периода выделяется своей монументальностью, внутренней силой и драматической выразительностью образов, смелой и свободной живописной манерой.

С творчеством Андрея Рублева в иконопись вошли глубокая гуманность, возвышенная одухотворенность и идеальная просветленность образов, идеи согласия и гармонии. Ему принадлежат такие известные иконы, как «Троица Ветхозаветная», «Архангел Михаил», «Апостол Павел», фреска «Святой Лавр» в Успенском соборе Звенигорода.

Дионисий увлекался скорее внешней стороной в ущерб психологической разработке образа человека. Для его работ характерно предельное облегчение фигур, высветление и тонкая нюансировка колорита, подчеркивание воздушной пространственности, стремление к изощренной красоте. К числу его созданий относят икону «Богородица Одигитрия», а также фреску собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря «Поклонение волхвов».

Иконопись этого периода достигла непревзойденного совершенства художественной формы.

3.4. Культура императорской России

Эпоху Московского царства сменяет не менее трудное и противоречивое время, которое мы назовем Императорской Россией. Начало этой эпохе положил Петр I Великий, проведя коренную, как казалось, ломку всего старого, «отжившего», недееспособного, прорубив «окно в Европу». Мы не будем останавливаться подробно на самих реформах, а наметим лишь их основные направления, главное для нас — понять сущность и значение новаторств Петра для культурно-исторического развития России.

Народно-религиозные движения, раскол, попытки приоткрыть занавес во времена царя Алексея Михайловича, реформаторские идеи фаворита Софьи князя Голицына, так или иначе, подготовили страну к широким изменениям. Реформа была неизбежна, однако шла ожесточенная борьба между сторонниками и противниками нового, выматывавшая Россию, и к началу XVIII столетия сложилась странная ситуация, когда основная масса населения стала индифферентной к возможному развитию событий. Распри переместились в высшие сферы, а народ остался наблюдателем. Страна вошла в некий динамический тупик, который мог быть разрешен не умеренной реформой, основанной на народном сознании, но крайними мерами, насильем сверху, причем волей одного лица. Сложные перипетии российской истории ослабили оба противоборствующих лагеря. Таким образом, с одной стороны, вокруг Петра не было действенных сдерживающих сил, но с другой — ему почти не на кого было опереться. Поэтому первые же шаги по расширению роли дворянства, т.е. служилых людей, обязанных своим возвышением только царю, и развитие образования были жизненно необходимы Петру.

Жесткие меры, предпринятые Петром против духовенства, как это ни странно для такой религиозной страны, не вызвали особых протестов среди населения. Постоянное отрицание в кругах высших и средних церковных иерархов идей стихийных народно-религиозных движений отбросило тех людей, в ком еще живо было нравственное и религиозное самосознание, в стан оппозиции. Быть может, это и не помогло особенно Петру, но, во всяком случае, не затруднило ход реформ.

Парадоксально, но в России, которая славилась своими общественными устоями, всегда четко осознавали границы дозволенного,

хотя она была, возможно, менее культурна, чем западные страны. В России царь творил, что хотел, переходя от одной циничной выходки к другой. Таким образом, введение нового происходило не через запрет или отмену старого, а путем откровенного оплевания этого «старого», втоптывания его в грязь, глумления над ним. И здесь снова проявляется тот дуализм, о котором шла речь выше. Новое проявляет себя не движением вперед, а демонстративным отталкиванием от прошлого, когда для предполагаемого изменения содержания культуры необходимо прежде всего отринуть форму, «старые одежды», что, однако, воспринимается как посягновение на самые основы российской жизни. Возможно, интуитивно осознавая это, Петр и стремился к изменению формальных, внешних сторон российского общежития: заставлял носить немецкое платье, говорить на заграничный манер, брил бороды. Но при всем это глубинное содержание культуры не изменялось, варьировалась форма, которая и воспринималась как содержание.

Многие критики петровских реформ говорят о поверхностности изменений, их чисто внешней эпатажности, за которой не стоит глубокого содержания. Но не следует так низко оценивать значение этой, казалось бы, внешней прививки новых культурных элементов. Нововведения уже сами по себе имели знаковый характер, т.е. в своей форме они были содержательны. Всякий культурный факт прежде всего проявляет себя вовне. И первая отрицательная реакция на новизну связана с формой ее проявления, а не с содержанием. А приятие внешнего расчищает дорогу внутреннему. Необходимо было приучить людей к новой одежде, европейскому этикету, обучить языкам, чтобы вместе с этим безболезненно протащить новую идеологическую программу.

Построение Санкт-Петербурга также укладывается в указанную парадигму. В России в течение длительного времени самым святым местом была Москва. Теперь же Петр как бы подавил прежнюю святость, потерявшую, с его точки зрения, значение в новых условиях. Разрушая «старые» ориентиры, нельзя было упустить и Москву.

Как Петр поставил себя во главе русской церкви, так он поставил Петербург над Москвой, государственность над «лживой», т.е. отжившей, святостью. И в этом смысле постоянное наименование Петербурга «парадизом» (раем) есть попытка создания новой святости, нового святого пространства. Как Москва в прежние времена отталкивалась от Константинополя, так теперь Петербург отталкивается

от Москвы: «Петербург — Третий Рим». И то, что в 1721 г. Петр принимает сан императора, одновременно отмечая собственно русскую традицию, подтверждает подобный взгляд.

Да, Россия вошла в число европейских государств по стилю официальной жизни. Но Петр понимал, что судьба нового члена европейского сообщества не будет простой. И его величайшей заслугой перед Отечеством является, конечно же, создание регулярной армии и флота, выход к морям.

Тем не менее в реформах Петра много случайного, произвольного, стихийного. Разрушение сменяется созиданием, чтобы снова вернуться к разрушению. Петр I идет через круговорот бесконечного повторения, гигантские потери как в человеческом, так и в финансовом плане, но при этом какая-то неиссякаемая жизненная сила, которую ничто не может сломить, двигала его вперед. Все это напоминает расточительность природы в ее слепом стихийном творчестве, что еще раз подтверждает глубинный, почти неосознаваемый характер проявлений российской культуры, ее неизбежную природность, почвенность. И в этом, несмотря на антинациональную одежду реформ, их глубокая национальность. Страна получила такую реформу, какую заслуживала.

В целом весь XVIII в. прошел под эгидой преобразований Петра, и монархи, в разное время бывшие на престоле, а особенно Елизавета и Екатерина II, ощущали себя наследниками и продолжателями его дела. Это столетие забыло многие противоречия, возникшие в период реформ. Необходимо было пожинать первые плоды и окончательно обустроиваться. Если при Петре развитие новой культуры непосредственно связано с деятельностью императора и приближено ко двору, то уже в эпоху Екатерины Великой культурное творчество выходит из узких придворных рамок на широкий национальный простор. Зародившаяся во времена Петра светская интеллигенция начала становиться значительной силой тогдашнего культурного поля. Аристократическая Россия начала образовываться уже совсем по-западному.

Екатерининская эпоха не только продолжает дело Петра, но и составляет ему определенный контраст: «Петр создал русским тело, а Екатерина вложила в них душу», — говорили тогда. Действительно, время Екатерины II стало началом сознательной общественной жизни. Прежнее культурное самосознание еще долго влияло на духовное состояние России, несмотря на изменение внешних условий. И только в рассматриваемую нами эпоху была признана важность общест-

венной теории и необходимость сознательного общественного поведения. Такой переход произошел прежде всего под влиянием книжной культуры, которая стала главной трибуной разворачивавшегося на Западе и затронувшего Россию Просвещения.

Главной идеей, которая способствовала развитию российского общественного самосознания, стала мысль о том, что общественный строй в интересах «человечества» может и должен быть перестроен на «разумных» началах. Но это в свою очередь полностью размежевало традиционное и критическое направления в новой, формирующейся культуре, чего практически не было при Петре. И тогда оказалось, что новая культура как основа социального строя находится в полном противоречии с новой культурой как основой сознательного отношения к жизни. Культура власти оказалась сильнее, чем власть культуры. Понятно, что власть выбрала первое направление. В качестве идеологии, которая была призвана сыграть охранительную функцию против проникновения в российскую культуру прежде всего идей французской революции, была выбрана идеализация старины. Но никоим образом нельзя считать это обращение к прежней культурной традиции простым восстановлением утраченной в XVII — начале XVIII вв. преемственной связи. Старая Россия со своими традициями и обычаями окончательно ушла в прошлое, и только поэтому стала возможной ее идеализация. Таким образом, время правления Екатерины II является точкой отсчета двух ведущих тенденций в русской общественной жизни: националистической и критической, впоследствии проявившихся в самых различных формах.

Одним из самых сложных для культурологического анализа является XIX в., потому что здесь, как никогда, мы встречаемся со множеством культурных процессов, протекающих в разных направлениях. Век противоречивый, неоднозначный во всех своих проявлениях.

Культура начала XIX в. была бурной и прекрасной.

Победа в Отечественной войне принесла в общество самые серьезные надежды на изменение. Крестьяне верили, что после окончания войны получат освобождение от крепостной зависимости, многие образованные дворяне верили в реальную возможность изменения существующего государственного устройства или хотя бы в его либерализацию. В общем и целом все во что-то верили. И в этом отношении культура данного столетия есть культура великих замыслов, надежд, иллюзий, мечтаний. Россия переживала сильнейший духов-

ный взлет, что дало повод некоторым исследователям говорить о золотом веке российской культуры применительно к XIX столетию.

Происходит резкая дифференциация культурных пластов. Вместо двух культур, «высокой» и «низкой», дворянской и крестьянской, разделенных небольшими тончайшими прослойками, формируется та множественность, которая и раздробляет наши представления о культуре XIX в. в целом. Таким образом, параллельно сосуществуют собственно дворянская культура, помещичья культура, разночинская, крестьянская, мещанская, и при этом все они серьезно отличаются друг от друга. С этого столетия можно говорить о принципиальном различии культуры города и деревни. Окончательно сформировался тип русского интеллигента.

Наиболее важной для существования российской культуры явилось противостояние двух тенденций, о которых мы уже говорили применительно к екатерининской эпохе: ориентация на Запад и ориентация на Россию, а в конечном итоге — это противопоставление иррациональной и рациональной сторон российской культурной жизни.

В яркой художественной форме они отразились в романе И.А. Гончарова «Обломов». Штольц — убежденный западник, деловой человек, очень энергичный, всегда чем-то занятый, резкий, и Обломов — вечно лежащий на диване, сонливый, не любящий торопиться, мечтательный, постоянным атрибутом которого являются халат и туфли. Казалось бы, все ясно — России нужны люди дела, которые поднимут ее экономику, разовьют культуру, но вывод этого романа-исследования до парадоксальности противоположен: Штольцы опасны для России. Мы Обломы, и в этом наша судьба. Россия сильна своей патриархальностью, традиционностью, которые выступают гарантами целостности российского культурного сознания и этических ценностей.

Всякие социальные потрясения на российской почве приводят всегда прежде всего к разрушению моральных устоев российского человека, что в свою очередь до предела обостряет сами процессы тех или иных радикальных изменений. Пока в каждом из нас живет хоть чуточку Обломова, российская культура будет незыблемой.

В российской общественной мысли уже в первой половине столетия оформилось идейное противостояние славянофилов и западников.

Все началось с опубликованного в 1836 г. П.Я. Чаадаевым «Философического письма», в котором он выступил с резкой критикой российской культуры. Человек, долгое время пробывший за границей, представил некий обвинительный акт российскому народу и его культуре. Он писал об умственной и духовной отсталости великороссов, о неразвитости представлений о долге, справедливости, праве и порядке, об отсутствии какой-либо самобытной человеческой «идеи». «Народы существа нравственные точно так же, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей воспитывают годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру», — писал Чаадаев. Его идеи попали на подготовленную почву, сразу породив бурную полемику о сущности российской культуры, ее истории и путях ее дальнейшего развития. Общественное мнение разделилось на два полярных лагеря: славянофилов и западников.

Видными представителями славянофильства были Иван Киреевский (1806—1856) и Алексей Хомяков (1804—1860). Их основная идея заключена в принципе целостности человеческого духа. Понятию «разума» немецких философов они противопоставили категорию «духа», которая оказывается полнее и глубже. Адекватное восприятие жизни и реальных процессов немислимо без целостного духовного усилия, сочетающего в себе как отвлеченно-аналитическое начало, так и религиозно-мистическое. Истина доступна только цельному человеку, сочетающему в себе логическое мышление, «сердце», эстетический смысл, совесть, любовь. Особое место в концепции славянофилов занимает идея соборности, до сих пор до конца не понятая и не оцененная. Под соборностью Хомяков понимал свободное духовное единство людей в деле совместного понимания правды, в деле совместного отыскания пути к спасению, основанное на единодушной любви к Богу. Православие для славянофилов — религия любви, и в силу этого оно предполагает как свободу, так и единение. Идеи славянофильства были развиты К.С. Аксаковым и Ю.Ф. Самариним. Ко второй волне славянофильства принято относить Н.Я. Данилевского, Н.Н. Страхова и К.Н. Леонтьева.

Идею славянофильства, хотя и в несколько утрированной форме, выразил Шатов, герой романа Ф.М. Достоевского «Бесы»: «Народ — это тело Божие. Всякий народ до тех только пор и народ, пока

имеет своего Бога особого, а всех остальных на свете богов исключает безо всякого примирения... Если великий народ не верует, что в нем одна истина (именно в одном и именно исключительно), если не верует, что он один способен и призван всех воскресить и спасти своею истиной, то он тотчас же перестает быть великим народом и тотчас же обращается в этнографический материал, а не в великий народ. Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенной ролью в человечестве или даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою. Кто теряет эту веру, тот уже не народ. Но истина одна, а стало быть, только единый из народов и может иметь Бога истинного, хотя бы остальные народы и имели своих особых и великих богов. Единый народ-богоносец — это русский народ...».

Оппозицию славянофильству составило западническое движение (П.Я. Чаадаев, Н.В. Станкевич, В.Г. Белинский, А.И. Герцен). Главной идеей западничества можно считать культурную отсталость России от Западной Европы. С их точки зрения, Россия должна пройти основные этапы западного пути развития, усвоить европейскую науку. Интересно, что в плане общественно-политической доктрины именно представители этого движения стали активными поборниками европейской демократии, с одной стороны, и носителями социалистических идей — с другой.

Важнейшей частью полемики западников и славянофилов было отношение к петровским реформам. Первые видели в них несомненный прогресс, возвращение России в лоно мировой культуры и связывали с этими преобразованиями современные достижения и неудачи в духовной, политической, экономической областях, т.е. за образец была взята западная система ценностей и приоритетов, с позиций которых и производилась оценка российского развития. Вторые относились к Петру и его действиям в целом негативно, считая, что в результате произошло разрушение российского культурного кода, нарушилась преемственность в развитии культуры, а Россия утратила свою самобытность. В итоге же все сводилось к проблеме путей дальнейшего существования культуры России. Именно тогда и зашел разговор о собственно русском направлении движения, что впоследствии стало называться «третьим путем», или поисками «русской идеи», под знаком которой оформлялись самые различные общественные группы. Каждой из альтернатив соответствует свой тип куль-

турного человека, тип сознания, социального бытия, нравственно-этических идеалов, свое понимание смысла жизни.

Но пример самого Чаадаева говорит о некоторой условности такого абсолютного деления на западников и славянофилов, потому что в зрелом возрасте философ перешел на более мягкие по отношению к российской культуре позиции, обнаружив в духовном облике русских людей некоторые черты, которые должны способствовать возвышению России, в частности, способность к отречению во имя общего дела, смиренный аскетизм, открытость сердца, совесть и прямоту. В процессе мировоззренческой трансформации от откровенно антироссийской концепции Чаадаев приходит к идеям, близким славянофильству. Особенно такому изменению взглядов способствовали результаты Французской революции 1830 г., значительно отрезвившие его взгляды на Европу.

Так или иначе в эти дискуссии были вовлечены все лучшие российские умы, и в самоопределении по данному вопросу видели проявление активной гражданской позиции. Но свою оригинальность российская общественная мысль проявила все-таки на позициях, близких к славянофильству, потому что западническая направленность была в большей степени репродуктивной. Тем не менее Россия до сих пор не сделала свой выбор.

Российская общественная мысль XIX в. развивалась в самых, казалось бы, непредсказуемых направлениях. Кроме уже названных, здесь и декабристы, либералы, народники, марксисты, радикалы, почвенники, нигилисты. В 60-х годах XIX в. формируется русская материалистическая школа (М.А. Бакунин, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев, И.М. Сеченов). Французская и английская философия находит свой отклик в русском позитивизме (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, М.М. Троицкий, Г.Н. Вырбов и др.).

Перед нами общекультурный европейский процесс, связанный с релятивизацией истины и общей рационализацией мышления. Но в отличие от Запада, который в ту эпоху восхищался позитивизмом и отрицал собственно философское знание, в России сформировался круг философов, не принявших западных веяний и создавших оригинальную российскую философию, величайшими открытиями которой Россия всегда может гордиться.

Это Владимир Сергеевич Соловьев, Николай Александрович Бердяев, Семен Людвигович Франк, Василий Васильевич Розанов, Сергей Николаевич Булгаков и др. Они выступали с критикой запад-

ного пути развития, как ведущего в духовный тупик, превращающего человека из субъекта в объект, тем самым разрушающего самые глубинные слои существования культуры.

Особое место в истории русской философии занимает имя Владимира Соловьева (1853—1900), олицетворяющего собой вершину русской философской культуры. Его именем по праву может гордиться все человечество. Принцип положительного всеединства, предложенный Соловьевым, становится универсальным, и он последовательно проводит его через все сферы человеческой деятельности: научную, хозяйственно-экономическую, политическую, духовную. Практическая всеобщая реализация этого принципа утверждает тождество Истины, Добра и Красоты и в конце концов приводит к богочеловечеству.

Важное отличие самобытной российской философии от западной — ее глубокая религиозность, напрямую связанная с традиционной религиозностью всего российского народа. И если западная философия изощрялась в анализаторстве, то для российской философской мысли намного ближе были идеи соборности, единения во имя всеобщего спасения. Оригинальная русская философия получила свое развитие и в трудах представителей так называемого русского религиозно-философского Ренессанса (отец Павел Флоренский, отец Сергей Булгаков, Н.А. Бердяев и т.д.).

Николай Бердяев (1874—1948) — родоначальник экзистенциализма, направления в философии, которое в XX в. станет одним из наиболее популярных в мире. Бердяев описывает всемирный исторический процесс как борьбу между добром и злом, доказывая, что абсолютные ценности имеют надисторический и надсоциальный характер. Идея абсолютного блага реализуется, по Бердяеву, через способность любить. Поэтому православие, как религия любви, приобретает для него исключительное значение. В своей философии Бердяев преодолевает ограниченность рационалистического западноевропейского гуманизма, утверждающего абсолютную ценность человека как «разумного» существа. У Бердяева приоритет личности над общественными и государственными приоритетами достигается на иных путях. Не Разум, а душа человека есть то его уникальное свойство, которое предпосылает ему сопричастность Абсолютному Духу, Богу. И именно душа человека становится источником творческого начала, с помощью которого преодолевается ограниченность и несовершенство «мира сего» и осуществляется прорыв в «мир иной» — мир абсолют-

ного блага и совершенства. С этих позиций Бердяев анализирует и критикует буржуазный дух, социализм и коммунизм, в которых, по его мнению, относительные ценности некорректно приобретают статус абсолютных. Бердяев одним из первых заговорил о дегуманизации культуры, вытеснении человека из процессов культуротворчества, наступлении века машин, который задавит человеческую индивидуальность.

Одной из безусловных заслуг отца Сергея Булгакова (1871—1944) следует считать обстоятельный критический анализ истоков и перспектив марксизма и социализма. Булгаков блестяще доказывает, что марксизм есть извращенная религия, основой которой является некорректное политэкономическое истолкование еврейской хилиастической утопии («хилиазм» — царство святых на земле). Марксизм лишь перевернул с ног на голову идею богочеловечества (восхождение человека к Богу), заменив ее идеей «человекобожия» (низведение божественного к человеческому, принцип «самообожествления»). Наряду с отцом Павлом Флоренским (1882—1943), Булгаков разрабатывает учение о со- фийности мира, о сопричастности каждой земной твари и человечества в целом божественной премудрости, божественной красоте и любви. София, по мнению мыслителей, — актуальная связь между Богом и человечеством, которая дана ему в самом реальном бытии и которая наполняет жизнь подлинным смыслом. Учение о Софии так и не было понято и воспринято при жизни этих философов. Взгляды Сергея Булгакова были осуждены ортодоксами православной церкви, а Павел

Флоренский окончил свой жизненный путь в концентрационном лагере на Соловках.

На этом оригинальная русская философия не заканчивает свое существование. Ее традиции продолжают философы послеоктябрьского зарубежья (С.Л. Франк, Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин, Л.А. Шестов, Д.С. Мережковский, С.А. Алексеев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, отец Георгий Флоровский, отец Василий Зеньковский и др.), философы православной церкви (Александр Мень) и даже некоторые мыслители советской России (например, А.Ф. Лосев).

Яркой звездой российской культуры этого периода стала литература. Практически все идеи, будоражившие умы, проверялись на литературном материале. Наиболее значительными и продуктивными в этом отношении явились первая и последняя трети столетия, а также так называемый «Серебряный век».

Российская литература XIX века — это феномен, принадлежащий всей мировой культуре. В условиях авторитаризма она одновременно была и церковью, и школой, и адвокатской конторой, и испытательным полигоном. К тому же российская литература оказалась настоящей Кассандрой-прорицательницей, потому что многие ее предсказания сбылись. Вспомним роман «Бесы» Ф.М. Достоевского или «Историю одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина.

В культурной жизни России этого столетия лежат и корни будущей трагедии российского народа. Во второй половине века в Россию хлынули социалистические идеи. Опираясь на образы многострадального российского крестьянства и пролетариата, многие стали просто спекулировать этими идеями, хотя, несомненно, были люди, искренне заинтересованные в улучшении материальных и духовных условий жизнедеятельности низов общественной лестницы. Но часто подобные мысли носили абстрактный характер, без особого понимания истинных забот и проблем существования тех же крестьян. Главную трагедию российской интеллигенции видят в отрыве от народа, полагая, что именно этот фактор сыграл отрицательную роль в последующей истории культуры России. В чем же сущность этого разрыва?

Существование элитарной и низовой культур есть объективная реальность всякого общества, но в отличие от Запада, по мнению П.Н. Милюкова, дистанцирование между передовым отрядом интеллигенции и народной массой в российской культуре произошло не в области внешних форм жизни и даже не в области новых критических идей, а прежде всего в отношении к вере. У верхов и низов было разное понимание веры. Для высших слоев российского общества всегда на первом месте стояла обрядовая формальная сторона веры, тогда как низовые слои большее внимание уделяли иррациональным проявлениям веры. И сближение между полярными областями общественного устройства было возможно только посредством просвещения и образования, т.е. подтягивания народных масс до уровня интеллигенции. Но беда российской культуры, ярко проявившаяся в XIX в., состояла в том, что дело народного образования было отдано на откуп бездарным, косным чиновникам и церкви, которая видела в этом процессе только форму воспитания послушного маленького человечка. Однако в последней трети столетия наметилось некоторое сближение позиций верхов и низов, что связано с изменениями экономического развития страны, но и этот процесс был почти останов-

лен в начале XX в. новым витком элитаризации культуры, который мы называем «Серебряным веком». Интеллигенция надолго отвортила от себя народ.

Если мы проведем исторические параллели, то заметим некоторое сходство ситуации, сложившейся в России в начале XX в., с эпохой Французской революции. Вероятно, главной причиной последней явился трагический, непреодолимый разрыв между аристократической и буржуазной культурой, который В.И. Ленин впоследствии назовет революционной ситуацией, когда «верхи не могут управлять по-старому, а низы не могут жить по-старому». Но перед нами иллюзия близости. Французская революция была типичной буржуазной революцией, где победивший класс решал свои проблемы. А все эксцессы позднего периода революции были преодолены достаточно быстро. Октябрьская революция в России совершилась в большей степени спонтанно, что привело в конечном итоге к процессам, кардинально изменившим культурную ситуацию без учета последствий этих изменений.

3.5. Социокультурная ситуация в России XX века

Культура советского периода чрезвычайно неоднозначна, в ней много как плюсов, так и минусов. Мы до сих пор сохраняем слишком прочную связь с этой культурой, поэтому не можем быть полностью объективны. И серьезный культурологический анализ эпохи коммунистического строительства еще впереди. Однако уже сейчас можно сказать, что это сложная диалектическая целостность, в которой нормальные, собственно человеческие элементы странным образом уживались с тоталитаризмом, обращение к великой российской истории служило прославлению системы и т.д. Несмотря на кажущийся разрыв с предшествующей культурной традицией, культура в СССР сохранила многие черты собственно российского культурного менталитета.

До сих пор огромной проблемой остается осмысление места Октябрьской революции в истории Российского государства. Часто даже в научной литературе мы сталкиваемся с утверждением, что октябрьские события 1917 г. вписываются в понятие «переворота», и только.

Думается, что такая точка зрения является слишком упрощенной. Действительно, коммунистические идеи были экспортированы в Россию с Запада, и сама коммунистическая теория, безусловно, была продуктом западной мысли, причем мысли наиболее радикальной. Верно и то, что коммунистические идеалы никак не были связаны с традиционной российской культурой и пропагандировались извне достаточной узкой группой революционеров. Следует, наверное, согласиться и с тем, что смена всей общественно-политической системы стала возможной, в том числе из-за недостаточной решительности и жесткости императорской, а затем и буржуазной власти (точнее, беспрецедентная жестокость, агрессивность и бескомпромиссность большевиков поставила их попросту вне конкуренции).

Вместе с тем многие идеи коммунистов все-таки нашли отклик в умах широких слоев населения и тогдашней интеллигенции. Большевиками была умело использована усталость людей от Первой мировой войны, которая приобрела крайне изнурительный и затяжной характер. Зарождающийся капитализм также не вполне импонировал сознанию российского обывателя. В нем он увидел несправедливый способ распределения материальных благ, ориентацию на утилитарно-материалистические ценности, накопление и потребительство.

Монетаризм («диктат денег»), присущий капиталистическому мировоззрению, заставил усомниться в духовных началах и нравственности этого строя. Так или иначе, но капиталистические отношения так и не вызвали восторга у значительной части интеллигенции и простого люда, что, безусловно, существенно облегчило задачу большевистской партии.

Утопия о «светлом будущем», обществе справедливости и достатка вселяла надежду в сердце русского человека, утомленного тяжелыми условиями быта. Максималистский и идеалистический склад русского характера вполне мог принять перспективу коренных перемен и характерную для коммунистических идей устремленность в будущее. Необходимо также помнить, что одна из центральных идей новой теории, идея коллективизма, не была чужда России, для которой идеалы соборности, коллективного спасения и общинного хозяйствования являлись вполне традиционными. В дальнейшем, когда несоответствие между коммунистическими идеалами и реальной жизнью достигло своей очевидности, советской власти пришлось многократно менять свою тактику ради утверждения своего господства. И спектр мер, направленных на достижение этой цели, был весьма велик: от объявления «красного террора», граничившего с геноцидом коренного населения страны, до известных «поблажек» в духе «новой экономической политики» и прямого отступления от марксистской философии под предлогом ее «творческого переосмысления».

Восстановление системы централизованного авторитарного государства, произошедшее в России в 1920-х гг., первоначально можно было объяснить гигантским распадом государственной системы и всех цивилизованных основ общественной жизни, явившихся следствием Октябрьской революции и гражданской войны. Но дальнейшее развитие репрессивно-манипуляторской системы сталинизма, конечно, невозможно объяснить только этим, и даже идеей И.В. Сталина о нарастании классовой борьбы по мере построения социалистического общества. Россия в форме СССР стала классическим тоталитарным государством, в котором процветал полный контроль над всеми сферами жизни общества и человека, преследовались и уничтожались оппозиция и инакомыслие. Главным институтом регуляции духовной жизни стала коммунистическая партия. В культуру вошел принцип партийности, требовавший от философии, общественных наук, искусства и литературы отражать интересы правящей партии и класса рабочих и крестьян. В искусстве расцвел метод социалистического

реализма, о котором очень зло отозвался В.С. Гроссман в романе «Жизнь и судьба»: «Соцреализм — это волшебное зеркальце, которое на вопрос партии и правительства, кто на свете всех милее, всех румяней и белее, отвечает: ты, партия, правительство, всех румяней и белее». В общих чертах, это метод, требовавший от художника «правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии» и сочетавшийся «с задачей воспитания трудящихся в духе социализма» (из «Устава Союза писателей СССР», 1934 г.). И надо сказать, что своих высших достижений советское искусство добилось на иных духовных путях (творчество Б. Пастернака, С. Есенина, М. Булгакова, М. Шолохова, А. Солженицына, В. Гроссмана, А. Ахматовой, С. Прокофьева, Г. Свиридова, П. Филонова, К. Васильева и др.). В целом, для культуры советской эпохи характерно разделение духовной жизни общества на официальную и оппозиционную, так называемую «внутреннюю эмиграцию».

Однако в своих глубинных основаниях культура советского периода продолжила предшествующее развитие российской культуры. Более того, сама политическая власть в определенные моменты была вынуждена негласно, но вполне целенаправленно поощрять обращение к русской истории и национальной культуре. Особенно четко это проявилось в период Великой Отечественной войны и в годы послевоенного строительства, когда коммунистических идеалов стало явно не хватать для духовного подъема нации. Во время экстремальных для страны ситуаций советское руководство каждый раз начинало «заигрывать» с русским народом, спекулируя на его лучших качествах: силе духа, трудолюбию, всепрощению. Да и сама марксистско-ленинская идеология очень своеобразно и интересно наложила на общую религиозность российского народа, став неким псевдорелигиозным учением. Возможно, именно потому, что власть ощущала внутреннюю духовную параллельность коммунизма и православия в сознании человека, в 1920—30 гг. русская православная церковь подверглась сильным репрессиям и разрушениям. А повсеместный культ вождя вполне может быть сопоставлен с обожествлением монарха, о котором мы уже говорили выше.

При всех объективных минусах СССР стала мощной державой, заставившей с собой считаться все мировое сообщество, и в этом мы видим продолжение традиций Ярослава Мудрого, Петра Первого, Екатерины Великой и других правителей, которые всеми своими делами и мыслями ратовали за величие России. Мы сделали страной

сто процентной грамотности, самыми читающими; в СССР выплавляли стали больше, чем Америка и Европа вместе взятые. И этот ряд можно продолжать долго — вопрос в том, как на это смотреть. Главное, что необходимо понять и уяснить для себя, — нельзя просто так зачеркнуть этот сложный и противоречивый период российской культурной истории, на каких бы основаниях он ни был построен.

Современная культурная ситуация вызывает немалую тревогу у культурологов. Довольно распространенным является утверждение, что развитие культуры России на настоящем этапе продолжает культурные традиции, насильственно оборванные в 1917 г. Однако перед нами довольно различные процессы. Лавинообразная смена ценностей и нравственных установок, захлестнувшая российскую культуру, не соответствует реалиям, характерным для дореволюционной России. И это можно проследить по всем культурным составляющим. Произошла резкая переориентация российского культурного сознания на Запад, что вызвано прежде всего экономическими причинами. Однако такая зависимость культурного менталитета от внешних причин совершенно не характерна для России. Высшее руководство страны никак не озабочено сохранением и поддержанием уровня России как великой мировой державы, решая свои личные интересы (борьба за власть, за сферы влияния, наполнение собственного кошелька и т.д.), что также не включается в общую культурную традицию функционирования власти. Несмотря на возросшую активность церкви и особое внимание к ней со стороны власть предержащих, Русская Православная Церковь уже не имеет того влияния на умы и души людей, какое мы наблюдаем на протяжении многих веков российской истории. И вряд ли церковь сумеет восстановить свой прежний уровень.

Тревожной чертой современного культурного поля является формирование слоя промышленников, бизнесменов и прочих деятелей экономики, которые в принципе не заинтересованы в нормальном развитии российского государства, его экономики и культуры, наживающие немалые дивиденды на продолжающемся хаосе.

Несмотря на множественные публичные заявления, нарушены и традиции российского меценатства. На современном этапе меценатство и спонсорство становятся средствами саморекламы и получения налоговых льгот, тогда как в дореволюционный период для российских меценатов был важен уже сам факт помощи, поддержки, а не только прославление собственного имени. П.М. Третьяков, основа-

тель знаменитой Третьяковской галереи, говорил, что свое богатство он собирает лишь для того, чтобы оно снова вернулось к людям. Сейчас подобная практика достаточно редка, и можно сомневаться, что такая идеология присуща большинству современных российских меценатов.

Интересным для изучения является так называемый феномен «новых русских», которые первыми разорвали прежнюю структуру культурной ментальности и оказались в некоем свободном полете, вне каких-либо культурных и нравственных ограничений. Существующие взгляды на данную группу людей разнятся от абсолютного одобрения до полного неприятия. Для культурологов в этом вопросе важно понять, являются ли «новые русские» той кастой, которая сможет совершить культурный прорыв, радикально способствуя преобразованию всей российской культуры для существования в новых цивилизационных условиях. Однако имеется фактор, затрудняющий рассмотрение «новых русских» с таких позиций. Культура — это всегда осознание границ, тогда как «новые русские» ведущей линией своей жизни сделали закон собственного произвола.

Исследование феномена «новых русских» необходимо и потому, что они являются элементом современной российской субкультуры и существенно влияют сегодня не только на экономику России, но и на ее политику и культуру. Каковы же истоки «денежного мировоззрения» современных российских нуворишей? Российской ментальности всегда был чужд монетаристский подход к жизни. Испокон веков Россия жила идеальностью и выше своего «тварного» обустройства всегда ставила обустройство духовное и нравственное. В этом великая трагедия и великая сила русского стиля жизни: устремленность к духовным основаниям мироздания, неиссякаемость духовного потенциала здесь всегда сочетались с нивелировкой бытовых ценностей, с пренебрежительным отношением к плоти и «тварной» основе человека. Уже на заре постсоветских реформ экономисты отмечали, что «в отличие от рационалистической этики поведения западноевропейца, для которого забота о личном благополучии есть общепризнанная норма поведения, поведение русского человека в значительной степени ориентировано не на получение выгод, выражаемых совокупностью потребительских благ, а на общественное признание, соответствующее общепризнанным нормам. Для русского общественного сознания поступки, связанные лишь только с личным, частным интересом, не были общепризнанной нормой...». Поэтому дореволюцион-

ный капитализм так и не смог навязать русскому предпринимателю своей философии. Европа была подготовлена к мировоззренческому восприятию капитализма всей своей системой ценностей, начиная от антропоцентризма и индивидуализма и заканчивая рационализмом и либерализмом. В России же (как, впрочем, и на Востоке) такого мировоззренческого фундамента не было. Не было также и времени для распространения капитализма и капиталистических отношений в полной мере. Вследствие этого в дореволюционной России значение капитала так и не вышло за рамки чисто экономической сферы.

В годы советской власти экономическое мышление также не смогло распространиться в СССР. Вся коммунистическая идеология прямо или косвенно препятствовала этому. И сама марксистская философия, и система собственности, и воплощенный в жизнь принцип уравниловки низвели значение денег до минимума, необходимого для элементарного жизнеобеспечения. Такая государственная политика имела неоднозначные последствия. С одной стороны, сама реальная жизнь доказывала бесполезность накопления капитала; население испытывало не столько дефицит денежных средств, сколько дефицит услуг и товаров. С другой стороны, отсутствие экономического стимула, низкий уровень жизни и ощущение бесперспективности становились причиной подсознательной идеализации западных ценностей. Недовольство советской экономической системой формировало у людей оппозиционные чувства. Жесткие рамки экономической несвободы зачастую ассоциировались с несправедливо отнятыми возможностями к достойному обустройству предметно-эмпирического бытия. Психологически это послужило одним из оснований монетаристского ажиотажа у значительной части предпринимательства постсоветского периода.

В «эпоху перестройки» опыт западных бизнесменов был молниеносно усвоен и перенесен на отечественную почву. Учтены были также и многовековые криминалистические уроки истории. А главное, вместе с уродливым и искусственным экономическим трафаретом, который навязывается сегодня нашей стране, неуклонно начало пробивать себе дорогу и соответствующее ему мировоззрение. Уродливая иерархия ценностей, в которой экономический элемент занимает верховное положение, была помножена на сто и «творчески» переработана. Родившийся в итоге мировоззренческий монстр превзошел все ожидания. «Моральный кодекс» «новых русских», доведший принципы западного менталитета до своего логического и абсурдного

конца, своей беспринципностью и цинизмом ошарашил даже выдавших виды российских уголовников.

Скорее всего, феномен «новых русских» мог возникнуть только в России — стране безапелляционного максимализма, где нет места компромиссам и где каждая идея, каждая черта характера доводится до крайности. Философия экономического благополучия получила уникальную возможность посмотреть на свое уродливое отражение без грима и прикрас. Как в портрете Дориана Грея, «новые русские» отобразили всю суть духовного убожества современной цивилизации.

Справедливости ради необходимо заметить, что профессия предпринимателя объективно содержит в себе потенциальную угрозу монетаризации мировоззрения. Цель любой коммерческой операции — извлечение максимальной прибыли. Таким образом, универсальная оценка деятельности фирмы, проводимых ею операций, а также профессиональных качеств персонала полностью вписывается в рамки экономического эффекта. Иными словами, аксиологическая (ценностная) сторона бизнеса вполне исчерпывается шкалой денежных эквивалентов. Даже такие, казалось бы, чисто этические понятия, как порядочность, честность, справедливость, в мире предпринимательства трансформируются в чисто рационально-экономические категории: порядочность партнера понимается в качестве одного из гарантов получения прибыли, и не более того.

Денежная интенциональность (ориентация, направленность сознания) предпринимательства объективна и не является сама по себе искажением ценностных ориентиров, поскольку замкнута на профессиональной деятельности. Вместе с тем бизнесмены по роду своего занятия попадают в своеобразную «группу риска». Шкала денежных эквивалентов, необходимая и вполне уместная в ремесленных рамках, способна трансформироваться в стиль жизни и экстраполировать критерии оценки предпринимательской деятельности на мировоззрение в целом. Гарантом против подобной экстраполяции может служить только высокий духовный потенциал человека, способность к критическому самоанализу. К сожалению, как показывает опыт российского бизнеса, такой духовной защиты у современных отечественных предпринимателей нет.

Если вспомнить историю возникновения североамериканского предпринимательства, то можно провести немало параллелей с нынешней ситуацией в российском бизнесе. Как известно, первое поко-

ление американских мигрантов состояло из выходцев со всех концов света. Причины, заставившие людей оставлять насиженные места, были далеко не праздными. Этими людьми руководили отнюдь не патриотические соображения, не вера в «светлое будущее» американской экономики и не идея построения постиндустриального общества. В своем большинстве первые североамериканские поселенцы состояли из «отбросов общества»: одни спасались от закона, другие — от неудач и разочарований собственной жизни, третьи видели в зарождающемся государстве быстрый и легкий путь обогащения. Сырая правовая база и слабый государственный контроль провоцировали недопустимые формы борьбы с конкурентами, и в итоге своеобразного «естественного отбора» смогли выжить только сильнейшие, т.е. наиболее беспринципные, лишённые нравственных и духовных «комплексов» первопроходцы.

Нынешнее поколение российских «деловых людей» в своей основе также формируется по остаточному принципу. Прежде всего это люди, не способные к реализации своей интеллектуальной собственности, к конструктивной, созидательной деятельности, и вследствие этого выброшенные обществом на периферию духовно-культурной жизни. В этом плане весьма показателен социальный состав «новых русских». Это либо бывшая номенклатура, вовремя оказавшаяся возле приватизируемых предприятий, с легкостью сменившая свои коммунистические убеждения на монетаристскую психологию. Либо откровенно уголовные элементы, смекнувшие, что в условиях общественно-политической и правовой нестабильности действовать под прикрытием коммерческой вывески наиболее удобно, эффективно и безопасно. Либо это вновь пришедшая молодежь, не освоившая толком школьную программу, но зато не отягощенная какими-либо признаками мыслительного процесса.

Так или иначе, но поколение «новых русских» объединяют нравственный нигилизм, полная неспособность к духовной деятельности, монетаристская психология и, как следствие, паразитический способ существования под флагом предпринимательской деятельности. Поэтому вполне закономерно, что рост благосостояния современного российского бизнесмена вершится на фоне общего спада производства, обнищания населения, инфляции и развала экономики страны в целом.

Лучшей иллюстрацией нищеты внутреннего мира носителей монетаристской философии являются многочисленные российские

клубы, стриптиз-учреждения, казино и прочие увеселительные заведения, получившие широкую популярность среди представителей «ново-русского» предпринимательства. Здесь они получают все необходимые средства для удовлетворения своих потребностей, которые, как правило, не выходят за рамки чисто физиологических отклонений. Периодические выходы в театр, покупка дорогостоящих художественных произведений и антиквариата, ставшие в последнее время модными в кругу бизнесменов, к сожалению, не свидетельствуют о культурной переориентации «новых русских», поскольку диктуются исключительно их представлениями о «престижности» или необходимостью создания имиджа.

Серьезной отрицательной стороной современной культурной ситуации является отсутствие позитивной программы дальнейшего развития России, которая была бы одобрена социальным большинством. В обществе существуют разнонаправленные тенденции, рассекающие российскую культуру на несколько несовместимых плоскостей по национальным, экономическим, политическим признакам, что еще больше обостряет ощущение надвигающейся катастрофы. Конечно, культура, а точнее учреждения культуры, продолжают свое существование, и люди по-прежнему посещают театры, выставки, концертные залы, и внешне ситуация выглядит не столь трагичной, однако самоубийство одного из ведущих академиков РАН, ставшее протестом против невыносимых условий, в которые поставлена наука, а с ней и вся культура, лишний раз подтверждает патовость положения.

В научном мире существуют самые разные концепции выхода из современного культурного кризиса, однако сложность заключается в том, и это общемировая тенденция, что гуманитарные науки утратили возможность влиять на культурные процессы, поэтому, сегодня судьба культуры во всем мире, а не только в России, зависит от экономической и политической элиты.

ЗАПАД И ВОСТОК

Деление мира на Восток и Запад условно и меньше всего имеет собственно географическое значение. Это понятия, прежде всего философско-культурологического характера, которые фиксируют два принципиально различных мировоззрения и пути культурного развития. Основой для такого деления послужили во многом противоположные парадигмы, лежащие в основе западноевропейской и восточно-азиатской культур. В классическом виде обобщенный социокультурный тип Запада сформировался в эпоху Нового времени и нашел свое выражение в глобальных мировоззренческих ориентациях на жесткий антропоцентризм и рационализм. Эталоном восточного типа культуры может служить Древняя Индия (в частности весьма распространенная на Востоке буддистская религиозно-философская система), которой удалось сформулировать космоцентрические взгляды и иррационально-мистический подход к человеку, обществу, природе и космосу.

Карл Густав Юнг, изучая мировоззрение Востока и Запада, пришел к выводу, что эти два очага культуры возможно рассматривать в терминах экстравертивности и интровертивности. Экстравертивный тип культуры и человека означает «обращенность вовне» и направленность на преобразование мира; интровертивный тип, напротив, обращен внутрь самого себя. Здесь трудно не согласиться с Юнгом: действительно, на протяжении веков мы наблюдаем активный и деятельный характер Запада, стремящегося подчинить себе окружающий мир, навязать ему свои «правила игры». На Востоке же главенствует принцип запрета на иерархию элементов бытия: все в мире равноценно и составляет единый и неделимый космос. Когда восточный человек сталкивается с противоречиями между «Я» и окружающим его миром, он руководствуется правилом «измени себя».

Тенденция к различному мировосприятию и к определению места человека в системе бытия складывается еще в древности и четко прослеживается в мифологическом сознании восточной культуры и античного мира, который можно расценивать в качестве прародителя современной западноевропейской цивилизации. Если ведическая традиция достаточно быстро преодолела антропоморфные представления и идею персонификации бога, то в античной культуре и то и другое составило фундамент картины мира. В то время как восточ-

ный мир оперировал сложными трансцендентными понятиями, решая вопрос о соотношении космической и индивидуальной души, античный мир создает пантеон богов, как две капли воды, похожих на людей. Как не вспомнить слова Вольтера: «Бог создал человека по образу и подобию своему, а человек отплатил ему тем же».

Человек в восточном мировоззрении всегда остается частью природы, и идея реинкарнации подтверждает это. В мифах о происхождении человека в странах неевропейской ориентации подчеркивается мысль о том, что в человеке нет ничего, что позволяло бы ему возвыситься над природой или считать себя высшей ценностью. Более того, для неевропейской мифологии характерно даже некоторое уничтожение человека: согласно египетским мифам, он рождается из слез бога Ра, по древнеиндийской версии, он возникает из останков мертвого тела человека-титана Пуруши, китайская мифология предполагает, что человек произошел из паразитов, ползающих по телу умершего бога Пань-гу. Тогда как античные греки провозгласили, что человек стал результатом целенаправленной деятельности богов и возник он, ни много ни мало, из пепла титанов.

Еще в первой половине XIX в. Чаадаевым, а вслед за ним теоретиками славянофильства был увиден и теоретически осмыслен тот факт, что культуры Востока и Запада по-разному воспринимают и осваивают окружающий мир. Начиная с эпохи Нового времени, западная цивилизация строится на основах рационализма, что обуславливает индивидуалистический крен в вопросах взаимоотношения человека и мира. Отсюда и специфическая иерархия ценностей, в которой верховное место занимает бытие личности. Отсюда же и динамичный, подвижный характер западного общества, который позволил достичь невиданных успехов в науке, технике и материальном производстве.

На Востоке господствуют внерациональные механизмы познания и освоения мира. И на основе этих механизмов создана самобытная восточная культура, где индивидуальность оказывается поглощенной универсумом, где бытие личности ориентировано на подчинение интересам целого — общины, государства, макрокосма. Восточное мировоззрение покоится на иных категориях: знанию оно часто противопоставляет понимание, изучению — вчувствование, активному мышлению — пассивное созерцание, осмыслению — переживание.

Два образа мышления — две культуры, во многом полярно противоположные. Россия же, по убеждению славянофилов, не чужда ни Западу, ни Востоку и потому способна аккумулировать все то, что есть ценного в этих двух так непохожих друг на друга культурах. Отсюда славянофилы выводили особое место России в историческом процессе, ее особый путь социально-политического развития.

Анализируя современную духовную жизнь, можно констатировать, что сегодня политические, правовые, межличностные отношения строятся на основе всеобъемлющего внедрения рационально-экономического стиля мышления. Но, строго говоря, так называемое «экономическое мышление» уже взяло верх не только в области политики, но и на всех уровнях духовной жизни человечества. По принципу взаимной выгоды государства осуществляют свою внешнюю и внутреннюю политику. Страны бывшего Советского Союза ориентированы на приоритет экономического интереса. Даже в сфере межличностных отношений этот принцип из разряда необходимых неуклонно переходит в разряд главенствующих. Само по себе экономическое мышление, конечно, не является чем-то греховным. Напротив, как результат многовековой практики, оно есть величайшее порождение рационалистического ума и в качестве регулятора общественных отношений, безусловно, несет в себе колоссальный конструктивный заряд. Беда не в том, что экономизм внедрился в наше сознание. Беда в том, что экономизм, внедрившись в наше сознание, приобрел тотальный окрас. Теоретически, экономический стиль мышления является лишь одним из способов мышления вообще и поэтому представляет собой не что иное, как одно из проявлений «отвлеченных начал». А любое отвлеченное начало, возведенное в абсолют, через свою гипертрофию неизбежно обречено на самоотрицание. Практически же такое самоотрицание наблюдается уже сейчас, и становится совершенно ясным, что цивилизация XXI в. либо будет существовать на иных основах, либо и вовсе существовать не будет.

История XX в. преподала человечеству наглядный и трагический урок: до тех пор, пока мышление строится на принципах абсолютного рационализма, из функций политики неминуемо выпадает осмысление и созидание существенной части духовного бытия, а следовательно, и главного представителя духовного начала — человека. На основе рационализма можно построить экономический мир или правовое государство, но никогда — нравственное или совершенное. Ибо это уже есть сфера внерационального.

Возникает вопрос: а какую альтернативу могут предложить нам идеи славянофилов? Толкнуть мышление на путь иррационализма, а политику отдать во власть эмоциям, интуиции, религиозной мистике? Стоит ли в решении важнейших политических вопросов отказываться от проверенной логики западной цивилизации?

Безусловно, без логики и здравого смысла невозможно ни мышление, ни любая деятельность вообще. Призывать к иррационализму как к способу ведения политики было бы верхом безумия. Речь идет об ином: нельзя строить политику на основе рационализма тотального, на основе безусловного господства логики и пресловутого «здравого смысла». «Рано или поздно, — считает кн. В.Ф. Одоевский, — опыт заставит человека отказаться от того странного фантома, которому дали название разума, рассудка и так далее; человек начинает замечать, что по несовершенству слова силлогизм есть не что иное, как умерщвление мысли; человек уже не в состоянии играть в ту игрушку, которая занимала древних софистов и схоластиков; он чувствует, что за силлогизмом существует нечто другое, что силлогизм не удовлетворяет души человеческой, не наполняет ее». Н. Бердяев спрашивает: «Откуда известно, что истина всегда может быть доказана, а ложь всегда может быть опровергнута? Возможно, что ложь гораздо доказательнее истины. Доказательность есть один из соблазнов, которым мы ограждены от истины». И в самом деле, у фашизма была не только своя идеология, но и своя логика, в чем-то очень убедительная. Сталинские репрессии и концлагеря тоже были по-своему весьма логичным воплощением «научной» теории усиления классовый борьбы. А вот нравственность, напротив, только логическим путем постичь нельзя, рационализированная этика неминуемо вырождается в право, которое, как показывает опыт общественной и политической жизни, является несовершенным регулятором как межчеловеческих, так и международных отношений.

В Священном писании сказано: «Не убий», «Не укради». Мало кто возьмет на себя ответственность опровергнуть эти заповеди. Но вот берется за них рациональный ум, — и выясняется, что убивать и красть не только можно, но и нужно, если этого требует некая высшая, хорошо обоснованная цель. Аналогичным образом обстоят дела и с эстетическими ценностями: рационализированное искусство обрачивается такими уродливыми феноменами, как соцреализм, соц-арт и концептуализм и в конечном счете приводит к крушению идеалов, вкуса, царству дисгармонии.

Надо прямо признать: важные моменты бытия людей имеют внерациональный смысл. И их игнорирование уже сегодня стало причиной ряда глобальных кризисов. Ведь политика, основанная на рационально-экономическом стиле мышления, превращает не только отдельных индивидов, но и целые государства и континенты в паразитически настроенных потребителей. Полтора столетия назад кн. В.Ф. Одоевский предупреждал человечество: «Одно материальное просвещение, образование одного рассудка, одного расчета, без всякого внимания к инстинктуальному [т.е. внерассудочному, внерациональному — авт.], невольному побуждению сердца, словом, одна наука без чувства религиозной любви может достигнуть высшей степени развития. Но, развившись в одном эгоистическом направлении, беспрестанно удовлетворяя потребностям человека, предупреждая все его физические желания, она растлит его, плоть победит дух...». В жертву расчету (или прогрессу) приносятся экология, всеобщая безопасность, страны «третьего мира», словом, человечество.

Экономический стиль мышления — это своеобразный итог обостренного рационализма. И при таком подходе к осмыслению и созданию действительности с неизбежностью оказываются проигнорированными целые пласты духовного бытия людей. Поскольку политика играет огромную роль в организации социальной жизни и способна самым непосредственным образом влиять на духовный климат общества, правильный выбор определенного стиля политического мышления представляется особенно важным. Неполноценный, однобокий анализ реальных процессов и созданная на его основе политическая программа чревата самыми непредсказуемыми и зачастую необратимыми последствиями. Экономический рационализм, как и любой тотальный рационализм, никогда не приводил к желаемым целям, какая бы железная аргументация за ними ни стояла. Он все время как бы выворачивался наизнанку, доводя политику «здравого смысла» до очевидного абсурда. И примеров этому в истории не счесть.

Мы стали свидетелями парадоксального, на первый взгляд, явления. Была создана теория коммунистического преобразования общества. По гуманистической направленности ей нет равных. За основную цель и ценность она принимала человека, его духовное и физическое совершенство. Не одна тысяча томов была написана в обоснование этой теории, в подтверждение ее логической состоятельности. На практике же эта теория стоила миллионов искалеченных судеб, привела к полной деградации как духовной, так и материальной

жизни людей, к всплеску невиданной жестокости, к исчезновению человека. И думается, что дело тут не в логической ошибке и не в изначальной «порочности» марксистской идеологии. Ведь наблюдаемый сегодня кризис не вписывается в рамки определенной общественной системы. Даже там, где уровень материальной жизни достаточно высок, где, казалось бы, делается все для благосостояния человека, даже там степень отчужденности индивидов стала угрожающей, растет число самоубийств, стали нормой состояния всеобщей подавленности, одиночества, возродился нравственный нигилизм. Идет всемирный процесс оскудения духа.

Вместе с тем, неверно было бы считать, что современный мир неуклонно движется к своему краху, и уж совсем неуместно было бы наполнять исторический процесс эсхатологическим содержанием. Западная цивилизация лишь настолько обречена, насколько она является чисто экономической цивилизацией. Но кто сказал, что западный путь развития суть единственно возможный путь? Только что мы взглянули на Запад, теперь подошла очередь посмотреть на Восток.

Восточная культура в целом основана на внерациональном восприятии мира, и человеку этой культуры всегда была чужда однобокая рационализация, а тем более экономизация мышления как крайнее ее проявление. При любых противоречиях между индивидом и окружающей его средой восточная культура давала недвусмысленный совет: измени себя. Такая установка, культивируемая веками, безусловно, воспитывала у людей чувство социальной пассивности. Но не только. Она давала колоссальный стимул для самосовершенствования, для незаинтересованного отношения к природе, обществу, людям. Пока западная рационалистическая наука наращивала потенциал знания, восточная культура научилась понимать мир. В то время как Запад шел к «постиндустриальному обществу», все сменяя на своем пути, Восток внимательно и терпеливо вслушивался в бытие, пытаясь осознать его смысл на внерациональном уровне. И в результате, когда возникла насущная потребность в преобразовании экономической структуры общества, Восток сумел, не проходя долгого и мучительного западного пути, добиться фантастических результатов. Не случайно экономический прорыв стал возможен именно в Японии, Китае, Тайване, Корее, т.е. в странах с нетрадиционным мировоззрением. Бережное сохранение и умножение нерациональных и неэкономизированных способов освоения мира позволило Востоку воспользоваться результатами развития мировой цивилизации, причем

без тех чудовищных издержек, которые были бы неизбежны в случае простого дублирования западной модели. Япония, к примеру, не ставила перед собой задачи поднять свою экономику во что бы то ни стало, любыми средствами (как это было в Европе, или, скажем, как это происходит у нас). И в итоге феноменальный рост материального благосостояния вершится здесь на фоне благоговейного отношения к национальной культуре, природе и человеку. Тенденция к дегуманизации в культуре удивительным образом переплелась с рождением общества подлинного гуманизма.

Не следует, однако, идеализировать и восточный мир, возводить его в степень непререкаемого авторитета. Он также неприемлем для нас в качестве идеала или модели потенциального развития России уже потому, что мы обладаем своей собственной самобытной культурой, традицией, наконец, опытом социального устройства. Да и сама идеология подавления индивидуального начала во имя целого для русского человека означает моральную смерть (о чем свидетельствует весь «советский» период нашей истории). Феномен восточного прорыва в экономике имеет смысл рассматривать отнюдь не для того, чтобы культ Запада сменить на культ Востока. Приведенный пример является лишь наглядным подтверждением той мысли, что западному пути развития может быть альтернатива; что экономизация мышления есть хотя и прямая, но не лучшая дорога к здоровой экономике; что во внерациональных средствах освоения мира имеются конструктивные моменты; что, наконец, бережное отношение к своей собственной культуре и осторожное освоение зарубежного опыта иногда могут оказаться продуктивнее бездумного копирования чужих схем.

В самом деле, что нас может ожидать в будущем, если мы все-таки будем ориентироваться на Запад и, следовательно, будем продолжать экономизировать свое мышление? Очевидно, что в этом случае мы обречем себя на долгий и мучительный путь, не избежим дальнейшего ожесточения общества; ценности нравственного и эстетического характера надолго окажутся отодвинутыми на второй план. Дистанция между нами и Западом неизбежно сохранится, и потому любая конкуренция с ним на чисто экономических основах станет бессмысленной. Мы рискуем вступить в облик экономической державы в XXI век, век, в котором будут доминировать ценности иного, культурного плана. Мы рискуем надолго остаться олицетворением прошлого. Каким бы неопределенным ни виделось нам будущее России, необходимо помнить о том, что любая политика, любые преоб-

разования, любые реформы должны начинаться с четкого осознания, что Россия уже есть. Россия есть как великая страна, со своей собственной великой историей, с великой культурой и великими традициями. Россия никогда не была ни Европой, ни Азией. Она всегда была именно Россией. Она и сейчас остается Россией и всегда останется только ею.

Типологические особенности западной культуры: антропоцентризм; истина на службе человека; безграничная познаваемость мира и познающая активность субъекта; совершенствование мира в соответствии с человеческими представлениями и проектами; ориентация на будущее; потребительски организованное бытие; отсутствие глубокой личной религиозной веры.

Типологические черты культуры Востока: в основе мироздания — высшая трансцендентная воля; человек на службе истине; наличие принципиально непознаваемого и самораскрывающаяся активность объекта; изменение человека как части мира в соответствии с изначальным, не человеку принадлежащим замыслом; ориентация на вечность; духовно ориентированное бытие; конкретное личное вероисповедание.

КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА

В России под термином «культура» понимают совокупность учреждений по духовному воспитанию населения, как-то: музеи, выставочные залы, театры и кинотеатры, дома и дворцы культуры и тому подобное. Решение проблем, связанных с нормальным функционированием данной сферы, в России, да и бывшем СССР сложно и неординарно. Довольно часто перевод какого-либо памятника истории и культуры под защиту государства приводит к его полному разрушению. И если в советскую эпоху некоторые меры все же принимались, то нынешняя финансовая ситуация во многом усложнила поддержание культурного достояния России на должном уровне. Приведем один факт. На поддержание институтов культуры и образования выделяется 3% расходов государственного бюджета России, тогда как только на содержание президентских структур расходуется 5%. Как говорится, цифры красноречивы. К финансовым проблемам институтов культуры добавляются и правовые. В Российской Федерации на сегодняшний момент нет закона о культурной сфере. Действуют старые нормативные акты, не отражающие реалии времени. Конечно, появляются новые документы, к примеру, указы президента, но они лишь призваны залатать дыры. Существуют проблемы с подготовкой профессиональных кадров для управления учреждениями культуры и всей сферой культуры в государственном масштабе, т.е. системного подхода к управлению институтами культуры так и не выработано.

Сфера управления институтами и объектами культуры — одна из самых противоречивых во всей системе современной российской экономики, что связано с общими кризисными явлениями, которые в сфере культуры приобретают особую остроту. Культура в России входит и в сферу услуг и одновременно является важным составным элементом социальной инфраструктуры, обеспечивающей нормальное функционирование общественного бытия человека. Сфера культуры в современной России делится на государственную — большая часть — и частную. Управление институтами и объектами культуры подразделяется на управление материально-технической базой, т.е. зданиями, сооружениями, оборудованием, сырьем, технологическими процессами, обеспечивающими функционирование культурной сферы, и управление собственно духовной деятельностью. Наибольшие проблемы вызывают сложности с финансированием государственных

областей культуры, так как для поддержания и развития культурной сферы необходимы немалые затраты, значительная часть которых приходится на восстановительный ремонт, модернизацию и новое строительство. Поэтому на сегодняшний день стоит только вопрос о поддержании функционирования культурных институтов. Согласно законодательству, финансирование объектов культуры осуществляется четырьмя путями:

- 1) средства из бюджетов: федерального (не менее 2%), республиканских (не менее 6%) и местных (не менее 6%);
- 2) спонсорское участие (различные фонды содействия развитию культуры), дары и пожертвования;
- 3) средства учредителей;
- 4) собственные средства (доходы от культурной и коммерческой деятельности, экономия на налоговых льготах).

Сложности возникают и со второй составляющей сферы культуры. В частности, деятельность музеев заключается не только в экспонировании тех или иных предметов ради удовлетворения эстетических потребностей населения, но и в приобретении этих самых предметов, большая часть которых реализуется через систему аукционов. Это требует серьезных затрат.

Попытки расширить область негосударственного финансирования культурной сферы в конце концов сводятся к увеличению оплаты предоставляемых институтами культуры услуг, а это вступает в противоречие с интересами низкооплачиваемых слоев населения. Но, несмотря на это, цена на услуги культуры в России развивается в соответствии с рыночными законами, т.е. соотносится со спросом.

Важной частью нормального осуществления культурной деятельности и управления ею является законодательно закрепленные авторские права и права на владение интеллектуальной собственностью. Объект авторского права — это некая материальная форма, в которой выражены идеи. Объект интеллектуальной собственности — идеи, выраженные в определенной материальной форме. Авторские права подразделяются на неотчуждаемые, абсолютного характера (право авторства, право на авторское имя, право неприкосновенности произведения) и отчуждаемые, временного характера (право на опубликование, право на рассмотрение, право на воспроизведение). Несмотря на то, что в России существует закон об авторских правах, к сожалению, государство не берет на себя заботу следить за его соблюдением.

Будущая стратегия социально-экономического развития нашей страны обязательно должна предусматривать создание условий для нормальной культурной деятельности, в том числе:

- бесперебойное и полноценное государственное финансирование;
- налоговая поддержка негосударственного финансирования;
- меры по сохранению культурного наследия;
- обеспечение прав и свобод культурной деятельности.

Если взглянуть на то, как решаются эти проблемы на Западе, можно увидеть очень четкое понимание того факта, что поддержание памятников истории и культуры в хорошем состоянии — это гарантированный ежегодный доход от туризма, и вложенные средства на реконструкцию окупятся с лихвой. Ярким примером тому является «выселение» из здания Лувра в Париже Министерства финансов, потому что было необходимо расширять и реконструировать Лувр именно как всемирный культурный центр. И финансы отступили перед культурой. Существуют страны, для которых доход от туризма является самой главной статьей бюджета, которая позволяет направлять вырученные деньги на развитие экономики, на помощь нуждающимся слоям населения. Мы видим гармоничное сочетание выгоды и пользы. Если говорить о современных культурных институтах, таких как музеи, театры, залы классической музыки и так далее, то забота о них возложена на местные бюджеты, конечно, кроме общенациональных достояний, находящихся на государственном попечении. В отличие от индустриальной России, постиндустриальный Запад пришел к осознанию важности духовного развития индивидуума, хотя там под «духовным» понимается скорее интеллектуальное. Свобода выбора реализуется в том, что у человека есть возможность выбирать из множества имеющихся культурных институтов, и это множество должно быть обеспечено государством, так как всякий человек имеет право на духовное и интеллектуальное развитие. К сожалению, наше государство сначала ущемляет права человека быть человеком, а потом пожинает трагические плоды в виде преступности, алкоголизма, наркомании. Закон сохранения энергии парадоксально срабатывает и здесь: подъем экономики происходит за счет деградации духовности общества. Необходимо кардинально переломить ситуацию. И в этом первейшая задача современной российской культуры.

В эти сложные для российской культуры времена некоторую помощь оказывают международные организации, в частности ЮНЕСКО, или Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, существующая с 1946 г. и имеющая более ста шестидесяти стран-участниц. Она объединяет и направляет усилия мирового сообщества по охране и использованию культурного наследия.

Основной проблемой культурного наследия является не только его сохранение в первоизданном виде, но и включение накопленных культурных ценностей в иную культурную ситуацию, иной культурный хронотип. Сохранение культурного наследия внедрено в сферу интернационального взаимодействия и связано с системой международного культурного сотрудничества, но с другой стороны, — является неотъемлемой частью национальной культурной политики.

Основным координатором международной и национальной деятельности по сохранению культурного наследия выступает ЮНЕСКО, под эгидой которого в 1972 г. был создан Комитет всемирного культурного и природного наследия. Комитет принял два программных документа — «Конвенцию по охране культурного и природного наследия» (1972) и «Рекомендацию по сохранению исторических ансамблей» (1976). Основной обязанностью Комитета является составление Списка выдающихся памятников мировой культуры и оказание государствам-участницам помощи в обеспечении сохранности соответствующих объектов. Внесение памятника культуры в Список Всемирного наследия означает, что он становится объектом особой защиты и в целях его сохранения могут проводиться международные акции, оказываться финансовая и интеллектуальная поддержка.

Еще одной международной организацией, сотрудничающей с ЮНЕСКО, является Международный совет по вопросам сохранения исторических мест и исторических памятников — ИКОМС, который строит свою практическую деятельность на охране культурно-исторических ценностей, их реставрации и консервации. По инициативе ИКОМС принят ряд документов — Венецианская Хартия (1964), Флорентийская международная Хартия по охране исторических садов (1981), Международная Хартия по охране исторических мест (1987), Международная Хартия по охране и использованию археологического наследия (1990). Среди негосударственных организаций, занимающихся вопросами всемирного историко-культурного наследия,

необходимо выделить так называемый Римский центр — ИКРОМ, готовящий специалистов-реставраторов и координирующий научные исследования в области охраны и реставрации памятников.

В России охрана культурно-исторических памятников поручена Всероссийскому обществу охраны памятников истории и культуры, которое осуществляет проекты «Русская усадьба», «Российский некрополь», «Храмы и монастыри», «Русское зарубежье». В связи с финансированием целого ряда культурных проектов нельзя не отметить роль Российского фонда культуры. Особая культурно-историческая ситуация современной России в качестве одной из самых актуальных ставит задачу перемещения культурных ценностей. В связи с этим в России в 1992 г. образована Комиссия по реституции культурных ценностей, созданная для урегулирования взаимных претензий России и иностранных государств по возвращению культурных ценностей.

Непосредственно связана с рассматриваемой темой и проблема сложных отношений, которые складываются в XX в. между сферой культуры и сферой экономики, проблема, которая непосредственно сказывается на обыденной жизни человека. Само бытие человека оказалось раздвоенным. С одной стороны, постоянное стремление к реализации своей духовности, приобщению к высшим проявлениям культуры, к идеальным способам существования явилось необходимым условием сохранения собственно человеческого существа. С другой стороны, естественная необходимость удовлетворять свои утилитарные потребности, обустроить свою биологическую ипостась составляют предметно-эмпирическое измерение бытия, вне которого невозможна достойная организация человеческой жизни.

С рождением капитализма эта проблема приобрела особенную остроту. Постепенно, с развитием науки и техники, расширением рынка услуг, капитал становится основным фундаментом всей социально-политической системы общества. Товарно-денежные отношения, изначально призванные быть лишь «строительным материалом», рычагом создания новой цивилизации, начинают приобретать концептуальный смысл. Капитал становится не только базой для построения нового общества, но и идеологией этого общества (если, конечно, понимать под идеологией систему идей, принятую в качестве официального аксиологического стандарта в рамках государства). В результате построенная на этой основе цивилизация приобрела чисто экономический окрас. Более того, как это ни парадоксально, цивили-

зация превратилась в источник импорта философско-идеологических принципов духовно-культурного сектора.

Факт вытеснения духовно-культурных ценностей экономико-технократическими основами современной цивилизации был замечен многими культурологами и философами XIX и XX вв., начиная от Ницше, Шопенгауэра и Шпенглера и заканчивая Хайдеггером и Фроммом. По-иному, но с не меньшей болью эта мысль была выражена и представителями русского религиозно-философского ренессанса, увидевшими всю трагичность человеческого бытия, находящегося на пересечении мира «сего» и «иного», «дольнего» и «горнего», «феноменального» и «ноуменального».

В конце XX столетия проблема культуры и цивилизации, духовного и материально-экономического бытия человека обострилась как никогда. Все надежды на коммунистический рай полностью рассеялись. Идеология марксизма, постулирующая материально-экономический приоритет над духовным, не только не смогла обеспечить достойную жизнь человеку, но и послужила источником общей деградации духовности. Концепция «постиндустриального общества», во многом альтернативная марксизму, также не смогла вырваться из рамок прежних догм. Сегодня стало совершенно очевидным, что общество относительного экономического благополучия, призванное сделать предметно-эмпирическое бытие человека более комфортным, не только не справляется с глобальным духовным кризисом, но и служит источником все новых и новых катаклизмов.

Безусловно, свою роль в процессе капитализации и экономизации общества сыграли пресловутые ценности Нового времени, а если быть более точным — их упрощенная интерпретация в духе современного либерализма. Однако, констатируя процесс вытеснения духовно-культурных ценностей из жизни общества, нам необходимо более четко осмыслить саму причину этого процесса. И если обратно пропорциональные тенденции в развитии цивилизации и культуры налицо, то причины этих тенденций требуют дальнейшего анализа.

При этом особое значение приобретает еще один аспект названной проблемы — проникновение экономического фактора на все уровни человеческого бытия, начиная от обыденного мышления и заканчивая официальной идеологией. Соотношение культуры и цивилизации на сегодняшний момент уже нельзя рассматривать в традиционных формах, поскольку сама цивилизация (понятая в качестве утилитарно-прагматической структуры) претендует на создание сво-

ей собственной «культуры», со своей собственной иерархией ценностей. Процесс вытеснения духовности и сама культурная эсхатология теснейшим образом сопряжены с новым статусом экономических отношений. Меняется общественная психология человека; интенциональность (направленность) сознания приобретает сугубо «денежный» характер. Иными словами, сегодня мы становимся свидетелями рождения новой, монетаристской ментальности.

И главную проблему в соотношении сферы культуры и экономики мы усматриваем в осмыслении факта трансформации самой сущности денег. Почему изначально созданные для совершенствования процесса товарообмена и жизнеобеспечения деньги переходят сегодня в иное измерение — измерение внеэкономических интересов? Как случилось, что «презренный металл» из всеобщего экономического эквивалента перерождается во всеобщий эквивалент свободы? Наконец, какими факторами обусловлено вторжение денежно-товарных ценностей в социокультурный слой человеческого бытия?

Проникновение экономического сознания в сферу культуры приводит к восприятию мира через сведение всего и вся к количеству и абстракции. Класс предпринимателей, занимающий центральное положение в капиталистическом обществе, исходя из особенностей своей профессии, вынужден оценивать сферу своей деятельности по количественному признаку. Для него нет реального товара, реальных людей, реальных покупателей или реальных конкурентов. Есть лишь цифры, которые иллюстрируют рентабельность производства, характеризуют положение рынка сбыта. Весь мир, в рамках предпринимательской деятельности, имеет выражение в цифрах и количественных характеристиках. В данном случае бизнесмен имеет дело не с конкретным товаром и не с конкретными людьми, а с абстракциями, удобными для просчета эффективности производства или иных коммерческих сделок. Констатируя, что «современное массовое производство было бы невысказимо без количественного и абстрактного выражения», Эрих Фромм видит основной порок капиталистического уклада в том, что общество, «где экономическая деятельность стала главным занятием человека, процесс сведения всего к количеству и абстракциям перерос сферу экономического производства и распространился на отношения человека к вещам, людям и к самому себе».

По мнению Фромма, нынешний век характеризуется становлением нового типа рынка — рынка личностей. Не только мир в сознании человека стал товаром, но в товар превратился и сам человек, са-

ма личность. Она теряет индивидуальные качества, ее кредо становится формула «Я таков, каким вы хотите меня видеть». Рыночно ориентированная личность становится объектом меновой стоимости. «Предпосылкой рыночной ориентации является пустота, отсутствие каких-либо определенных качеств, которые не могли бы подвергаться изменениям, поскольку любая постоянная, устойчивая черта характера в один прекрасный день может вступить в конфликт с требованиями рынка». Рыночная ориентация означает перерождение человека в товар, следовательно, означает смерть личности.

В завершение в качестве информации к размышлению хотелось бы напомнить слова замечательного русского философа Ивана Ильина: «Человек, уважающий себя лишь постольку, поскольку его уважают другие, — в сущности говоря, не уважает себя: его духовное самочувствие зависит от вторичных впечатлений, т.е. от чужой неосведомленности и некомпетентности; на самом же деле его снедает чувство собственной малоценности, тщеславие и жажда внешнего успеха; и если этот успех и популярность изменяют ему, то он перестает чувствовать свое духовное достоинство и личность его утрачивает свою форму. Подобно этому, человек, уважающий себя лишь за мнимые, или часто внешние, или же эмпирически-случайные свойства, — за то, что не составляет его духовного существа (за силу, за красоту, за богатство), — в сущности говоря, уважает не себя: его духовное самочувствие зависит от того, что, может быть, и принадлежит ему, но не есть он сам...».

Кортунов Вадим Вадимович

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. УЧЕБНИК

Коломенская типография
Московская обл., г. Коломна, ул. 3-го Интернационала, 2 А

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 15, ком. 536
Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36
Подписано в печать 05.05.2022. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10,75. Тираж 620 экз. Заказ 391.